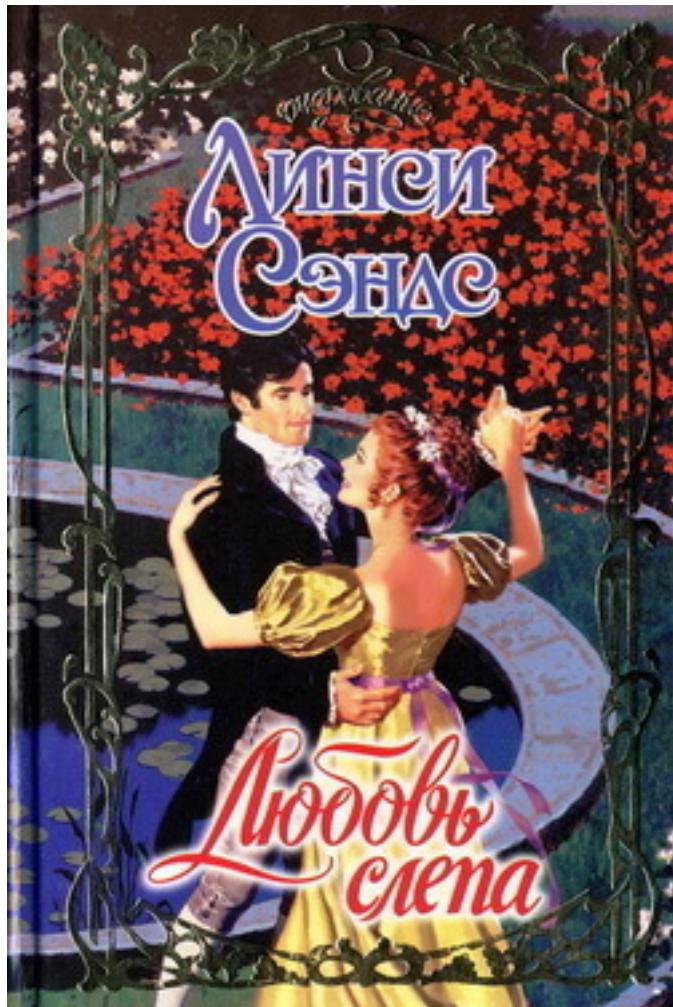

Линси
Сэнс

Любовь
слепая

Линси Сэндс

Любовь слепа

OCR Диана; SpellCheck Angelli

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161258

*Любовь слепа: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-045305-4; 978-5-9713-6006-3; 978-5-9762-4121-3*

Аннотация

Близорукая неумеха, танцевать с которой попросту опасно для жизни... Ей, явно неспособной найти себе мужа, уготована судьба старой девы... Вот лишь немного из того, что говорили в Лондоне о Клариссе Крамбри после смешной и скандальной оплошности, случившейся с ней на балу. И за этой особой ухаживает неотразимый граф Моубри? Неужели знаменитый светский лев сам оказался в сетях любви?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	32
Глава 4	50
Глава 5	71
Глава 6	90
Глава 7	116
Глава 8	136
Глава 9	160
Глава 10	183
Глава 11	207
Глава 12	228
Глава 13	252
Глава 14	272
Глава 15	292
Глава 16	311
Глава 17	330
Глава 18	350
Глава 19	372
Глава 20	394

Линси Сэндс

Любовь слепа

Глава 1

Лондон,

Англия, 1818 год

– «Любовь – как жар... в моей крови».

Кларисса Крамбри поморщилась, когда эти слова повисли в воздухе. И правда, это, должно быть, худшее из стихотворений, которые лорд Прадомм прочел с того момента, как час назад приехал в лондонский дом ее отца.

Неужели прошел всего час? Поистине, казалось, этот пожилой джентльмен провел здесь уже несколько дней. Он вошел, размахивая книгой, и с триумфом заявил, что ей больше понравится, если он почитает ей вместо их обычной прогулки. И Клариссе бы понравилось, выбери он для чтения что-нибудь другое. А еще больше она была бы ему признательна, если бы он не вел себя так, будто оказывает ей услугу.

Несмотря на все его слова, Клариссу было трудно одурачить. Она знала причину такой внезапной перемены планов. Старик надеялся избежать несчастий, благопристойно усадив ее на диван, пока он будет читать вслух свою книгу стихов. Похоже, даже этот пожилой и благожелательный Пра-

домм начал уставать от постоянно случающихся с ней неприятных происшествий.

Конечно, она не могла винить его; до настоящего момента он был ужасно терпелив. Почти святой, честно говоря. Определенно, он проявил больше понимания и силы духа, чем другие ее поклонники. Казалось, он прощал ее всякий раз, когда она принимала его пухлые маленькие ножки за столик и ставила на них чай, улыбался болезненной улыбкой, когда она все норовила, танцуя, наступить ему на ногу, и даже мирился с тем, что во время прогулок в парке она постоянно спотыкалась и оступалась. По крайней мере так казалось. Но сегодня он нашел способ избавить себя от всего этого. К несчастью, его выбор книги для чтения оставлял желать много лучшего. Кларисса предпочла бы поставить себя в глупое положение в парке и плюхнуться носом в торт, чем выносить весь этот бред.

– «Это окрыляет меня». – Голос лорда Прадомма вибрировал от страсти... или, может быть, просто от старости; Кларисса не была уверена, от чего именно. Честно говоря, он был достаточно стар, чтобы быть ее дедом. К несчастью, для ее мачехи, Лидии, это не имело никакого значения. Эта женщина пообещала Джону Крамбри, что он увидит свою дочь замужем, даже если это убьет их обоих. Лорд Прадомм был последним из нескольких ухажеров, все еще беспокоивших ее. При таких условиях было похоже, что смерть им не грозит. Однако над Клариссой нависла опасность оказаться за-

мужем за престарелым джентльменом, вставшим перед ней на колени и яростно размахивающим руками, говоря о вечной любви. – «Я поклянусь моей»... э... «моей»... Леди Кларисса, – прервал сам себя лорд Прадомм. – Прошу вас, передвиньте ближе свечу, если вам не трудно. Я не могу разобрать это слово.

Кларисса отогнала скуку и искоса посмотрела на своего кавалера. Прадомм казался темной кляксой с круглым розовым туманным пятном лица, увенчанного серебристым облаком волос.

– Свечу, девочка, – нетерпеливо произнес он, все намеки на галантность на мгновение сменились раздражением.

Кларисса сощурилась, глядя на свечу, стоящую на столе рядом с ней, взяла ее и послушно наклонилась вперед.

– Так гораздо лучше, – удовлетворенно сказал Прадомм. – И так, где я остановился? А, да. «Я поклянусь моей бессмертной...» – Он снова умолк и принял себя. – Вам не кажется, что что-то горит?

Кларисса деликатно потянула носом. Она открыла рот, чтобы сказать «да», но, прежде чем слова слетели с ее губ, Прадомм взвизгнул. Отпрянув от неожиданности, она удивленно смотрела, как старик вдруг вскочил на ноги и начал бешено скакать, размахивая руками и колотя себя по голове. Кларисса не понимала, что происходит, до тех пор, пока белое пятно, бывшее его париком, вдруг не слетело и не начало яростно биться о его ногу. Она взгляделась в розовое

смутное пятно, бывшее его головой, потом в его движения и поняла, что, должно быть, поднесла свечу слишком близко – она подожгла его парик.

– О Господи! – Кларисса поставила свечу, не отпуская ее до тех пор, пока не почувствовала, что та твердо стоит на столе. Из-за своего слабого зрения и плохой ориентации в пространстве, она чуть не сбила с ног маленького джентльмена, когда бросилась помогать ему.

– Убирайтесь! – закричал Прадомм, отпихивая ее.

Кларисса упала в кресло и уставилась на него в немом изумлении, потом резко перевела взгляд на дверь, где шорох возвестил о том, что кто-то пришел.

И не один, поняла она, прищуриваясь на разноцветные пятна цвета и силуэты, столпившиеся на пороге. Казалось, все слуги в доме услышали вопли Прадомма и примчались на помощь. Вне всяких сомнений, ее мачеха тоже здесь, подумала Кларисса и тихонько вздохнула в наступившей тишине. Она видела недостаточно хорошо, чтобы знать, смотрят ли на нее столпившиеся у дверей люди с жалостью или с укором, но ей не было нужно зрение, чтобы догадаться, какое выражение на лице Прадомма. Она почти физически ощущала его гнев, несмотря на несколько футов, разделявших их. Затем маленький лорд разразился яростной бранью.

Он был так зол, что почти все сказанное им сливалось в практически неразделимую на слова тираду. Клариссе удалось разобрать среди них отдельные клочки – «нескладная

идиотка», «чертово несчастье» и «опасность для общества», – но потом, в середине его речи, она увидела, как его темная рука поднимается и приближается к ней. Кларисса замерла, боясь, что он может наброситься на нее, но она была не совсем уверена. Было очень трудно разобрать что-то без очков.

К тому моменту, когда его кулак оказался достаточно близко, чтобы Кларисса поняла, что он действительно собирается ударить ее, было слишком поздно уклоняться от удара. К счастью, остальные, очевидно, догадались, что он собирается сделать, и, пока он говорил, подошли ближе. Несколько человек бросились на него во время замаха, не дав его кулаку опуститься. Их борьба выглядела для нее туманной смесью мелькающих пятен. Кларисса слышала ругательства Прадомма и ворчание одной из фигур, в которой, ей показалось, она узнала Фоулкса, дворецкого. Потом снова слышались проклятия, и туманный калейдоскоп начал продвигаться к двери.

– Фи! Стыдитесь, лорд Прадомм! – явно расстроено воскликнула мачеха Клариссы, сиреневым туманным пятном следуя за остальными к двери, и с волнением добавила: – Надеюсь, как только вы успокоитесь, вы найдете возможность простить Клариссу. Я уверена, она не хотела поджигать ваш парик.

Со вздохом отвращения Кларисса снова опустилась в кресло. Она не могла поверить, что мачеха все еще надеется устроить ее брак с этим человеком. Она подожгла его парик,

Господи! И он пытался ударить ее! Хотя Клариссе следовало бы догадаться, что Лидия так просто не отступится. Какое дело ее мачехе, что в результате она окажется замужем за жестоким человеком?

– Кларисса!

Резко выпрямившись, она повернулась, чтобы осторожно оглядеться, когда сиреневое пятно, оказавшееся Лидией, снова всплыло в комнату и захлопнуло за собой дверь.

– Как ты могла?

– Я сделала это нечаянно, Лидия, – сразу же сказала Кларисса. – И этого бы вообще никогда не случилось, если бы вы просто позволили мне носить мои очки. Наверняка у меня было бы больше кавалеров, не будь я такой неуклюжей...

– Никогда! – отрезала Лидия. – Сколько раз я должна тебе повторять, что девушки в очках вообще не находят мужа? Я знаю, что говорю. Лучше быть немного неловкой, чем носить очки.

. – Я подожгла его парик! – не веря своим словам, воскликнула Кларисса. – Это хуже, чем неловкость, и в действительности теперь это даже не смешно. Это становится опасно. Он мог получить серьезные ожоги.

– Да. Мог. Слава Богу, что этого не случилось, – сказала Лидия неожиданно спокойным голосом. Кларисса едва не застонала вслух. Она уже по опыту знала, что когда мачеха говорит таким тоном, это не предвещает ей ничего хорошего.

Глава 2

– Моубри! Ты уже лет сто не приезжал на сезон. Что привело тебя в город?

Лорд Эйдриан Монтфорт, граф Моубри, перевел взгляд с танцующих пар на приближающегося мужчину – высокого, светловолосого, чрезвычайно красивого Реджиналда Гревилла. Он и Гревилл, его кузен, когда-то были лучшими друзьями. Однако время и расстояние ослабили связь – не без помощи войны с Францией, с горечью подумал Эйдриан. Проигнорировав вопрос Реджиналда, он в знак приветствия довольно мрачно улыбнулся и снова перевел свой взгляд на мужчин и женщин, элегантно кружащихся по паркету. Вместо приветствия он произнес:

– Наслаждаешься сезоном, Гревилл?

– Разумеется, разумеется. Свежая кровь. Свежие лица.

– Свежие жертвы, – сухо сказал Моубри, и Реджиналд рассмеялся:

– И это тоже. – Реджиналд был хорошо известен своей репутацией соблазнителя невинных юных созданий. Только его титул и деньги спасали его от изгнания из города.

Качая головой, Эйдриан снова мрачно улыбнулся:

– Я удивляюсь, как ты никогда не устаешь от этой охоты, Редж. Мне они все кажутся печально похожими. Я бы поклялся, что это те же самые молодые женщины, которые де-

бютировали в своем первом сезоне, когда я в последний раз выезжал в свет... и за год до этого, и еще годом раньше.

Его кузен небрежно улыбнулся, но покачал головой:

– Прошло уже десять лет с тех пор, как ты приезжал в город, Эйдриан. Те женщины все давно замужем и вынашивают детей или остались старыми девами.

– Разные лица, те же самые дамы, – пожимая плечами, сказал Эйдриан.

– Какой цинизм! – укоризненно произнес Редж. – Ты явно постарел.

– Я стал старше, – поправил его Эйдриан. – Старше и мудрее.

– Нет. Просто постарел, – со смехом настаивал Редж, рассматривая людей, движущихся в танце передними. – Кроме того, в этом году есть пара настоящих красоток. Вон та блондинка, например, или та брюнетка рядом с Чалмсли.

– М-м-м... – Эйдриан тщательно изучил обеих женщин. – Поправь меня, если я ошибаюсь, но, на мой взгляд, у той брюнетки – как бы очаровательна она ни была – нет ни единой мысли в голове. Как у той леди Пенелопы, которую ты соблазнил, когда я последний раз был здесь.

Глаза Реджа удивленно расширились от таких наблюдений.

– А блондинка... – продолжил Эйдриан, внимательно изучая женщину и принимая во внимание ее расчетливый взгляд. – Родители занимаются торговлей, куча денег, и ей

нужен титул, чтобы добавить его к деньгам. Примерно как Лили Эйнсли. Еще одна из твоих побед.

– В яблочко, – признал Реджиналд, глядя немного скептически. Какое-то время он переводил взгляд с одной женщины на другую, а потом резко рассмеялся. – Ты все мне испортил. Я подумывал одарить одну из них или даже обеих своим вниманием. Но теперь я потерял к ним интерес. – Он нахмурился на мгновение, но потом оживился: – Ага, я знаю одну женщину, которую ты не сможешь так легко разгадать.

Схватив Эйдриана под руку, он потащил его по залу, остановившись, только когда они достигли противоположной стены.

– Вот! – с удовлетворением произнес он. – Девушка в желтом муслиновом платье. Леди Кларисса Крамбри. Готов поспорить, ты не сможешь найти кого-то в твоем последнем сезоне, с кем можно сравнить ее.

Эйдриан посмотрел на девушку, о которой шла речь. Крошечная – вернее, изящная – и очаровательная, как только что распустившаяся роза, с каштановыми волосами, лицом в форме сердца, огромными глазами, полными губами... Она выглядела такой несчастной, какой только может быть молодая женщина, состояние которой, как он подозревал, было связано с женщиной постарше, стоящей рядом с ней. Его взгляд скользнул по матроне. Пухленькая, с темными волосами, она была красива, несмотря на то что цвет юности уже померк – вернее, была бы, если бы не застывшее на ее лице

недовольное выражение, когда она, поджав губы, обозревала бальный зал. Эйдриан снова перевел взгляд на девушку.

– Первый сезон? – спросил он, охваченный любопытством.

– Да. – Редж, похоже, забавлялся.

– Почему никто не танцует с ней? У такой красавицы не должно быть свободного места в бальной карточке.

– Никто не осмеливается пригласить ее – и ты тоже не осмелишься, если дорожишь своими ногами.

Брови Эйдриана поползли на лоб, взгляд неохотно переместился к мужчине рядом с ним.

– Она слепа, как летучая мышь, и к тому же опасна, – объявил Редж, кивая, когда Эйдриан с недоверием посмотрел на него. – Правда, она не может протанцевать и шага, чтобы не наступить тебе на пальцы и не упасть. Она даже не может ходить, не натыкаясь на мебель. – Он умолк, подняв бровь в ответ на выражение лица Эйдриана. – Я знаю, что ты не веришь этому. Я тоже не верил... из-за своей собственной глупости. – Реджиналд повернулся, чтобы сурово посмотреть на девушку, и продолжил: – Меня предупреждали, но я проигнорировал это и сопровождал ее на ужин... – Он снова посмотрел на Эйдриана. – К несчастью, в тот вечер на мне были коричневые брюки. Она перепутала мои колени со столом и поставила на меня свой чай. Вернее, попыталась. Чашка перевернулась и... – Редж замолчал, недовольно поежившись от воспоминания. – Будь я проклят, если она не обожгла мою

игрушку!

Эйдриан с недоумением уставился на кузена, а потом расхохотался.

Реджиналд изумленно посмотрел на него и криво улыбнулся:

– Да, смейся. Но если у меня никогда больше не будет детей... законнорожденных или нет, я буду винить в этом только леди Клариссу Крамбри.

Тряся головой, Эйдриан хохотал еще сильнее, и это было так приятно. Уже много лет ничто в жизни не казалось ему хоть сколько-нибудь смешным. Но образ изящного цветочка у стены, принявшего колени Реджиналда за стол и опрокинувшего на них чашку с чаем, был невероятно забавным.

– И что ты сделал? – смог наконец выговорить он.

Редж покачал головой и беспомощно воздел руки:

– Что я мог сделать? Я сделал вид, что ничего не случилось, остался сидеть, как был, и пытался не кричать от боли. «Джентльмен никогда не обнаруживает, что заметил, и никоим образом не привлекает внимания к публичным ошибкам дамы», – сухо процитировал он и снова со вздохом взглянул на девушку. – Говоря по правде, я не думаю, что она в действительности понимает, что наделала. Ходят сплетни, что в очках она видит прекрасно, но она слишком тщеславна, чтобы носить их.

Все еще улыбаясь, Эйдриан вслед за Реджиналдом посмотрел на девушку. Внимательно изучив ее несчастное ли-

чиго, он покачал головой.

– Нет. Это не тщеславие, – объявил он, глядя, как женщина постарше, сопровождавшая Клариссу, сказала ей что-то, встала и отошла.

– Ну что ж, – начал Редж, но замолчал, когда Эйдриан, не обращая на него внимания, направился к леди Крамбри, – я тебя предупреждал.

– Перестань щуриться, пожалуйста.

Несмотря на слово «пожалуйста», это была не просьба, а приказ, отданный тоном, который Кларисса ненавидела всем сердцем. Если бы мачеха просто позволила ей надеть очки, ей не было бы необходимости щуриться. Она бы не натыкалась постоянно на людей и предметы. Но нет, конечно, она не должна носить очки. Это отпугнет кавалеров.

«Как будто их не отпугивает моя неуклюжесть», – устало подумала Кларисса и внутренне поморщилась, вспомнив обо всех несчастных случаях, произошедших с момента ее приезда в Лондон. Помимо перевернутых подносов с чаем и поставленных мимо стола тарелок, она пребольно упала с лестницы на балу. К счастью, она не слишком сильно поранилась, отделавшись только синяками и растяжениями. Потом был небольшой инцидент, когда она упала перед движущимся экипажем, и, конечно, самый последний, когда подохла парик лорда Прадомма.

Еще один вздох слетел с ее губ, когда Кларисса вспомнила

лекцию Лидии после последнего случая. Ее мачеха решила, что – раз уж она так слепа и неуклюжа без очков – для Клариссы остался только один выход. В будущем ей позволялось только сидеть в присутствии других людей. Она не должна была прикасаться к свечам, чашкам, тарелкам и... ну вообще ко всему. Она больше не могла есть в обществе, а должна была делать вид, что не голодна, – не важно, правда это или нет. И она не должна была ничего пить. Даже ходить ей не разрешалось, если только ее не вела за руку ее горничная.

Кларисса несколько раз пыталась прервать эту лекцию словами «Но если бы вы только позволили мне надеть очки...». Но каждый раз Лидия неумолимо отвечала «Никогда!» и продолжала перечислять все те вещи, которых Кларисса должна избегать.

К тому моменту, когда Лидия закончила, Кларисса поняла одно – в присутствии посторонних она должна спокойно сидеть... что, видимо, означало, что она не должна щуриться.

Кларисса отвела взгляд от смутных фигур танцующих и устало уставилась на розовое на желтом фоне пятно своих рук, лежащих на коленях. Она пожалела – и не в первый раз, – что отец не сопровождает их в этой поездке. Будь здесь лорд Крамбри, у нее были бы очки и она могла бы по-настоящему наслаждаться балом. К несчастью, у него были важные дела в поместье. По крайней мере так он сказал, хотя ее отец никогда особенно не любил город и дела в поместье могли быть просто отговоркой. Все, что знала Кларисса, –

это то, что его нет здесь, и, значит, ей предстоит еще один скучный вечер.

– Могу я пригласить вас на этот танец?

Кларисса услышала вопрос, но не стала даже поднимать голову. Да и зачем? Она все равно не могла ничего увидеть. Вместо этого она уныло ждала, пока ее мачеха заговорит, и гадала, кто же этот незнакомец, если он еще не знает о ней. Каждый, кто слышал рассказы о ее неуклюжести, ни за что и близко не подошел бы.

Осознав, что Лидия до сих пор не отклонила приглашение, Кларисса, нахмурившись, посмотрела в сторону. Она обнаружила, что розового туманного пятна, обозначавшего Лидию, там больше нет. И когда черная фигура вдруг заняла стул ее мачехи, Кларисса испуганно выпрямилась.

Все еще хмурясь, она повернулась, пытаясь найти в смешении разноцветных пятен ярко-розовую фигуру мачехи.

– Полагаю, дама, только что сидевшая здесь, пошла принести что-нибудь перекусить. – Низкий голос прозвучал так близко от ее уха, что Кларисса мочкой уха почувствовала дыхание мужчины. Подавив дрожь, она быстро переключила свое внимание на сидящего рядом джентльмена. У него был чудесный низкий хриловатый голос, показавшийся ей приятным, а его смутная фигура выглядела довольно высокой. В тысячный раз Кларисса пожалела, что у нее нет очков и она не может видеть. – Она не сказала вам, куда пошла? – спросил он. – Мне показалось, я видел, как она говорила вам

что-то, прежде чем уйти.

Кларисса слегка покраснела и быстро перевела взгляд на размытые пятна, движущиеся по залу, признав:

– Может быть, и так. Боюсь, я была увлечена своими мыслями и не обратила на это внимания.

Когда Лидия пробормотала ей что-то, Кларисса была слишком погружена в неприятные воспоминания, чтобы обращать внимание на что-либо. Так унижительно было сидеть здесь, слыша обрывки разговоров, когда люди немилосердно сплетничали о ней. Ее неуклюжесть, очевидно, была самой большой шуткой сезона. Она заслужила прозвище «Неуклюжая Кларисса», и все только и ждали, что она сделает в следующий раз, чтобы рассмешить их.

– Говорят, что вы слепы, как летучая мышь, и слишком тщеславны, чтобы носить очки, – объявил голос рядом с ней.

Кларисса удивленно заморгала. Но если ее и поразила его откровенность, она подозревала, что он просто привык говорить сам с собой. Она услышала тихий удивленный вздох, когда он закончил, как будто он только сейчас понял, что сказал. Быстрый взгляд в сторону подтвердил, что он поднял руку, как если бы хотел прикрыть свой рот.

– Простите, я, очевидно, слишком долго не бывал в обществе. Мне ни в коем случае не следовало...

– О, чепуха. – Кларисса отмела его извинения и с печальным вздохом откинулась на спинку кресла. – Это все правда. Я прекрасно знаю, что говорят люди. Они, похоже, дума-

ют, что я не только неуклюжа, но и глуха, потому что ничуть не тревожатся, когда говорят все это передо мной – или по крайней мере за своими веерами – достаточно громко, чтобы я все слышала. – Скорчив гримасу, она передразнила: – «О, посмотрите, вот она, бедняжка – Неуклюжая Кларисса!»

– Мне действительно жаль, – тихо произнес ее собеседник.

Кларисса снова отмахнулась от его слов, только на этот раз заметив, что он увернулся, как будто избегая удара по голове. Нахмурившись, она сцепила руки и положила их на колени, повторяя:

– Не нужно извиняться. По крайней мере вы сказали это мне в лицо.

– Да, но... – Мужчина, похоже, расслабился теперь, когда ее руки не размахивали во все стороны. – Вообще-то это был больше вопрос. Мне хотелось знать, так ли это на самом деле?

Кларисса криво улыбнулась:

– А, ну, на самом деле я не слепа, как летучая мышь. В очках я могу видеть. Но моя мачеха забрала их. – Она сухо улыбнулась в сторону его смутного силуэта и пожалала плечами. – Лидия, кажется, думает, что без них мне больше повезет зажечь огонь в сердце какого-нибудь подходящего мужчины. Единственная проблема в том, что пока что я подошла только парик лорда Прадомма.

– Простите? – удивленно переспросил незнакомец. – Па-

рик Прадомма?

– Гм... – Кларисса откинулась на спинку стула и смогла даже хихикнуть от воспоминания. – Да. Хотя это была не только моя вина. Он знал, что я ничего не вижу без очков. Зачем же было просить меня поднести ближе свечу? – Кларисса замолчала и прищурилась в направлении своего собеседника. – Под париком он лысый, как бильярдный шар, не так ли?

Ей показалось, что мужчина кивнул, хотя трудно было сказать точно. Он издавал тихие сдавленные звуки, которые она не сразу распознала. Он изо всех сил пытается не расхохотаться!

– Давайте, – сказала Кларисса с улыбкой. – Смейтесь. Я тоже смеялась. Хотя и не сразу.

Мужчина слегка расслабился. Она даже почувствовала, как расслабляются его мускулы. Но он только тихонько хихикнул.

Кларисса снова прищурилась, стараясь сфокусироваться на его лице. Ей очень хотелось увидеть его лицо. Ей нравилось, как звучит его смех, и его голос, хрипловатый, но мягкий. Это действительно очень... привлекательно, решила она. И хотя Клариссе следовало бы отодвинуться, а не позволять его бедру при каждом движении соприкоснуться с ее бедром, ей очень нравилось и это тоже; так что она сделала вид, что ничего не замечает.

– И как лорд Прадомм воспринял этот маленький инци-

дент?

Кларисса оставила попытки разглядеть его лицо и искренне улыбнулась.

– Не слишком хорошо. Он решил, что это все моя вина. Он обозвал меня несколькими довольно нехорошими словами. Думаю, он бы и ударил меня к тому же, но слуги вытолкали его из дома, – призналась она, слегка нахмурившись. Вздохнув, она добавила: – Разумеется, моя мачеха – Лидия – после этого прочла мне кучу лекций о том, что я должна и чего не должна делать с этого дня.

– Например?

– Под запретом практически все, – весело ответила Кларисса. – Вот смотрите: не есть на публике, не пить на публике... В сущности я вообще не должна ни к чему прикасаться на публике: свечи, цветочные вазы – что угодно. Я даже не должна ходить, если кто-то не ведет меня.

– Но она не запрещала танцы?

– Нет. Ничего подобного. Но с другой стороны, ей и не пришлось. – Улыбка Клариссы померкла. Она помолчала. А потом попыталась объяснить: – Понимаете, у меня все в тумане; так что когда я кружусь, все, что я вижу, – это размытые цветные мазки и вспышки света вокруг. Я теряю равновесие и... – Она умолкла и пожала плечами, но почувствовала, как на лицо крадется румянец при воспоминании о последней отважной душе, пригласившей ее на танец. Все кончилось тем, что она опрокинула своего партнера, и в резуль-

тате они оба оказались на полу. Очень стыдно.

– Просто танцуйте с закрытыми глазами.

– Что? – Кларисса беспомощно уставилась на темное пятно рядом с ней.

– Танцуйте с закрытыми глазами, и тогда вы не потеряете равновесие, – посоветовал мужчина, и она увидела, как его рука приближается к ней. Он предлагал ее так, чтобы Кларисса встала.

Кларисса уже открыла рот, чтобы отказать, но промолчала, когда его рука вдруг накрыла ее руку, вызвав бурю необычных ощущений. Это было такое странное чувство – возбуждение, безумное волнение, – охватывающее всю ее плоть.

– Я не... – смущенно начала она, замолчав, когда он взял ее за подбородок и наклонился, чтобы заглянуть в ее глаза. Достаточно близко для поцелуя, смутно подумала она. Господи, вдруг осознала Кларисса, достаточно близко, чтобы она могла видеть! Одну короткую секунду она смотрела в самые прекрасные карие глаза, которые видела в своей жизни; потом он чуть отстранился, уходя из фокуса.

– Доверьтесь мне.

Это была не столько просьба, сколько приказ. Но Кларисса вспомнила его глаза, такие темные, такие добрые – и кивнула. Потом он помог ей подняться со стула и повел сквозь толпу танцующих в центр зала.

– А теперь... – Его голос был невозмутим и спокоен, когда

он повернул ее к себе лицом. – Закройте глаза, – приказал он, поднимая ее свободную руку к своему плечу. – Расслабьтесь.

Его голос был почти гипнотическим, безотчетно подумала она.

– Следуйте за мной. Я не позволю вам споткнуться.

Несмотря на то что она только что познакомилась с ним, Кларисса поверила ему. Он не позволит ей упасть, когда поведет ее в танце.

Музыка звучала громко и мощно, заглушая все разговоры. Клариссу вело прикосновение партнера: пожатие руки, настойчивое давление на талии. Она ощущала только его руки и проносящийся мимо ветер, пока он кружил и кружил ее, ни разу не споткнувшись и не оступившись. В первый раз за много недель – вообще-то с самого их приезда в Лондон – Кларисса не чувствовала себя неуклюжей идиоткой. Это было чудесно.

Когда танец кончился, он сжал ее руку и продел ее в сгиб своего локтя, чтобы прогуляться с ней по залу.

– Вы танцуете божественно, миледи, – тихо сказал он ей на ухо, осторожно ведя ее мимо других танцоров. Кларисса покраснела и улыбнулась с некоторой гордостью, потом вздохнула и покачала головой.

– Нет, милорд, – скромно произнесла она. – Вы слишком льстите мне. Боюсь, это вы танцуете божественно. Я знаю, что это не я, потому что я могу только спотыкаться и падать,

когда танцую с другими.

– Тогда вина лежит на тех самых других. Вы легки и грациозны, как перышко, когда танцуете со мной.

Кларисса на мгновение задумалась; потом, подчиняясь чувству справедливости, кивнула:

– Полагаю, вы можете быть правы, милорд. В конце концов, если бы дело было только во мне, даже ваше очевидное умение не могло бы сделать это таким легким. Возможно, мои предыдущие партнеры были немного нервны и неловки.

– Как свежо.

Она угадывала улыбку в его голосе, и поэтому вопросительно подняла брови:

– Милорд?

– Ваша честность. Мне нравится, что в вас нет фальшивой скромности. Она никогда не трогала меня в прошлом, а теперь кажется такой же лживой и неприятной, как те маски, которые каждый надевает на себя, как только приезжает в столицу. Я нахожу вашу откровенность в высшей степени живительной.

Кларисса почувствовала, что краснеет, а потом воздух наполнили первые звуки нового танца. Ее кавалер остановился и еще раз привлек ее в свои объятия.

– Закройте глаза, – сказал он и снова закружил их по залу.

Кларисса закрыла глаза и расслабилась в его объятиях. Она подозревала, что они не должны танцевать так близко друг к другу, но боялась, что если попытается отстранить-

ся, то снова может вернуться к неуклюжему спотыканию, от которого страдала раньше. Кроме того, ей очень нравилось быть в объятиях этого мужчины. Рядом с ним и с закрытыми глазами она чувствовала себя в безопасности.

– Почему вы не слушаетесь эту вашу мачеху?

Кларисса заморгала и открыла глаза, тщетно стараясь увидеть его лицо.

– Что вы имеете в виду?

– Я хочу сказать: почему бы вам просто не надеть свои очки?

– О, я попыталась сделать это в первый же день, как мы приехали в Лондон, – с раздражением призналась Кларисса. – Мы собирались на бал у лорда Финли, и я надела их. Лидия была в ярости. Она сорвала их с моего лица и разбила их прямо у меня на глазах. Почти так близко, что я могла видеть, что она делает!

– Она разбила их? – Он явно был потрясен тем, как далеко может зайти ее мачеха.

Кларисса серьезно кивнула.

– Лидия не терпит непослушания.

– Но если она разбила их, как же вы можете самостоятельно ходить по дому? – в смятении спросил он.

– Никак. – Кларисса поморщилась и призналась с оттенком досады: – Слугам приходится водить меня. Это довольно утомительно.

– Представляю себе, – пробормотал он.

– М-м... – Она на мгновение вспомнила все это унижение и потом сказала: – Но хуже всего из этого то, что без очков я ничего не могу делать. Я не могу ни вышивать, ни расставлять цветы... ничего. И совершенно невозможно читать. Даже если я подношу книгу к самым глазам, я не могу читать долго, потому что от напряжения начинает болеть голова. Это очень скучно. Мне остается только сидеть и бездельничать.

Эйдриан сочувственно смотрел на нее сверху вниз со слабой улыбкой. Пухлые губы леди Крамбри – хотя она не осознавала этого – были весьма привлекательны. Она была очень мила, хотя, возможно, и не в традиционном смысле. На вкус любого представителя света ее губы были слишком большими, чтобы думать о ней так, но сам он находил их весьма соблазнительными. И несмотря на то что ее нос был вздернут чуть больше, чем требовали сегодняшние стандарты, он считал его очаровательным.

Эйдриан был так занят, разглядывая ее черты, что едва ли заметил, как музыка сменилась, обращая внимание на нее ровно настолько, чтобы в нужный момент перейти на вальс, не отрывая взгляд от лица Клариссы. Она продолжала рассказывать ему обо всех злоключениях и несчастьях, которые ей пришлось перенести, не имея очков. Это был довольно длинный список. Одеваться было трудно, и ей приходилось полностью зависеть от хорошего настроения своей горничной. Пока Кларисса говорила, она, кажется, едва ли слышала

его заверения, что ее волосы идеально уложены, а платье ей очень к лицу.

Нет, эта дама явно не ищет комплиментов. Яростно краснея, она отмахнулась от его слов и продолжила объяснять, как ей приходится ходить по дому за руку с горничной, чтобы не свалиться с лестницы или не опрокинуть что-то, чего она не видит. И видимо, еще одной проблемой было то, что она путает людей, хотя она заверила его, что довольно хорошо узнает голоса. Кроме того, иногда она случайно проливали и роняла еду на свое платье, правда, только когда была одна, поскольку ей не позволялось прикасаться к еде и напиткам в обществе. Ей даже приходилось надевать детский нагрудник, чтобы не испортить платье!

Эйдриан прикусил губу, представив ее в детском нагруднике, и этот образ стал еще забавнее, когда она сказала, что несколько раз чуть не подожгла дом, когда пыталась зажечь свечи. Она множество раз опрокидывала дворецкого и некоторых других слуг и ничуть не сомневалась, что все они уже начали ненавидеть ее. Она была уверена, что они съеживаются всякий раз, когда она оказывается поблизости, и частично слышала, как они начинают перешептываться, называя ее «ходячим несчастьем».

Леди Кларисса была ужасно весела, признаваясь во всем этом. Эйдриан с трудом сдерживал свои смешки, но в конце концов она заметила его вежливые старания и разрешила ему смеяться. Буйное веселье, вырвавшееся из него тогда,

удивило Эйдриана. Прошло столько времени с тех пор, когда он хотя бы улыбался, не говоря уже о смехе, и он обнаружил, что его взгляд смягчается, когда он смотрит на свою новую знакомую. Она была чудом: очаровательная, милая и ничуть не унывающая по поводу несчастий, преследующих ее. Кларисса заставила его ощутить легкость, а сердце защемило от сильного желания.

– У вас приятный голос, милорд. И смех тоже, – с улыбкой объявила она.

– Благодарю вас, миледи, – ответил он, прочистив горло от смеха, душившего его. – Очень мило с вашей стороны говорить так, но, смеясь над вашими несчастьями, я демонстрирую свои плохие манеры. Умоляю, простите меня.

– О, чепуха, – беззаботно сказала Кларисса. – Оглядываясь назад, мне тоже все это кажется довольно смешным, хотя я сомневаюсь, что Лидия согласилась бы со мной.

Тут настроение Эйдриана испортилось, и он раздраженно поднял бровь, хотя она не могла видеть этого.

– Простите, что говорю это, миледи, но ваша мачеха, похоже, довольно неприятная старая корова.

– О! – испуганно воскликнула Кларисса. – О, вы не должны так говорить. Никогда.

– Почему нет? – спросил он с беззаботным весельем. – Я не боюсь ее.

– Нет, но... Она была бы в ярости. И вы вряд ли сможете понравиться ей, если она услышит, что вы говорите о ней

такие вещи.

– Меня ни в малейшей степени не волнует, понравлюсь я ей или нет... – начал Эйдриан, но Кларисса не дала ему продолжить.

– О, но это должно волновать вас. Если вы не понравитесь ей, она больше не позволит мне танцевать с вами, а... а... мне очень это нравится, – с некоторым смущением закончила она.

От этого ее признания презрительное выражение исчезло с лица Эйдриана, и его раздражение немного смягчилось.

– Ну что ж, тогда мне придется позаботиться о том, чтобы обращаться с ней с величайшим уважением. – Он мгновение смотрел на ее розовеющее от смущения лицо и добавил: – Потому что мне тоже очень нравится танцевать с вами.

Кларисса повернулась к нему и просияла.

Эйдриан мягко улыбнулся ей, несмотря на то что она не могла видеть этого, а потом какой-то инстинкт заставил его бросить взгляд через ее плечо. Он немного замедлил их кружение, заметив женщину, которая сидела рядом с Клариссой, когда Реджиналд в первый раз указал на нее. Похоже, ее мачеха вернулась, подкрепившись, и обнаружила пустой стул там, где оставила свою подопечную. Теперь она с мрачным видом оглядывала зал в поисках своей заблудшей падчерицы. Ей не понадобилось много времени, чтобы отыскать беглянку.

Как Эйдриан и ожидал, женщина выглядела менее чем

довольной, видя, что Кларисса танцует с ним. Точнее, она выглядела потрясенной. Когда она немедленно направилась кратчайшим путем к ним, он сделал вид, что не заметил этого, и стал танцевать с Клариссой в противоположном направлении, ведя ее прочь от суровой опекуныши.

Он рассчитывал, что женщина остановится и подождет, когда они вернутся, но взгляд через плечо подтвердил, что она продолжает преследование. Он нахмурился. Похоже, мачеха из тех, кто не сдается. Эйдриан предположил, что ему следовало ожидать чего-то подобного; она очень похожа на бульдога, жестоко подумал он. Потом он опустил взгляд на девушку, которую держал в объятиях.

– Почему она так решительно настаивает, чтобы вы не носили очки? – спросил он.

– Она хочет, чтобы я удачно вышла замуж. Понимаете, папе будет очень неприятно, если у нее это не получится.

– А-а. Ну... вообще-то нет, я не понимаю, – пробормотал Эйдриан, резко меняя направление, когда увидел, что им грозит опасность вновь столкнуться с ее мачехой. Несколько мгновений он молчал, маневрируя с Клариссой по залу, потом опустил взгляд, чтобы объяснить: – Несомненно, у вас было бы гораздо больше шансов найти хорошую партию, если бы вы могли видеть.

Кларисса глубоко, прочувствованно вздохнула и кивнула:

– Должна признаться, сэр, что и мое мнение такое же... Однако Лидия так не думает. Она говорит, что в очках я вы-

гляжу очень непривлекательно, и боится, что они вкупе с моим «несчастливым прошлым» совершенно лишат меня шансов найти достойного человека со средствами.

– Несчастное прошлое? – Эйдриан был так потрясен этим замечанием, что внезапно остановился на краю танцевального зала.

Брови Клариссы немного поднялись, и она прищурилась, глядя на его лицо.

– Вы разве не слышали о скандале?

Прежде чем Эйдриан успел ответить, что нет, он совершенно определенно не слышал ничего ни о каком скандале, довольно большая черная тень упала на них обоих. Взглянув в сторону, Эйдриан раздраженно нахмурился, увидев упорную мачеху Клариссы, которая, запыхавшись, стояла рядом с ними.

– Кларисса! – резко бросила мачеха, и девушка в объятиях Эйдриана вздрогнула, как от удара хлыстом, виновато отпрянув от держащего ее мужчины.

– Да, Лиди... – Тут ее голос сорвался, потому что ее схватили за руку и бесцеремонно потащили прочь.

Глава 3

– Ну что ж, должен сказать, что ты преуспел гораздо больше, чем я ожидал.

Эйдриан оторвал взгляд от удапяющихся спин леди Клариссы и ее мачехи, чтобы снова увидеть рядом с собой своего кузена.

– Разве? – спросил он.

Реджиналд криво улыбнулся и пожал плечами:

– Мне кажется, что да. В конце концов, она не отдала тебе ноги, не уронила тебя на пол и не подожгла тебе ширинку. Я бы сказал, что это хорошее начало.

– М-м... – Эйдриан поморщился. – Вместо этого за мной по танцевальному залу гонялась довольно крупная стареющая матрона, размахивающая руками, как наседка крыльями.

Реджиналд улыбнулся такому сравнению и кивнул:

– Да. Бедной леди Клариссе, похоже, действительно предназначено заканчивать каждый день на весьма унижительной ноте. Она стала уже предметом сплетен всего света.

– Но не сама Кларисса вызывает эти пересуды. Это ее мачеха.

Реджиналд, похоже, сомневался.

– Готов поверить, что сегодняшним небольшим представлением мы обязаны ее мачехе. В конце концов, девушка

весьма неплохо держалась в твоих объятиях. Однако ты вряд ли можешь винить женщину в других фиаско, добавивших дурной славы ее подопечной.

– Разве не могу? – спросил Эйдриан, вопросительно поднимая бровь.

– Нет. Господи, да леди Крамбри и поблизости не было, когда Кларисса опрокинула свой чай на мои ноги и обожгла мой...

– Но Кларисса не сделала бы этого, если бы у нее были очки, – в этом и заключается вина ее мачехи, – перебил его Эйдриан.

– Что?

– Леди Кларисса без очков не потому, что она слишком тщеславна, а потому, что ее мачеха отобрала их у нее и разбила. Она запрещает падчерице носить эти чертовы очки.

Реджиналд выглядел потрясенным этим открытием – как и следовало ожидать.

– Ну и какого же черта она сделала это? Ведь ясно, что без них Кларисса слепа, как летучая мышь.

– Леди Крамбри, очевидно, считает, что в очках девочка выглядит непривлекательно и что из-за них – и ее «несчастливого прошлого» – у Клариссы могут быть проблемы с замужеством, – объяснил Эйдриан.

– О... Понимаю. – Реджиналд, задумавшись, замолчал.

Эйдриан искоса взглянул на него:

– Ты знаешь об этом ее «несчастном прошлом»?

– Что? – Редж снова взглянул на него, потом неуютно пожегся. – О да. Вернее, я слышал об этом, конечно. Действительно печально. Это даже не вина девушки. Человек попал в тюрьму. Все же в свое время это был громкий скандал. Он вызвал большой переполох, насколько я понимаю.

– Что вызвало большой переполох?

Когда Реджиналд беспомощно взглянул на него, Эйдриан нетерпеливо подвинулся.

– Что это был за скандал?

Глаза его кузена расширились.

– Ты же наверняка помнишь эту сплетню, Эйдриан? Это было во время сезона после боя при Бургосе... – Реджиналд умолк, произнеся это, скользнул взглядом по шраму на лице кузена и расстроено отвел взгляд. Он пробормотал: – Ах да, ты в том году покинул Лондон и рано вернулся в поместье.

Эйдриан поморщился от такой вежливой формулировки. Он не вернулся в поместье «рано», он сделал это почти сразу же после приезда. Причиной, разумеется, был шрам на его лице, длинный, неровный зигзагообразный шрам, начинающийся у самого левого глаза и заканчивающийся около рта на подбородке. Это был его личный сувенир с войны на Пиренейском полуострове, оставшийся от раны, которая положила конец его многообещающей военной карьере.

Его карьера была не единственным, что тогда закончилось, со вздохом подумал Эйдриан. Это был также конец древнего и благородного рода Монтфортов, хотя тогда он

этого еще не понимал. Нет. Он вернулся в Англию поправляться от той раны, которая могла оказаться смертельной, благодарный, что остался в живых... до своего первого появления при дворе в последовавшем сезоне. Он был дураком, когда не понимал, что его изуродованное лицо наделает шуму. Конечно, он не ждал, что оно останется совершенно незамеченным. Он же не настолько глуп. Однако Эйдриан не ожидал, что из-за этого слабые женщины станут падать в обморок, а те, что покрепче, будут ежиться от ужаса.

Да, по возвращении Эйдриан посетил только один бал. Одного было более чем достаточно, чтобы заставить его решиться упаковать чемоданы и вернуться в имение, родовое гнездо графов Моубри. Его отец тогда еще был жив, и, проявив необычное понимание, неприветливый старик ничего не сказал о внезапном решении сына остаться в имении и заняться хозяйством. Он просто серьезно кивнул и воспользовался возможностью отправиться вместе с женой в длительное путешествие. Путешествие внезапно окончилось во Франции его смертью от апоплексического удара. Это было почти два года назад. Это было также причиной, по которой Эйдриан сейчас – через десять лет после своей последней битвы – вернулся ко двору.

Вернее, это была не единственная причина, поправился он, заметив, что к нему направляется его мать. Это был первый после смерти мужа выход его матери в свет, и Эйдриан подозревал, что ее не было бы здесь, если бы она не преис-

полнилась решимости заставить его выполнить свой долг перед семьей. Именно поэтому он и оказался здесь. В этот последний год, когда скорбь утихла, его мать, леди Моубри, начала преследовать его разговорами о его долге перед семьей, настаивая на необходимости жениться и произвести наследника. Он возражал ей, говоря, что никто не согласится выйти за него, когда его лицо так изуродовано, но мать была глуха к его словам.

Она могла сказать только, что прошло уже много времени с тех пор, как он перестал прятаться в деревне и научился существовать со своей раной. У него есть долг, который нужно выполнить, и ему лучше заняться его выполнением. И этими бескомпромиссными словами она смогла – после года постоянных напоминаний – вытащить его ко двору. И вот теперь Эйдриан стоял, чувствуя себя троллем среди стольких изящных и великолепных людей. По крайней мере так он чувствовал себя, пока не сел рядом с леди Клариссой.

– Вот ты где, сын. И что ты делаешь здесь, прячась в углу как непослушный мальчишка?

Эйдриан поморщился от слов матери, чувствуя себя именно непослушным мальчишкой, как она сказала. И все же он взял ее руку и поцеловал ее, проявив свои аристократические манеры.

– Вряд ли я в углу, матушка. Я стою тут на самом виду, где каждый может насмотреться на мое уродство.

Леди Моубри нахмурилась:

– Никто даже не замечает его. Это ты позволяешь, чтобы оно так сильно беспокоило тебя. Сейчас оно гораздо менее заметно. Время смягчило впечатление.

– Может быть, вы и правы, – лаконично согласился Эйдриан. – По крайней мере никто пока не упал в обморок при виде меня и не выбежал с криками из комнаты. – Заметив, что ее раздражение возрастает, он с извиняющимся видом улыбнулся и переменял тему: – Реджиналд только что рассказывал мне о скандале, связанном с леди Клариссой.

Брови его матери поползли вверх.

– Я действительно заметила, что ты танцевал с ней, дорогой. Пять танцев подряд. Должна сказать, ты вызовешь пересуды, если не будешь осторожнее.

– Я постараюсь быть более осмотрительным, – ответил Эйдриан и повернулся к кузену, вопросительно подняв бровь: – И так?

– И так? Ах да! – Явно нервничая в присутствии тетки, Реджиналд улыбнулся ей и объяснил: – Видишь ли, в конце лета 1808-го – в августе, кажется, – леди Кларисса, неопытное двенадцатилетнее дитя, гостила у друзей здесь, в Лондоне.

– Ни у каких ни у друзей, это была ее тетка, леди Смитсон, – мягко поправила леди Моубри. – И ей было четырнадцать, а не двенадцать.

– Разве? – Реджиналд слегка сдвинул брови. – Понятно. Ну что ж... в любом случае вскоре после ее приезда за ней

приехал слуга с письмом якобы от горничной ее матери...

– Доктора ее матери, – вмешалась леди Моубри.

Эйдриан рассмеялся над тем, как кузен смутился, когда его снова поправили. Улыбнувшись матери, он предложил:

– Раз уж вы, похоже, более сведущи в этих фактах, матушка, возможно, вы сами расскажете мне об этом скандале?

Она отвернулась, но он успел заметить блеснувшие в ее глазах слезы. Нахмурившись, Эйдриан догадался, что они вызваны приливом чувств, – это была реакция на внезапную перемену в ее обычно мрачном сыне; но когда она кивнула, прочистила горло и снова повернулась к нему, ее лицо было спокойно.

– Разумеется, мой дорогой. Мою память как раз только что освежила леди Уидерспун. Она не могла удержать в себе эту отвратительную сплетню, когда увидела твой интерес к Клариссе, – сухо добавила его мать, похоже, справившись с собой. Потом она пожала плечами и пустилась в объяснения: – Похоже, причиной того, что леди Кларисса гостила у тетки одна, было то, что ее мать в это время была больна. Эта болезнь через несколько месяцев убила ее, вследствие чего лорд Крамбри женился на теперешней леди Крамбри, самом неприятном создании во всех отношениях. – Она покачала головой, потом вернулась к своему рассказу: – Во всяком случае, вскоре после приезда леди Клариссы к тетке прибыл слуга с посланием, адресованным тетке якобы от врача леди Крамбри. В нем говорилось, что матери Клариссы стало

хуже и что ей осталось всего день-два. Письмо предписывало тетке не тревожить девочку, сообщая ей обо всей серьезности ситуации, а просто сказать, что мать Клариссы нуждается в ней, и немедленно отправить ее домой в карете, в которой приехал слуга. Что, как ни глупо это может показаться, тетка и сделала.

– Почему глупо? – спросил Эйдриан.

– Карета была неизвестная, – объяснил Реджиналд, стремясь восстановить свою репутацию и добавить что-то к рассказу. – На ней не было фамильного герба.

Эйдриан вопросительно поднял брови:

– Тетка этого не заметила?

– О, заметила. Она даже спросила об этом, – заверила его леди Моубри. – Слуга сказал, что у его кареты по пути в Лондон сломалось колесо и что он был вынужден оставить ее в придорожной гостинице для ремонта, а сам нанял другой экипаж, чтобы завершить поездку. Он надеялся, что сможет забрать ее на обратном пути, если карету починили.

– Правдоподобная история, – заметил Эйдриан.

– Да, довольно правдоподобно, разве не так? – задумчиво протянула леди Моубри. – И все же тете следовало хотя бы послать с девочкой своего собственного слугу или сделать что-нибудь еще, чтобы позаботиться о ее благополучии. – Она пожала плечами. – Однако она этого не сделала. Леди Смитсон просто собрала девочку и ее вещи и отправила ее в карете вместе с этим слугой.

– Который вовсе не был слугой, – догадался Эйдриан.

– О, он действительно был слугой, это правда, просто он не служил матери Клариссы. Этот человек не повез ее домой, а остановился в Ковентри. Там ее отвели в отдельную комнату, где ее встретили капитан Джереми Филдинг и его сестра.

– Филдинг? – Эйдриан нахмурился, услышав это имя.

Это напомнило о прошлом.

– М-м... Этот Филдинг объяснил, что на самом деле с матерью Клариссы все в порядке, она выздоравливает, а Клариссу вызвали из-за ее отца. Он наговорил что-то невнятное о том, что деловые предприятия Крамбри внезапно потерпели крах и что, хотя отец собирался встретиться с ней здесь, ему пришлось уехать до ее приезда. Я так понимаю, они намекали, что лорда Крамбри преследуют власти и что он пожелал, чтобы Кларисса отправилась за ним. Крамбри якобы нанял этого Филдинга и его сестру, чтобы благополучно доставить ее к нему. – На лице матери Эйдриана отразилось отвращение, когда она продолжила: – Конечно, девочка была всего лишь ребенком, ее легко было ввести в заблуждение, а мне кажется, этот капитан Филдинг выглядел уверенным и властным в своей униформе. Девочка безропотно послушалась. Они ехали несколько дней, якобы упуская ее отца на какие-то минуты, пока не добрались до Карлайла, где капитан Филдинг оставил свою сестру и леди Клариссу наедине в гостинице, а сам якобы направился на встречу с ее отцом. Вернувшись, Филдинг заявил, что ее семья на грани разоре-

ния и что единственное средство избежать богадельни – это выдать ее замуж как можно скорее.

– Как могло замужество Клариссы спасти семью от разорения? – нахмурившись, спросил Эйдриан.

– Точно не знаю. Леди Уидерспун не слишком прояснила этот вопрос. – Леди Моубри вопросительно повернулась к Реджиналду: – Ты знаешь, что он сказал?

– Кажется, это как-то касалось наследства, которое она может получить только после замужества. Оно было от ее деда с материнской стороны. Выйдя замуж, она получила бы наследство и счета ее отца были бы оплачены, а семья спасена.

– Гм... – Некоторое время все молчали, потом Эйдриан сказал: – Я так понимаю, этот Филдинг предложил себя в качестве мученика, готового помочь ей в трудную минуту?

Леди Моубри кивнула с мрачной улыбкой:

– Очень мило с его стороны, не правда ли?

– О, несомненно, – согласился Эйдриан.

– Итак, они направились в Гретна-Грин, – бодро вставил Реджиналд. – И поженились без оглашения в церкви и священника в присутствии проститутки, вора и кузнеца, а потом поехали на медовый месяц в Кале.

– Свидетелями были владелец публичного дома, портной и кузнец, – сухо поправила его леди Моубри. – И они так и не добрались до Кале: их остановили в доках. Боже мой, – добавила она с лукавством, – все-таки любопытно, как сплетни

искажают все факты, не правда ли?

Эйдриана позабавило, как кузен съежился под взглядом его матери, но он спас Реджиналда от неловкой ситуации, спросив:

– Кто остановил их?

– Ее отец, разумеется. Ну, вернее, не отец. Видишь ли, после того как леди Кларисса уехала, тетка опомнилась достаточно, чтобы занервничать из-за неизвестной кареты. Она послала письмо лорду Крамбри, справляясь о здоровье матери, встревожив их всех тем, что что-то неладно. Крамбри нанял нескольких человек, которые проследили леди Клариссу до Гретна-Грин, а потом до корабля, на котором они должны были отплыть в Кале. Кажется, Филдинг сказал девочке, что ее отец должен встретиться с ними, когда дело будет сделано, но сыщики настигли их, объяснили, что все это была полная чушь, и привезли девочку домой, опозоренную. По общему мнению, она совершенно потеряла рассудок.

– А что Филдинг? – спросил Эйдриан, думая о том, как несправедливо, что девушка пострадала из-за этого. Ведь очевидно, что ее вины тут не было никакой.

– Ну, он тоже сначала вернулся, – нахмутив брови, сказала леди Моубри. – Он был совершенно уверен, что ее отец ничего не сможет сделать. В конце концов, они ведь были женаты. Однако отец Клариссы умный человек. Он обвинил Филдинга в похищении несовершеннолетней и добился аннулирования брака. Он также быстро увез леди Клариссу в

деревню, чтобы избавить ее от скандала. Но это не слишком помогло, – пробормотала она себе под нос.

– Что вы хотите этим сказать? – с любопытством спросил Эйдриан.

– Ну, ее отсутствие вряд ли остановило злые языки, – печально заметила леди Моубри. – Это была слишком пикантная история. Сплетни расцвели пышным цветом. Ходили слухи, что, возможно, брак все-таки был осуществлен. Филдинг был очень уверен в себе. И потом, тот факт, что ее удалили от всеобщего внимания, заставил людей думать, не было ли это попыткой скрыть, что она забеременела после этого короткого брака.

– А она забеременела? – спросил Эйдриан.

– Никто не знает, – вставил Реджиналд, пожимая плечами. – Это первый раз, когда она снова появилась в свете, а прошло уже десять лет.

Эйдриан вопросительно посмотрел на мать, которая, кажется, была слишком хорошо осведомлена в этом деле. Однако, к его большому недовольству, пожилая дама тоже пожала плечами и сказала с очевидной неохотой:

– Это вполне возможно. После свадьбы они провели ночь в гостинице, хотя и поселились в разных комнатах. Корабль должен был отплыть на следующий день.

Эйдриан нахмурился, недовольный такой неопределенностью, потом спросил:

– А что Филдинг?

– Перед самым судом он сбежал из страны. Но леди Уидерспун сказала, что через несколько лет он вернулся в Англию и был пойман. Он предстал перед судом, был признан виновным и приговорен к пяти годам в Ньюгейте. С тех пор никто ничего о нем не слышал.

Снова все замолчали. Эйдриан погрузился в свои мысли, взвешивая свою собственную реакцию на то, что короткий брак леди Клариссы мог быть осуществлен. Не переставая думать об этом, он окинул взглядом зал, бессознательно ища девушку и ее мачеху.

– Они уехали сразу же после той нелепой сцены в танцевальном зале, – сообщила ему леди Моубри.

Эйдриан, вздрогнув, взглянул на мать, заметил блеск в ее глазах и понял, что ее очень взбодрил его интерес. И он действительно был заинтересован.

Когда он в первый раз сел рядом с ней, Кларисса, вздрогнув, отодвинулась от него, и Эйдриан испугался, что ошибся. Он испугался, что она все-таки увидела шрам, обезобразивший его когда-то красивое лицо. Однако в следующее мгновение она придвинулась ближе и прищурилась, явно пытаясь разглядеть его.

Когда Кларисса расстроено нахмурилась и откинулась на спинку стула, он понял, что она действительно не может видеть его и, таким образом, ее не пугает его внешность. Эйдриан обнаружил, что в первый раз после приезда в Лондон улыбается и расслабляется в обществе женщины, которая не

является его матерью. В первый раз за много лет, честно говоря.

После этого он провел с ней не более получаса, пока они сидели, разговаривали и протанцевали – по утверждению его матери – пять танцев, и все же ему казалось, что прошло всего несколько мгновений. В эти полчаса Эйдриан улыбался и смеялся больше, чем за все годы после ранения. В первый раз за долгое время он чувствовал себя живым и здоровым.

Любая женщина, способная так повлиять на него, заслуживала его интереса, и, признался Эйдриан сам себе, он был определенно заинтересован. Что должно доставить его матери безграничное удовольствие, подумал он. Однако существовала проблема. Именно то, что позволяло ему расслабиться в ее присутствии, было также источником тревоги. Кларисса не могла видеть его, но ее слепота была не постоянной, а всего лишь временной. Что произойдет, когда она снова сможет видеть? Как она отреагирует? Испугается и отпрянет, словно от чудища? Упадет в обморок от ужаса при виде его? Ему было больно думать и о том, и о другом варианте.

– Хочешь, чтобы я еще разузнала о девушке? – спросила леди Моубри, отвлекая Эйдриана от его мыслей. Он посмотрел на мать, не в силах ответить. Большая часть его хотела сказать «да», но другая, тоже немалая часть боялась, а Эйдриан уже очень давно ничего не боялся.

Вдруг почувствовав раздражение от всего этого, Эйдриан

отвернулся, не ответив, и направился к двери. Для одного вечера с него вполне хватило так называемого светского общества.

– Ты больше не будешь разговаривать с лордом Моубри.

Кларисса слепо уставилась в противоположный угол темной кареты на расплывчатое пятно, бывшее ее мачехой. Лидия не только выдернула ее из рук мужчины, с которым она танцевала, но и протащила ее по всему бальному залу к дверям и вообще прочь из дома. Мачеха была в столь очевидной ярости, что Кларисса не открывала рта, пока Лидия выкрикивала приказы, требуя, чтобы карета была подана немедленно. Но ее молчание, видимо, не очень смягчило гнев мачехи, потому что она больно вонзила ногти в руку Клариссы, как будто боясь, что та может в любой момент броситься назад в дом к этому мужчине.

Но если не считать этой грубой хватки, Лидия совершенно игнорировала Клариссу, приняв абсолютно безразличный вид, пока они ждали карету. Как только экипаж остановился перед ними, она практически втолкнула Клариссу внутрь, потом села напротив и зло смотрела на нее, пока карета не тронулась.

– Так зовут мужчину, с которым я танцевала? – спросила Кларисса, только сейчас осознав, что не знает его имени. Знает ли он ее, подумала она и устало взглянула на мачеху, когда та захлопнула рот, щелкнув зубами.

– Да, – огрызнулась Лидия. – Лорд Эйдриан Монтфорт, граф Моубри. И ты будешь держаться как можно дальше от него.

Кларисса помедлила, не зная, разумно ли спрашивать мачеху, когда она так рассержена, но не смогла ничего с собой поделаться и выпалила:

– Но почему я должна держаться от него подальше? Он вел себя как истинный джентльмен, и если он граф...

– Он не вел себя как истинный джентльмен, – сразу же возразила Лидия. – Он танцевал слишком близко к тебе, а ему не следовало даже подходить к тебе, если вы не были представлены должным образом.

Кларисса прикусила губу.

– В молодости Моубри был распутником, – продолжила Лидия. – Он погубил много женщин. Нет сомнений, Бог именно поэтому счел нужным испортить его внешность.

Клариссу задел довольный тон мачехи, и она хотела было возразить, но сдержалась, понимая, что это все равно ничего не даст.

– Ты не будешь и близко подходить к нему. У него не может быть никаких добрых намерений относительно тебя. Он просто поиграет с твоими чувствами и еще больше испортит твою и без того подпорченную репутацию.

Твой отец рассчитывает, что я устрою твое удачное замужество. Он никогда не простит мне, если я позволю тебе впутаться в какой-нибудь скандал с этим мужчиной.

Кларисса грустно вздохнула в ответ и, ничего не сказав, просто отвернулась и стала смотреть на мелькающие светлые и темные пятна за окошком кареты. Спорить нет никакого смысла; она поняла это еще по эпизоду с очками. Так что Кларисса просто проглотила свой гнев, сделав вид, что отвлеклась на мелькающие огни, и стала вспоминать про себя свое недолгое общение с лордом Моубри. Эйдриан Монтфорт, граф Моубри. Она мысленно повторила это имя и решила, что оно очень подходит ему. Он вел себя с ней очень любезно, вовсе не так, как она ожидала бы от графа. Те немногие, которых она встречала раньше, всегда казались довольно надменными и холодными, но Эйдриан не проявил ничего подобного. Он был терпелив и очарователен, такой понимающий и ободряющий. Кларисса все еще помнила звук его хриповатого голоса, свежий, почти древесный запах и ощущение его рук, обнимающих ее, когда они двигались в танце по залу. Она чувствовала себя в такой безопасности в его объятиях, что не могла поверить, что он был развратником или мог соблазнять молоденьких девушек.

Долгий вздох мачехи прервал ее мысли, и Кларисса осторожно скосила глаза на смазанную фигуру на противоположном сиденье.

– Если бы только ты не была так слепа! – вдруг горестно воскликнула Лидия. – Мне не нужно было бы даже беспокоиться, что он может понравиться тебе.

– Почему? – с любопытством спросила Кларисса, едва

удержавшись от замечания, что она не была бы слепой, если бы ей вернули ее очки.

– Потому что этот мужчина так же уродлив, как его гре- хи, – заявила Лидия. – Когда-то его считали одним из самых красивых мужчин в обществе. Однако когда началась война, он ушел сражаться и вернулся с этим огромным чудовищ- ным шрамом. Сейчас в свете только о нем и говорят. Никто не может поверить, что он посмел появиться в обществе со своим изуродованным лицом.

– Тогда мы прекрасная пара, – пробормотала Кларисса. – Двое несчастных, на которых всем нравится показывать пальцем и перешептываться по углам.

– Что такое? – резко спросила Лидия.

– Ничего. – Кларисса снова обратила свой взгляд на мель- кающие за окном улицы, хотя они были в тумане, и тяжело вздохнула. Никакие слова мачехи не могли принизить Моуб- ри в ее глазах. Она просто не верила, что он может погубить ее, и она знала, что он не уродлив. Кларисса видела шрам, исказивший одну сторону его лица. Правда, она видела его частями, урывками, только когда он наклонялся ближе, что- бы сказать что-нибудь, но он вовсе не показался ей ужасным, а с другой стороны его лицо было совершенным. Ей он по- казался ужасно красивым.

Но Кларисса не сказала ничего этого мачехе. Она была очень осторожна.

Глава 4

Кларисса посмотрела на вихрь движущихся расплывчатых пятен и вздохнула. Прошла неделя после бала у Деморрисов, где она встретилась с графом Моубри. Всего неделя, со вздохом подумала она. Ей же казалось, что прошло десять. Жизнь снова вернулась в обычную колею слепой неуклюжести с ее стороны и утомительного – не говоря уже о том, что иногда сомнительного, – внимания со стороны престарелого лорда Прадомма. Похоже, несмотря на небольшой инцидент с поджогом парика, он был готов продолжать ухаживания. Но теперь он тщательно следил, чтобы все горячие и содержащие жидкость предметы были убраны как можно дальше от нее.

Кларисса была очень благодарна, что он был слишком занят, играя роль радушного хозяина на этом, его собственном балу, чтобы докучать ей своим вниманием, но ей было скучно. Скучно до слез. К тому же ее беспокоили воспоминания о вечере, когда она встретилась с лордом Моубри. Это были самые счастливые минуты за все время, что она провела в Лондоне. И несмотря на приказы мачехи избегать его, Кларисса обнаружила, что приглядывается к каждому проходящему пятну в надежде, что это может быть он. Она так же прислушивалась к его низкому хрипловатому смеху. У него был очаровательный смех.

Как будто привлеченный ее мыслями, низкий хрипловатый голос вдруг прошептал ей на ухо:

– Здесь довольно скучно, не так ли?

Вздрогнув и повернувшись, Кларисса посмотрела на темное пятно, оказавшееся на месте, которое всего лишь недавно занимала ее мачеха, и быстро заморгала.

– Лорд Моубри! – Она радостно улыбнулась ему, потом осознала, какой восторженной дурочкой, должно быть, выглядит, и сказала: – То есть я хотела сказать нет – конечно, нет. Почему вы думаете, что мне скучно?

Кларисса слышала веселье в его голосе, когда Эйдриан сказал:

– Я не мог не заметить, что вы зевааете, когда только что подошел к вам.

– Да, ну... возможно, мне правда немного скучно, – пробормотала Кларисса, понимая, что краснеет. Потом отбросила притворство и призналась: – О Господи! Мне действительно скучно. Честно говоря, ужасно скучно. Да знаете ли вы, что я в Лондоне уже почти пять недель, и вечер, когда я встретила вас, был единственным, когда произошло что-то интересное?

– Поджог лорда Прадомма не возбудил в вас никакого интереса? – поддразнил Эйдриан.

Кларисса густо покраснела, а потом скорчила ему гримаску.

– Это не то, что я имела в виду, милорд. Я хотела сказать,

что... ну, мне очень нравится проводить время с вами. И это был первый – и пока что единственный – раз, когда мне было хорошо в Лондоне.

– Вы льстите мне, – предположил Эйдриан, его голос стал хриплым.

– Вовсе нет, – заверила его Кларисса. – Это правда. Ведь, танцуя с вами, я чувствовала себя легкой, как птица, и я ни разу не упала, даже не споткнулась.

– Тогда давайте потанцуем снова, – предложил он, беря ее за руку, чтобы помочь встать.

– О нет! – воскликнула Кларисса, отдергивая руку. Потом она с извиняющимся видом улыбнулась. – Простите, милорд, но моя мачеха скоро вернется, а если она увидит нас вместе, она... ну, боюсь, она будет недовольна. Надеюсь, вы не слишком обижены моим признанием?

– О, ничуть, – сухо ответил Эйдриан, и она с несчастным видом прикусила губу. Кларисса знала, что такая новость будет оскорбительна, но она не знала, как справиться с ситуацией. Она определенно не хотела, чтобы он подумал, что это она сама недовольна его обществом.

Эйдриан, должно быть, заметил ее страдания, потому что вдруг сжал ее руку.

– Ничего не бойтесь. Я довольно толстокожий. Кроме того, я уже не первый раз в этом сезоне слышу такие вещи, леди Кларисса.

Эти слова были произнесены довольно печальным тоном,

а по движению пятна, бывшего его головой, Кларисса могла сказать, что он оглядывается. Она уже было решила, что он ищет предлог уйти, когда он вдруг снова повернулся к ней и заставил ее встать на ноги.

– По-моему, сейчас я не вижу поблизости вашей мачехи и ни одной из ее подружек. Если мы поспешим, думаю, мы можем незамеченными проскользнуть на балкон.

– На балкон? – смущенно повторила Кларисса, инстинктивно следуя за рукой, ведущей ее. Он провел ее через двери на балкон, находящийся позади них. – Для чего?

– Чтобы танцевать.

– Танцевать? – удивленно повторила она, но потом он закрыл за ними дверь, отгородившись от музыки и голосов бального зала.

– Вы ведь хотели потанцевать?

Кларисса услышала недовольство в его голосе и быстро кивнула, чтобы угодить ему. Потом она неуверенно призналась:

– Но если моя мачеха вернется, пока меня нет...

– Ах да, – пробормотал Эйдриан. – Полагаю, вы правы. Она может заглянуть сюда и увидеть нас; это опасно.

Кларисса только грустно вздохнула, думая, что теперь они вернутся внутрь и закончится этот первый после прошлой встречи с ним проблеск волнения, когда он вдруг потянул ее прочь от дверей.

– Идите сюда. Мы пройдем дальше в сад, где она не найдет

нас. Там мы можем потанцевать.

Эйдриан повел ее вниз по лестнице в сад, о котором говорил, и Кларисса, спотыкаясь, старалась поспеть за ним, бормоча:

– Нет, милорд. Я имела в виду, что если она обнаружит мое отсутствие, у меня обязательно будут неприятности, когда я вернусь.

– А, ну вы можете просто сказать ей, что вам нужно было удовлетворить личные потребности и пришлось пойти в дамскую комнату, – предложил он.

– Милорд! – потрясенно воскликнула Кларисса, пораженная тем, что он так спокойно говорит о таких вещах. Такого просто не могло быть. Она слышала гримасу в его голосе, когда он извинился.

– Простите, но я просто пытался... Черт, кто-то идет.

Кларисса забыла о нарушении правил приличия, ее сердце затрепетало от тревоги, когда он замер.

– Кто это?

– Не знаю, но я слышу... Идемте. – Потянув ее в сторону, Эйдриан нырнул в кусты, увлекая ее за собой. Когда он остановился, она замерла тоже, какой-то инстинкт подсказал ей молчать, пока они ждали. Ни прошло и мгновения, как перед ними появились фигуры, приближающиеся с той стороны, куда они ли пойти. К несчастью, вместо того чтобы пройти мимо, как надеялась Кларисса, пара выбрала это место, чтобы остановиться и обняться.

– О, Генри! – пробормотала женщина.

– Хейзел, – прозвучал дребезжащий тихий голос, заставивший Клариссу нахмуриться. Она была уверена, что узнала голос лорда Прадомма.

– Вы ведь на самом деле не собираетесь жениться на этой жалкой девице? – вдруг сказала женщина. – А как же мы? Как же наша великая страсть?

– Я люблю вас, Хейзел, – снова донесся дребезжащий голос. – И буду любить до самой смерти, но я должен произвести на свет наследника. Матушка крайне настойчива в этом вопросе.

Кларисса поморщилась. Это действительно был Прадомм; теперь она была уверена, поскольку встречалась с его матерью. Леди Прадомм была довольно жутковатой старухой. Ей наверняка было не меньше ста лет. И при всем при этом она была пугающей старой каргой, так что Кларисса не могла винить Прадомма за его страх перед ней.

– Да, но...

– Ш-ш, любовь моя, – успокоил ее Прадомм. – Просто позвольте мне обнять вас и представить, что все сны, что снятся мне каждую ночь, стали, явью. Что вы моя и все эти тайные свидания больше не нужны.

Послышался шорох шелка, и на мгновение воцарилась тишина, так что Кларисса представила, что парочка обнимается; потом она услышала подозрительный звук, больше напоминающий чмокание губами или сосание. Прищурившись,

она попыталась посмотреть сквозь кусты, но все, что она смогла увидеть, – это размытые пятна, которые, очевидно, были женщиной в светлом платье и худой темной фигурой мужчины. Они стояли очень близко друг к другу. Действительно очень близко. Их лица выглядели одним большим пятном под двумя словно слившимися в один белыми париками.

Они целовались! Кларисса ужаснулась, осознав это, и вдруг задумалась, как к этому отнесется лорд Ачард. Потому что она поняла, кем была женщина, которую Прадомм называл Хейзел. Леди Хейзел Ачард входила в кружок ее матери и часто бывала резка и неприветлива с Клариссой. Теперь Кларисса понимала почему. Хейзел ревновала Прадомма, ухаживающего за ней.

– О, Генри, займись со мной любовью, – вдруг выдохнула леди Ачард.

– Но мы только что это делали, моя милая, – возразил Прадомм. – Я всего лишь мужчина. Я не могу снова делать это так скоро, мне нужно восстановиться после страсти, которую вы вызываете во мне.

– О-о... – прозвучал долгий, протяжный вздох разочарования, а потом: – Если бы мы были женаты...

– Да, будь мы женаты, я мог бы обнимать вас каждую ночь, как обнимаю сейчас, – тихо заявил Прадомм. Потом он выругался и сказал: – Будь проклят ваш муж за его отличное здоровье!

– Да, будь он проклят, – согласилась леди Ачард. – Хотела бы я, чтобы он...

– Ш-ш, – прервал ее Прадомм. Но Кларисса предположила, что леди Ачард надеется на раннюю смерть своего несчастного мужа.

– Что? – тревожно спросила Хейзел.

– Кажется, я слышал, что кто-то идет.

Пара разделилась, и вскоре на дорожке появилась еще одна женщина. Увидев их, она остановилась с очевидным удивлением.

– О, лорд Прадомм. Леди Ачард. – Узнав голос леди Элис Хейвард, другой подруги своей мачехи, Кларисса попыталась еще глубже вжаться в кусты.

– Леди Хейвард, – невинно пробормотала влюбленная парочка, как будто они не держали друг друга в страстных объятиях всего минуту назад.

– Вышли подышать свежим воздухом, Элис? – спросила леди Ачард с оттенком подозрения в голосе.

– Да. Боюсь, внутри слишком душно, – ответила леди Хейвард. Потом чопорно добавила: – На самом деле я говорила об этом лорду Ачарду всего несколько минут назад.

– Артур здесь? – В голосе Хейзел Ачард явно звучала тревога. – Но ведь он сказал, что у него нет настроения выезжать сегодня.

– Хм-м... Похоже, он передумал. – Леди Хейвард явно была безмерно довольна собой. – Он спросил меня, не знаю ли

я, где вы, и я сказала ему, что вы, кажется, пошли ужинать.

– О! – Наступила тишина, а потом размытое пятно, бывшее леди Ачард, обратилось к Прадомму: – От всей души благодарю вас, милорд. Так мило с вашей стороны, что вы нашли время показать мне ваш сад. Теперь, думаю, я вернусь в дом. – Она помедлила мгновение, а потом спросила с хитрецей: – Вы составите мне компанию, леди Хейвард?

– Нет. Думаю, я бы хотела осмотреть новый фонтан лорда Прадомма. Вы ведь упоминали, что ваша матушка купила его, Генри?

– Да, да, – сразу же ответил Прадомм. – Буду рад показать его вам.

– Ну... тогда я пойду, – сказала леди Ачард с очевидной неохотой, и ее смутный силуэт удалился.

Уверенная, что Прадомм и леди Хейвард последуют за ней, а они с Эйдрианом смогут наконец выбраться из-под деревьев и вернуться на бал, Кларисса едва не издала громкий вздох облегчения. Однако она ошибалась. В ту же минуту, как леди Ачард удалилась, леди Хейвард обратилась к Прадомму, ее голос дрожал от ревности, когда она спросила:

– Чего она хотела?

– Леди Ачард сказала, что ей нужно подышать свежим воздухом, и попросила меня показать ей новые приобретения для сада, что я и сделал, – невинно заявил Прадомм. Кларисса вытаращила глаза. Господи, да этот человек прирожденный лжец!

– О... – В голосе леди Хейвард прозвучало облегчение, но она выпалила: – Когда я увидела, как вы вдвоем ускользнули сюда, я подумала...

– Тише, любовь моя. – Маленькое темное пятно, бывшее Прадоммом, привлекло зеленоватое пятно – леди Хейвард – в свои объятия. – Вы знаете, что для меня нет никакой другой женщины. Я люблю вас, Элис, и буду любить до самой смерти.

– Да, Генри. – Леди Хейвард вздохнула, когда он стал покрывать поцелуями ее шею. – Просто я в последнее время такая ревнивая.

– Тут не к чему ревновать, моя милая.

Кларисса прищурилась сильнее и подвинулась вперед, когда Прадомм отклонился назад, чтобы потянуть что-то из зеленоватого пятна вниз. Господь милосердный! Она потрясенно осознала, что он только что, вот тут, прямо в саду, обнажил грудь леди Хейвард. По крайней мере такой вывод сделала Кларисса при виде этих двух туманных округлостей, которые Прадомм продолжал сжимать и покрывать громкими причмокивающими поцелуями.

Леди Хейвард задохнулась от чувств, потом схватила его за парик и оттащила его лицо от своей груди.

– А что же девушка?

– Кларисса Крамбри? – Насмешка Прадомма была очевидна. – Всего лишь ребенок. Что она знает о страсти, такой как наша?

– Значит, вы все еще любите меня? – взмолилась она.

– Разумеется, – заверил он ее.

Их пятна снова слились, когда он стал утешать ее:

– Вы мне снитесь. Я просыпаюсь с вашим именем на устах и представляю, что вы моя и что все эти тайные свидания больше не нужны.

У Клариссы снова округлились глаза. Несомненно, этому человеку снится много снов – хотя непонятно, когда он находит время на это, если имеет любовную связь с обеими дамами.

– О, Генри! – выдохнула леди Хейвард. – Если бы только я была ваша и мы могли бы вот так обнимать друг друга каждую ночь!

– Да, – согласился лорд Прадомм. – Будь проклят ваш муж за его отличное здоровье.

Кларисса едва не фыркнула вслух от этих знакомых слов, но ей удалось сдержаться.

– А теперь позвольте мне доставить вам наслаждение в те несколько минут, что есть у нас, – продолжил Прадомм, и его темное пятно вдруг опустилось на колени, а потом, кажется, исчезло под юбками леди Хейвард.

– О, Генри! – Леди Хейвард прислонилась спиной к дереву. – О, лорд Прадомм! О, о, о!

Кларисса удивленно смотрела, потом не задумываясь открыла рот, чтобы спросить:

– Какого дьявола он...

Моубри сразу же зажал ей рот рукой и потащил назад в кусты.

Схватившись за его руку, чтобы сохранить равновесие, Кларисса бросила взгляд на туманные фигуры Прадомма и леди Хейвард. Как же она жалела, что у нее нет очков! Кларисса понятия не имела, что этот мужчина делает под юбками женщины, но стоны леди Хейвард наводили на мысль, что это довольно интересно. Но потом Клариссу потащили сквозь кусты на другую сторону дорожки. Эйдриан позволил ей повернуться лицом вперед и быстро повел дальше.

– Что же он такое там делал? – спросила она, когда они остановились на еще одной небольшой полянке.

Моубри пристально взглянул на нее, и ей показалось, что он покраснел, но потом она решила, что, должно быть, ошиблась. Наконец он сказал:

– Когда-нибудь я объясню это вам, миледи. Но сейчас не время для этого.

– Почему нет? – с любопытством спросила она.

– Потому что вы слишком невинны, чтобы понять такие вещи. Потому что из-за вашей невинности вы будете невероятно смущены. Потому что... потому что сейчас я считаю, что нам лучше всего вернуться на бал, – закончил граф с явным облегчением в голосе от того, что подумал об этом.

– О, но нам так и не удалось потанцевать, – возразила Кларисса. Ей казалось, что, раз уж ей все равно не избежать неприятностей, то нужно по крайней мере сначала потанце-

вать.

– В другой раз, – пообещал Эйдриан с ласковой улыбкой, которая, видимо, должна была смягчить удар.

Кларисса была разочарована, но позволила ему повети себя назад к шуму голосов, музыке и огням бального ала.

– Боюсь, другого раза не будет, милорд. Лидия прилагает все усилия, чтобы избегать тех мест, где вы можете быть. Мы приехали сюда сегодня только потому, что она решила, что вас не заинтересует бал у Прадомма.

– Так вот почему я не мог найти вас всю эту неделю, – пробормотал Эйдриан и сухо признал: – Ваша мачеха была права. В обычной ситуации я ни за что бы не приехал на этот бал.

– Тогда почему вы приехали? – Кларисса затаила дыхание, сама не зная почему, до тех пор пока не услышала его ответ.

– Потому что я знал, что Прадомм считается вашим уха-жером, и поэтому предположил, что вы можете быть здесь, – признался он.

– Правда? – спросила она.

– Да. Правда.

Клариссе показалось, что Эйдриан, возможно, тоже улыбается, но она не могла быть уверена. Потом он нежно провел большим пальцем по ее глазам, заставляя ее перестать щуриться, и сказал:

– Мне тоже очень понравился наш разговор на балу у Де-моррисов, и с того момента мне очень хотелось снова уви-

деть вас.

– О! – Она затрепетала от удовольствия и вздохнула. – Я бы хотела, чтобы...

– Чего бы вы хотели? – спросил Эйдриан. Кларисса грустно пожала плечами:

– Мне бы просто хотелось, чтобы Лидия не чувствовала к вам такой неприязни.

Он молчал, пока они шли по дорожке к бальному залу, а потом остановился и повернул ее к себе.

– Возможно, есть способ справиться с этим.

– Способ? – переспросила Кларисса со смесью любопытства и надежды.

– Да. – Эйдриан молча смотрел на нее, и тогда она решительно кивнула. Его пальцы крепче сжались на ее руке. – Кларисса, если в ближайшие дни мой кузен появится у вас с визитом и предложит вам покататься верхом, постарайтесь уговорить вашу мачеху позволить это.

– Ваш кузен? – неуверенно переспросила она.

– Реджиналд Гревилл, – сказал Эйдриан. – Я попрошу его привезти вас ко мне. Ваша мачеха его одобрит. Он выведет вас из дома, а я встречу вас двоих в парке.

Кларисса нахмурилась. Имя Гревилла было ей знакомо.

– Я думаю, что он вряд ли согласится привезти меня, милорд. Боюсь, я уже познакомилась с ним.

Эйдриан мягко усмехнулся:

– Он рассказывал мне о вашей первой встрече.

– Рассказывал? – смущенно спросила она. Кларисса не поняла этого сразу, но Лидия потом говорила ей, что она обожгла его, когда приняла его колени за стол и поставила на них свой чай. Вообще-то она надеялась, что Эйдриан не слышал этой истории. Это было унижительно. Но ведь почти все время, проведенное ею в Лондоне, было таким.

– Да, он рассказывал. Но ничего не бойтесь; я объяснил Реджиналду вашу ситуацию. Он будет очень рад помочь нам.

– Может быть, – с сомнением пробормотала Кларисса; потом она прикусила губу и посмотрела на туманное пятно, которое было его лицом. – Но разве он не распутник? – Когда Эйдриан ничего не сказал, Кларисса поспешила объяснить: – Потому что, видите ли, Лидия именно поэтому возражает против вас. Она сказала, что вы были распутником, когда в последний раз появлялись при дворе. Однако я уверена, что она ошибается. Но если он тоже распутник...

Эйдриан напряженно молчал так долго, что Кларисса начала бояться, что Реджиналд тоже распутник, но потом Эйдриан вдруг расслабился.

– Все будет в порядке.

Кларисса прикусила губу, все еще не веря, что что-то столь чудесное могло случиться в ее жизни. За последние десять лет у нее было очень мало радостей. Сначала болезнь матери, а потом это ужасное фиаско с капитаном Филдингом... А потом мать Клариссы умерла и, пока она еще горевала о ней, отец женился на этой ужасной Лидии. В деревне

жизнь была адом, потому что мачеха при каждом удобном случае напоминала ей о ее позоре. Лидия постоянно намекала, что Кларисса этим постыдным скандалом, в который вовлекла всю семью, свела мать в могилу. Кларисса знала, что Лидия обижается и винит ее за то, что ее отец избегает Лондона. К несчастью, Лидия была права. Лорд Крамбри избегал города в надежде, что скандал в конце концов забудется и его дочь все же сможет сделать хорошую партию. Лидия ненавидела Клариссу за то, что по ее вине пропустила несколько лондонских сезонов, и почти не скрывала, что не может дождаться, когда же наконец избавится от нее.

Да, Кларисса подозревала, что ненависть и обида были истинными причинами, по которым Лидия запрещала ей носить очки. Она подозревала, что мачеха втайне наслаждается каждым унижительным происшествием, особенно потому, что потом она могла использовать такие случаи как предлог, чтобы бранить и наказывать ее. И если Лидия добьется своего, Кларисса окажется связанной с ненавистным лордом Прадоммом до конца своей жизни... или его. Лидия, вероятно, прекрасно знала, насколько отвратителен этот коротышка. Кларисса уже давно заметила, что эти двое действуют более дружески, чем должны были бы, учитывая обстоятельства, и теперь ей пришла в голову мысль, не клялся ли Прадомм в вечной любви и ее мачехе, проклиная при этом хорошее здоровье ее отца. Ее бы это не удивило.

– Кларисса? Это ты?

Голос Лидии, вдруг донесшийся из темноты, чуть не заставил ее застонать. Но когда она открыла рот, чтобы, пока есть возможность, попрощаться с лордом Моубри, Эйдриан жестом велел ей замолчать и его силуэт как будто растворился в деревьях у дорожки.

– Она еще не увидела меня. Не упоминайте обо мне, а просто скажите, что вышли подышать свежим воздухом.

– Хорошо, – прошептала Кларисса, стараясь при этом не шевелить губами.

– И не забудьте о моем кузене, Реджиналде Гревилле. Он придет к вам завтра.

– Кларисса! Это действительно ты!

Пока мачеха приближалась, Кларисса обреченно вздохнула. Скажет ли она, что вышла подышать воздухом или что спасалась от сильного пожара в доме, ей все равно предстоит выслушать лекцию, но Кларисса предпочла бы, чтобы это случилось вдали от Эйдриана.

Тихонько прошептав ему слова прощания, Кларисса поспешила вперед, чтобы перехватить Лидию.

Эйдриан дождался, пока две женщины исчезнут в доме, прежде чем выбраться из кустов. Сам он, вместо того, чтобы последовать за ними, прошел по дорожке к парадному входу и приказал, чтобы подали его экипаж. Сев в карету, он велел кучеру отвезти себя в пользующийся самой дурной репутацией игорный дом в городе, зная, что найдет там Реджиналда. В молодости они оба часто посещали подобные заведе-

ния, но после службы в армии Эйдриан потерял интерес к такому виду досуга. Реджиналд, не бывший на войне, не потерял.

Как он и ожидал, Эйдриан нашел кузена за игорным столом и криво улыбнулся, увидев его потрясение.

– Вот дьявольщина, Эйдриан! – воскликнул Реджиналд, поворачиваясь в ответ на похлопывание по плечу. – Я думал, что никогда больше не увижу тебя здесь. После возвращения с войны ты избегаешь таких развлечений.

– Почти все это время я был в деревне, – напомнил ему Эйдриан. Ему не хотелось развивать эту тему.

– Ну что ж, садись, присоединяйся к нам! – Реджиналд широко улыбнулся, явно довольный возвращением старого товарища по непристойным удовольствиям.

Эйдриан помедлил, потом сел, не желая говорить о своих планах в этом месте, но зная, что, отгаскивая Реджиналда от игорного стола, вряд ли удастся заручиться его поддержкой. Смирившись с мыслью, что придется провести несколько часов в отвратительном прокуренном притоне, Эйдриан игнорировал любопытные взгляды на свой шрам и мысленно готовил аргументы, которые сможет использовать для убеждения кузена, когда они выберутся из игорного дома. Он знал, что придется проявить хитрость.

– Ты, наверное, сумасшедший! – воскликнул Реджиналд три часа спустя.

Эйдриан направлялся в свой лондонский дом. Он убедил

кузена зайти выпить после выхода из притона и изложил ему свою просьбу сразу же, как только они оказались в его карете.

Эйдриан нахмурился, удивленный такой реакцией. Не на такое он надеялся и не такого ожидал после своего признания. Он скорее рассчитывал, что кузен окажется более покладистым.

– Почему сумасшедший?

– Потому что это безумие – ждать от меня, что я по доброй воле подвергну себя такой опасности, – со смехом ответил Реджиналд. Но он все же прошел вслед за Эйдрианом в библиотеку. – Подумай о моих наследниках или, вернее, об их отсутствии, если девчонка снова ошпарит меня.

Эйдриан округлил глаза, в то время как Реджиналд устроился в одном из кожаных кресел у холодного камина. Сам он направился к круглому столику со стоящим на нем графином бренди и сказал:

– Мы говорим о хрупкой женщине, а не о батальоне французов.

– Да, но леди Кларисса может причинить больше вреда, чем вся французская армия, вместе взятая, – проворчал Реджиналд.

Эйдриан нахмурился, но продолжал молчать, обдумывая свой самый убедительный аргумент, пока наливал бренди. Наконец он воткнул на место пробку, взял бокалы и вернулся к камину.

– Я только хочу, чтобы ты привел ее и оставил. Ты не так уж много времени с ней проведешь, Редж.

– Да, но...

– Я был бы очень признателен за это, – добавил Эйдриан, протягивая ему бокал. Они молча посмотрели друг на друга, потом Реджиналд вздохнул и проворчал:

– Ну хорошо. Все, что угодно, ради любви и романтики. Но я надеюсь, ты вспомнишь об этом, когда мне понадобится твоя услуга.

– Вспомню, – заверил его Эйдриан и с облегчением устроился в кожаном кресле напротив.

Редж вздохнул:

– Bravo, старина. И так, завтра я забираю девушку и привожу ее к тебе... куда?

Эйдриан медлил с ответом, зная, что дальше ему потребуется хитрость. Наконец он сказал:

– Мы можем обсудить это потом, а сначала я должен сообщить тебе одну маленькую деталь.

Встревоженный его тоном, Редж вопросительно поднял бровь:

– И это будет?..

Эйдриан избегал смотреть ему в глаза.

– Мне бы не хотелось говорить об этом, но мачеха Клариссы питает отвращение к... э... распутникам.

Редж поднял вторую бровь. Эйдриан неловко заерзал и добавил:

– Примерно как с леди Страммонд.

Теперь брови кузена подозрительно сошлись на переносице, так что Эйдриан решил открыть карты.

– Я подумал, что ты мог бы применить подход, который использовал, чтобы убедить леди Страммонд позволить ее дочери выйти из дома.

– О, Моубри, ты что!

Эйдриан поморщился в ответ на возмущение кузена, но сказал:

– Ну, с леди Страммонд это же сработало.

– Да, сработало, но...

– И работает снова, – настаивал он. А потом добавил: – Я уверен. И только ты можешь справиться с этим.

– Кузен, – мрачно сказал Реджиналд, – одно дело – сыграть хлыща, чтобы добыть женщину для себя самого. И совсем другое...

– Пожалуйста, – оборвал его Эйдриан.

Глаза Реджиналда расширились от удивления. Эйдриан Монтфорт, граф Моубри никогда не говорил «пожалуйста». Никогда в жизни. Вдруг почувствовав неловкость, он обратил свой взгляд на холодные угли в камине и покорно вздохнул:

– Ну хорошо.

Глава 5

– У дверей лорд Гревилл, и он желает знать, принимают ли леди Крамбри гостей.

Кларисса, заморгав, открыла глаза и подняла голову со спинки кресла, чтобы посмотреть надверной проем и заслонившего его дворецкого. Ее мачеха сказала:

– Кто, вы сказали, у дверей, Фоулкс?

– Лорд Гревилл, – повторил дворецкий смертельно скучным голосом.

Кларисса прикусила губу и постаралась скрыть свое возбуждение, хотя сердце грохотало в ее ушах. Моубри сказал, что пришлет вместо себя кузена, и так и сделал. Она скрестила пальцы и молча взмолилась, чтобы мачеха не отослала его прочь и не испортила все, а потом напряглась, почувствовав, что взгляд Лидии обратился в ее сторону.

Голос мачехи был полон замешательства, когда она сказала:

– Мне казалось, ты уже познакомилась с лордом Гревиллом?

Кларисса поняла подтекст: если он уже познакомился с ней, то почему вообще вернулся? Однако она не позволила тому намеку расстроить ее и, нервно пожав плечами, сказала:

– Да, познакомилась. Он показался мне очень приятным

человеком.

– М-м... – Лидию это, похоже, не убедило. – Я могла бы поклясться, что слышала, что он...

Она не договорила, а леди Хейвард, пившая с ними чай и оставшаяся посплетничать, сказала:

– Я тоже слышала шепотки, что он немного развратен, Лидия, но, думаю, все это чушь. Зависть, вероятнее всего. Он происходит из очень хорошей семьи и в весьма дружеских отношениях с принцем-регентом.

Теперь Кларисса понимала, почему эта женщина подталкивает Лидию принять лорда Гревилла. Нет сомнения, это имеет отношение к ее связи – и, соответственно, ревности – с лордом Прадоммом; но Клариссе было все равно. Она была благодарна леди Хейвард, каковы бы ни были ее мотивы, и, затаив дыхание, ждала, пока мачеха не сказала с сожалением:

– Ну хорошо, Фоулкс. Проведите его сюда.

– Очень хорошо, миледи, – пробормотал Фоулкс, удаляясь из комнаты.

Кларисса нетерпеливо ждала, скрестив пальцы, что уловка удастся и она скоро снова увидит лорда Моубри. В комнате воцарилась напряженная тишина, и Кларисса наострила уши. Она ясно слышала, как Фоулкс открыл парадную дверь и объявил, что леди Крамбри дома.

– Ах чтоб тебя! – донесся веселый голос. – Такпусти же меня. Тут у человека вот-вот сопрут утиралку. Я уже соби-

рался впихнуть свою тушку и найти какого-нибудь воришку, чтобы шарахнул мне молнию.

Кларисса смущенно заморгала, услышав эти слова, когда леди Хейвард осведомленно заявила:

– Это жаргон.

– Жаргон? – переспросила Лидия в таком же замешательстве, какое ощущала Кларисса.

– Сленг, дорогая, – объяснила леди Хейвард, жалость в ее голосе ясно давала понять, что они безнадежно отстали от жизни. – Сейчас среди молодых людей это последний крик моды.

– О! – коротко ответила Лидия. Ей явно было неприятно выглядеть невежественной. – Ну, я редко следую всем этим новомодным увлечениям. Они так часто меняются. Так что он сказал?

Наступила короткая пауза, прежде чем леди Хейвард заговорила, а когда она все-таки начала, ее неуверенность была очевидна.

– Я точно не знаю. По-моему, он сказал что-то о том, что его носовой платок был украден.

– А, дамы! – Эти два слова были выдохнуты с удовлетворением, и Кларисса заморгала, выпрямляясь, когда смутное цветное пятно ворвалось в комнату. Это было очень подвижное цветное пятно, одна часть его, что, похоже, была носовым платком, раскачивалась по комнате, как будто расчищая путь. Это совершенно определенно был не лорд Гревилл –

по крайней мере не тот лорд Гревилл, которого она знала, в волнении осознала Кларисса. Она с тревогой взглянула в сторону мачехи.

Однако вместо того, чтобы удивиться этому явному самозванцу, ее мачеха, похоже, была совершенно очарована. Она встала.

– Лорд Гревилл, как мило, что вы нанесли нам визит!

– О, что вы, не стоит благодарности. Для меня это удовольствие. – Он проплыл через комнату к Лидии, где остановился и в знак приветствия поцеловал ей руку, а потом повернулся туда, где сидела Кларисса. – А, леди Кларисса, вы прекрасны, как всегда. Очарован.

Он взял ее руку и поднял ее вверх, чтобы, громко чмокнув губами, поцеловать ее. Затем тут же отпустил ее, как будто ее кожа была обжигающе горяча, и перешел к леди Хейвард.

– И леди Хейвард – действительно настоящее удовольствие! Сегодня я самый счастливый из людей. Три прекрасные женщины в одной комнате.

– Вы нам льстите! – воскликнула мачеха Клариссы. – Не хотите ли выпить чаю, милорд?

– Разумеется, разумеется. Чудесно.

– Садитесь, пожалуйста.

– Благодарю вас.

Наступила тишина, пока все возвращались на свои места – все, кроме Клариссы, которая не вставала со своего. Потом все удовлетворенно вздохнули.

– Знаете, это сюрприз, милорд. Чему же мы обязаны этим визитом? – спросила леди Крамбри, наливая ему чай.

– Обязаны? – Его голос звучал удивленно. – Что вы, вы ничем не обязаны. Я никогда не обременяю своих друзей, как бы восхитительны они ни были.

У него вырвалось почти девчоночье хихиканье, заставившее Клариссу в волнении широко раскрыть глаза. Господи! Она была почти слепа, но не глуха. Это определенно был не тот лорд Гревилл, которого она знала. У того голос был глубокий и хрипловатый, почти как у его кузена. Его слова были серьезны и корректны. Это не может быть лорд Реджиналд Гревилл, решила она, но две другие женщины любезно захихикали в ответ на его шутку.

«Но кто же он?» – спрашивала себя Кларисса. Несомненно, ее мачеха и леди Хейвард, обе обладавшие превосходным зрением, узнали бы в нем самозванца, если бы это был не настоящий лорд Гревилл. А ни одна из них, похоже, ничуть не встревожилась. Единственное, что оставалось думать Клариссе, – что это действительно был лорд Гревилл, но что он разыгрывает какую-то шараду. Хотя она не могла придумать, для чего бы ему так вести себя. Он говорил очень похоже на... ну, честно говоря, он говорил очень похоже на женщину.

Эта мысль пришла ей в голову как раз тогда, когда Кларисса вспомнила, что спрашивала лорда Моубри, не развратник ли его кузен, и предупредила его, что с таким Лидия ни

за что не отпустит ее кататься верхом. Очевидно, они решили успокоить страхи ее мачехи этим мастерским представлением.

Кларисса восторгалась его актерскими способностями, когда лорд Гревилл признался:

– Вообще-то я просто испытывал свои новые верхний Бен и калп и хотел проверить, какой они произведут эффект на самых прекрасных дам в Лондоне.

Мачеха Клариссы и леди Хейвард по-девчоночьи захихикали от такого комплимента. Кларисса спросила то, что две другие дамы явно боялись спросить и тем самым продемонстрировать свое невежество:

– Э... а что на самом деле такое эти верхний бен и калп, милорд?

– О, это мои пальто и шляпа, милая девушка, – объяснил Реджиналд высоким дребезжащим голосом. Потом он вскочил на ноги и изобразил перед ней небольшой пируэт, видимо, чтобы продемонстрировать свои пальто и шляпу, как будто бы не знал, что она слепая. – Что вы думаете? Прекрасно сидит, вам так не кажется?

Кларисса сощурилась изо всех сил, но он так и остался вертящимся мазком зеленоватого цвета. Вместо нее заговорила Лидия, защебетав:

– О, это очаровательно! Вы должны дать мне имя вашего портного, чтобы я могла передать его моему мужу.

– Просто великолепно, – согласилась леди Хейвард.

Кларисса закашлялась, пытаясь скрыть свой смех от мысли, что ее отец хотя бы задумается о том, чтобы надеть вещь такого цвета. У него бы случился припадок. Лорд Крамбри был очень консервативен.

Очевидно, удовлетворенный их похвалами, лорд Гревилл с довольным вздохом снова опустился в свое кресло.

– Я всегда стараюсь следовать моде. Мне все было интересно, стоит ли искать еще и подходящие лолли и кикси. Что вы думаете?

– Я думаю, это звучит очаровательно, – в очевидном замешательстве ответила Лидия, даже леди Хейвард пробормотала что-то точно так же потерянно. Похоже, ее познания в жаргоне были не настолько обширны, как она пыталась изобразить.

Только Кларисса спросила:

– Чем конкретно должны быть лолли и кикси, милорд?

– Рубашка и бриджи, – терпеливо объяснил Гревилл, и брови Клариссы взметнулись вверх, когда она представила, что он наденет под пальто точно такого же зеленого цвета рубашку и бриджи. Она услышала веселье в его голосе, когда он добавил: – Но я подумал, что это будет немного чересчур, поэтому я побултыхал мою лучшую белую лолли и решил обойтись ею. Нет сомнений, это к лучшему. Я ненавижу швырять на ветер башли.

– Я ужасно сожалею, – смущенно сказала Кларисса. – Что вы сделали с вашей рубашкой... то есть... лолли?

– Я побултыхал ее... Постирал, – объяснил он в ответ на тишину, которой были встречены его слова. – Я постирал мою рубашку.

– О да, конечно. Что ж это хорошо, – сказала Лидия, как если бы что-то поняла.

Не обращая на нее внимания, Кларисса спросила:

– А что такое башли?

– Господи, да деньги, конечно!

– Ну конечно же! – воскликнули обе женщины, как будто их раздражало очевидное невежество Клариссы. Но она была уверена, что они тоже понятия не имели, что такое башли.

– Чтоб меня! – воскликнул Гревилл в притворном ужасе. – Вы подумаете, что я дешевка. Это не так, знаете, но отец туго затянул завязки кошелька. Конечно, он стар и не понимает необходимости моды. Жизненно необходимо иметь соответствующий вид, вы так не считаете?

Когда он выжидательно замолчал, Лидия и леди Хейвард торопливо кивнули в знак согласия. Что еще они могли сделать, если не хотели показаться глупыми старыми курицами?

– О да, соответствующий вид жизненно необходим, – хором пробормотали они.

Гревилл притворно вздохнул:

– Да, но в наши дни все так дорого. Представляете, на прошлой неделе я заказал пару новых хокки-докки и чуть не упал в обморок, когда получил счет. А вы видели последние цены на флоггеры?

– Флоггеры? – пискнула леди Хейвард. Кларисса практически услышала, как она растерянно хлопает глазами, но дама быстро замаскировала свое смущение: – Боже мой, да... очень дорого.

Кларисса откашлялась.

– Простите, но что такое флоггеры и... э... хокки-докки?

– Флоггеры – это хлысты, а хокки-докки – туфли, – объяснил Гревилл и продолжил жаловаться: – Только дурак заплатит ту цену, которую требуют сейчас. – Он расстроено вздохнул и скорбно покачал головой. – На хорошую одежду всегда не хватает денег. Если бы мне так не претило мошенничество, я бы занялся делом. Но мне не нравится мысль, что за мной будут гоняться сыщики и я кончу жизнь на Такемской ярмарке.

– Виселица! – триумфально воскликнула леди Хейвард.

Когда Кларисса и Лидия озадаченно повернулись к ней, леди Хейвард гордо объяснила:

– Такемская ярмарка. Это место казни. – Она вдруг нахмурилась, стараясь собрать воедино остальные его словечки. – Может быть, сыщики – это власти?

– Судейские, – согласился лорд Гревилл, и Кларисса почувствовала улыбку в его голосе.

Лидия, однако, не улыбалась. В ее словах звучал несомненный ужас, когда она с трудом выговорила:

– Вы хотите сказать, что вас преследует полиция?

– Нет! Прах меня побери, я же сын герцога Мунстрака! –

Казалось, лорд Гревилл был потрясен, что они могли хоть на мгновение предположить такое.

Клариссе стало интересно, что же мог означать «герцог Мунстрак». Это тоже был жаргон? Или кличка? Хотя лорд Гревилл был герцогом, она была совершенно уверена, что нет такого титула, как герцог Мунстрак.

– Да, но вы только что сказали... – запинаясь, начала леди Крамбри.

– Я сказал, если бы я занялся разбоем, они могли бы прийти за мной.

– Разбоем? – слабо повторила Лидия, явно чувствуя себя довольно глупо.

– Вышел на большую дорогу. Стал разбойником, – объяснил он. – Чего, разумеется, я не сделаю.

– Нет, конечно, нет. Ну что же... этот жаргон довольно загадочен, не правда ли? – Мачеха Клариссы явно не была довольна.

Кларисса догадалась, что ей не нравится чувствовать себя несообразительной, и начала беспокоиться, что, если мачеха слишком разозлится, ей не позволят пойти с Гревиллом, несмотря на все его усилия. Но в этот момент он вдруг вытащил свои карманные часы и сел прямо.

– Побери меня прах, моя тикалка говорит, что пора идти, – объявил он, и Клариссе показалось, что он начал бояться, что переиграл.

– Идти? Но вы ведь только что пришли. – Вопреки ее сло-

вам в голосе Лидии звучало облегчение.

– Да. Что ж, я все равно не собирался задерживаться надолго. Я просто думал заглянуть и спросить, не составит ли леди Кларисса мне компанию на конной прогулке в парке. Я хотел продемонстрировать мои верхний бен и калп в более публичном месте, но негоже кататься в парке одному. Это сейчас не в моде, знаете ли.

– О, ну... – Лидия помедлила и взглянула на леди Хейвард. Кларисса почти слышала мысли мачехи. Нет сомнения, она размышляла над сплетнями о лорде Гревилле и сравнивала их с человеком, сидящим в данный момент в ее гостиной.

– О, да отпустите их, – проворчала леди Хейвард. – Лорд Гревилл позаботится о ней.

Видимо, представление Реджиналда убедило Лидию, что бояться нечего, иначе не помогла бы даже поддержка леди Хейвард. Кларисса увидела, как она медленно кивает, позволяя ей идти.

– Очень хорошо, – сказала Лидия. – Но не забудь свою маску, и будь осторожна и не...

Возбужденная перспективой встречи с лордом Моубри, Кларисса взяла и надела маску, которую Лидия сунула ей. Предостережения мачехи пролетали у нее мимо ушей. Они опять были о том, чтобы не прикасаться ни к чему и не ходить, не держась за руку лорда Гревилла, и так далее и тому подобное; а Кларисса слышала эти приказы настолько часто,

что выучила их наизусть. Она просто послушно кивала снова и снова, пока мачеха и леди Хейвард провожали их до дверей; потом Гревилл быстро провел ее к открытому фаэтону, стоящему на улице перед домом, и поднял на сиденье.

– Ну слава Богу, все это кончилось!

Кларисса слышала недовольное бормотание, пока лорд Гревилл разбирал вожжи и усаживался. Внезапно ставший более низким и гораздо более мужественным, его голос развеселил ее. Кларисса разразилась смехом, открытым и радостным, естественно срывающимся с губ и заставившим ее щеки пылать румянцем. Однако когда она услышала его приглушенное «Проклятие!», ее смех затих.

– Простите, милорд, – сразу же пробормотала Кларисса, подавляя смех. – Вы, должно быть, считаете меня ужасно неблагодарной, а я не хотела быть такой. Просто у меня перед глазами так и стоит моя испуганная мачеха, изо всех сил пытающаяся понять, о чем вы говорите. Она ненавидит казаться невежественной.

– Так обычно ведут себя глупые люди, – сообщил ей Реджиналд.

Кларисса не была уверена, что правильно расслышала его, и смущенно нахмурилась:

– Милорд?

Вздохнув, Гревилл, похоже, расслабился, хотя, кажется, ему это стоило некоторых усилий.

– Я заметил, что вы не против спрашивать о значении ска-

занных мной слов.

Кларисса слегка пожала плечами.

– Мне кажется, мало смысла в том, чтобы изображать знания, которых у меня на самом деле нет.

– Да. А это, миледи, признак интеллекта, – заверил он ее.

Кларисса удивленно заморгала.

– Я просто действительно не понимала ваших слов.

– Умным людям нет нужды делать вид, что они знают что-то, чего на самом деле не знают. Только глупцу кажется, что нужно всегда и везде притворяться. Они боятся показаться такими глупыми, какие они есть на самом деле.

– А умные люди не боятся показаться глупыми? – с любопытством спросила Кларисса, желая узнать его мнение о предмете.

– Умные люди знают, что они умны. И они также знают, что один человек не может знать всего, следовательно, человек не глуп, если он не знает той или иной вещи. И они знают, что другому умному человеку они не покажутся глупыми, если попросят объяснить то, что им неизвестно, и поэтому их неведение в каком-то конкретном вопросе не приводит к смущению.

– Потрясающая логика! – весело пробормотала Кларисса.

– Но вы не сразу поняли мою мысль, – парировал Гревилл.

– И это кое о чем говорит.

– И о чем же, милорд?

– О том, что я идиот, – быстро ответил он. – А мой кузен

– нет.

Кларисса заморгала.

– Простите?

– Я сказал, что я идиот, – радостно повторил Гревилл.

– Милорд! – тут же запротестовала Кларисса и почувствовала, как он ободряюще похлопывает ее по руке.

– Я точно идиот. По крайней мере когда приходится судить о людях. Я ужасно ошибся в вас.

– Правда? – удивилась Кларисса.

– О да. Боюсь, я поместил вас в ту же категорию, что и других глупых, тщеславных и пустых девиц, дебютировавших в этом сезоне. Честно говоря, я даже предостерегал относительно вас моего кузена.

– Правда? – Клариссе показалось, что он кивнул, и она вздохнула. – Что ж, возможно, вы были правы, милорд. В конце концов, со мной связан скандал.

Она подозревала, что Гревилл улыбается. Он сказал:

– Скандал или нет, но вы идеально подходите моему кузену. Вы будете очень счастливы вместе.

Кларисса почувствовала, что краснеет, и едва заметно покачала головой, удивляясь его заявлению.

– Вы слишком многое предполагаете, милорд. Я видела вашего кузена всего дважды. Мы не более чем знакомые.

– Возможно, но это продлится недолго, – объявил Гревилл с такой уверенностью, что у Клариссы по спине пробежал холодок. – Мой кузен не дурак, а вы идеально подходите ему.

– Теперь вы действительно говорите как идиот, – пробормотала Кларисса, одновременно и испуганная его словами, и очарованная ими. – Вы едва знаете меня. Как вы можете делать такие выводы?

– Потому что с момента встречи с вами он снова начал смеяться, – серьезно ответил Гревилл. – А это то, чего я не слышал от него уже долгое время. Да. Вы для него благо.

Не успела Кларисса удивиться, как он добавил:

– Будьте с ним помягче. У него много шрамов, и не все они видны сразу.

Кларисса собиралась спросить его об этих загадочных словах, когда поняла, что экипаж перестал двигаться. Растерянно оглянувшись, она хотела было заговорить, но в этот момент рядом с ними остановился второй экипаж. Она с любопытством наблюдала, как дверца открылась и из нее высунулась темная фигура.

– Все прошло хорошо, как я вижу.

Кларисса сразу же узнала голос лорда Моубри и решила оставить расспросы на потом. Она улыбнулась Эйдриану, когда он подошел, а потом удивленно открыла рот, когда ее вдруг подхватили на руки и поставили на землю.

– Ты у меня в долгу, кузен, – торжественно произнес Гревилл.

– Это точно, – согласился Моубри, и Кларисса догадалась, что он улыбается. – Мы останемся в этом районе, так что ты легко найдешь нас, когда придет время вернуть ее.

– Как пожелаешь, – сказал Гревилл; потом она услышала хлопок вожжей, и фаэтон покати́л прочь.

Как только он исчез в зеленом тумане парка, Кларисса улыбнулась в сторону лорда Моубри. Она подумала, что он может улыбаться в ответ. По крайней мере ей почудилась улыбка в его голосе, когда он сказал:

– Я подумал, что вы предпочтете немного пройтись, чем садиться в мою карету.

Когда глаза Клариссы удивленно расширились, он добавил:

– Я подумал, что вы не захотите выставлять себя напоказ и разглядывать других гуляющих. Кроме того, даже если и так, я некоторое время назад избавился от моего фаэтона, и у меня осталась только эта закрытая карета.

– О! – Кларисса помедлила мгновение, потом сказала: – Вы правы, предположив, что мне неинтересно разглядывать других гуляющих, что, кажется, сейчас в моде. В любом случае я не смогла бы увидеть их, – добавила она с кривой улыбкой. – Хотя кажется более вероятным, что нас могут заметить и узнать и слухи дойдут до моей мачехи...

– Но на нас же маски, – быстро прервал ее Эйдриан. – Никто не узнает, кто мы такие.

Кларисса смущенно прикоснулась к маске, которую Лидия заставила ее надеть прежде, чем позволить ей уйти с лордом Грезиллом. В этом сезоне было последним пискom моды кататься в масках, а мачеха настаивала, чтобы она делала

все, что было в моде.

– Вы не думаете, что моя неуклюжесть выдаст нас?

Эйдриан положил ее руку на свой локоть и сказал с весельем в голосе:

– Вы не будете неуклюжи, леди Кларисса. Я позабочусь об этом.

Она обнаружила, что его уверенность успокаивает ее, и радостно улыбнулась, когда он повел ее по тому, что, как она предположила, было дорожкой, но для нее выглядело коричневым туманным пятном. Несколько минут они шли молча, но через некоторое время Кларисса вдруг прислушалась.

– Это что, вода, или мне послышалось, милорд?

Эйдриан огляделся.

– Я не думаю... – начал он, потом на мгновение умолк, прежде чем сказать: – Я очень давно не бывал здесь, но мне кажется, я припоминаю, что в этом саду много каскадов и фонтанов. Должно быть, вы слышите один из них.

Кларисса почувствовала, что он смотрит на нее, и угадала его улыбку, когда он одобрительно сказал:

– У вас превосходный слух, миледи. Я сам его не слышу, но – как я теперь вспомнил – здесь поблизости есть фонтан.

Несколько мгновений спустя он увидел фонтан и повел ее к нему. Они остановились на его краю, вдруг почувствовав странную неловкость.

Кларисса сделала вид, что вглядывается в зеленое пятно воды перед ней, но ее мысли были заняты только Эйдриа-

ном. Она мучительно ощущала его присутствие и даже сильнее этого ощущала тишину, казалось, повисшую между ними как занавес. Это сильнее всего приводило ее в замешательство. Они, казалось, так хорошо поладили на балу, когда познакомились, но теперь, когда они остались наедине, она не могла произнести ни слова.

Кларисса лихорадочно рылась в своих мыслях, когда он вдруг тихо рассмеялся.

– Что такое? – спросила она, удивленно поднимая голову.

– Ничего, – ответил Эйдриан. – Я просто подумал, что я идиот. Я стою здесь в панике, отчаянно пытаюсь найти хоть какую-нибудь тему для разговора. Но похоже, что я совершенно утратил способность вести беседу. – Прежде чем она успела возразить, Эйдриан добавил: – Рядом с вами, леди Кларисса, я нервничаю как мальчишка.

– Я тоже нервничаю, – тихо призналась Кларисса. – И я не понимаю, как такое может быть. У нас, казалось, не было проблем, когда мы встречались первые два раза.

– Да, не было, – согласился Эйдриан, потом повернул ее от воды и сказал: – К счастью, я не полный идиот и принес кое-что, чтобы развлечь нас. – Он сунул руку в карман и вытащил темный прямоугольник, потом взял ее руку и вложил этот прямоугольник в нее.

– Книга? – удивленно спросила Кларисса.

– Да.

Чувствуя, что он ведет ее прочь от воды, она спросила:

– Куда мы идем?

– Здесь неподалеку есть маленькая беседка. Я подумал, мы могли бы воспользоваться ею, пока я почитаю вам.

– Вы собираетесь читать мне? – с интересом спросила Кларисса.

– Я вспомнил, как вы говорили, что – помимо всего прочего – без очков вы не можете читать. И поэтому я решил почитать вам, – объяснил Эйдриан. – Я знаю, это не то же самое, что читать самой, но надеюсь, что это немного скрасит ваши страдания.

– О, я уверена, так и будет, – быстро сказала Кларисса, тронутая его чуткостью и благодарная, что он нашел для них способ избежать разговоров до тех пор, пока они оба не перестанут нервничать.

– А какую книгу вы принесли? – с интересом спросила она, когда Эйдриан усадил ее на скамейку в прохладной тенистой беседке.

– А, да, я принес «Похищение локона», автор...

– Александр Поуп.

– Да, – подтвердил он, явно удивленный тем, что она знала текст. – Он вам нравится?

Кларисса улыбнулась и кивнула, и Эйдриан громко вздохнул.

– Ну что ж, тогда я начну.

Глава 6

– Дьявол тебя раздери, кузен! Куда вы подевались?

Кларисса удивленно заморгала и огляделась, услышав это раздраженное замечание. Она узнала голос Гр-вилла, как раз когда низкое звучное чтение Эйдриана вдруг оборвалось; потом темно-зеленая фигура Реджиналда появилась перед ними.

– Вот вы где! Господи, я ищу вас вот уже пятнадцать минут. Так я опоздаю вернуть Клариссу. Мы должны были отсутствовать всего час.

– Неужели прошел целый час? – разочарованно спросила Кларисса. Все это время она тихо наслаждалась, слушая, как читает Моубри.

– Ее отпустили всего на час? – с гримасой спросил Эйдриан и закрыл книгу. – Почему такой незначительный срок?

– А сколько, по-твоему, мы должны были отсутствовать? – сухо спросил Реджиналд, когда Эйдриан встал и взял Клариссу за руку, чтобы помочь ей подняться. – Мы просто поехали покататься.

– Да, конечно, – со вздохом произнес Эйдриан.

– Что это тут у вас? – спросил Реджиналд. – Поуп?

– Да. Кларисса скучает по книгам с тех пор, как у нее разбили очки, так что я решил почитать ей, – признался Эйдриан. Он выглядел смущенным.

Гревилл фыркнул, но не сказал ничего, что могло бы обидеть кого-то из них. Вместо этого он направился к выходу из беседки.

– Давайте пойдём. Мой экипаж ждёт, а мне не терпится поскорее добраться до дома и избавиться от этого нелепого сюртука.

Эйдриан взял Клариссу под руку, чтобы пойти за ним.

– Спасибо, – прошептала она, когда они шли за Гревиллом. – У вас красивый голос, и выбор книги был идеальный. Мне очень понравилось, как вы читали.

Эйдриан проигнорировал комплимент.

– Да, хотя я собирался почитать всего чуть-чуть, а потом перейти к разговору. Я думал, у нас больше времени.

Он замолчал, пока вел её вокруг какого-то препятствия – упавшего дерева, подумала Кларисса, – потом продолжил:

– На чей прием вы поедете сегодня вечером?

– К Деверо.

– Тогда я обязательно увижусь там с вами.

– О да... но... – Её вдруг наполнило раздражение. – Вы можете оставить эту идею. Лидия уже заявила, что если вы появитесь ещё на какой-нибудь вечеринке, где мы будем присутствовать, она не оставит меня ни на мгновение. Думаю, она подозревает, что я была с вами в саду у Прадомма. Боюсь, из меня плохая лгунья. Мне очень жаль.

– Не сожалейте и не извиняйтесь. Я что-нибудь придумаю.

Прежде чем Кларисса успела спросить, что он имеет в ви-

ду, он мягко сжал ее руку, а потом поднял ее на сиденье фэтона.

– До вечера, – прошептал он.

– Леди Крамбри. Какое счастье, что вы смогли прийти!

Кларисса заморгала, чтобы избавиться от скуки, затуманившей ее глаза, и посмотрела на голубое и персиковое пятна, появившиеся рядом с Лидией. На ее памяти никто, кроме леди Хейвард и леди Ачард, не говорил, что рад видеть ее мачеху, поэтому для Клариссы было потрясением услышать, что хозяйка дома и еще одна женщина так приветствуют Лидию.

Лидия и сама казалась потрясенной, заметила Кларисса, поскольку она запинаясь, когда попыталась ответить.

– Л-леди Деверо и л-леди Моубри. Добрый вечер. Как мило видеть вас. Мы были очень счастливы прийти, действительно очень счастливы. Не правда ли, Кларисса?

Кларисса согласно пробормотала что-то, но все ее внимание было сосредоточено на голубом пятне, которое, несомненно, было леди Моубри. Она знала, что хозяйка дома сегодня будет в бледно-персиковом, поэтому дама в голубом должна быть матерью Эйдриана.

– А это, наверное, очаровательная Кларисса. – Леди Моубри подошла ближе, и Кларисса предположила, что она широко улыбается. – Я очень много слышала о вас, моя дорогая, – и от моего сына, и от племянника Реджиналда.

– Реджиналд Гревилл ваш племянник? – с интересом спросила Лидия, ловко уклоняясь от разговоров об Эйдриане. Мачеха могла запрещать Клариссе общаться с Моубри, но она была не настолько глупа, чтобы открыто пренебрегать им или его родственниками. Монтфорты имели большое влияние в обществе – по крайней мере Изабел Монтфорт, леди Моубри. Поэтому Лидия предпочла пытаться избегать Эйдриана, чем открыто потребовать, чтобы он держался подальше от Клариссы.

– Да, это он. – Для леди Моубри не осталось незамеченным отсутствие упоминания о ее сыне. По крайней мере Кларисса подозревала, что именно в этом причина появления в ее голосе стальных ноток.

– Ну что же, он, кажется, очаровательный молодой человек, – радостно продолжала Лидия, очевидно, не осознавая своей оплошности. – Он возил Клариссу покататься в парке.

– Я слышала об этом, – веселым голосом сказала леди Моубри. У Клариссы сложилось стойкое впечатление, что леди Моубри знала, что Реджиналд привез ее к ее сыну. И все же следующие слова дамы испугали ее. – В действительности Реджиналд пел ей такие дифирамбы, что моя племянница – его сестра – надеется познакомиться с ней.

– О да, это было бы очаровательно, – затараторила Лидия. – Клариссе нужно приобрести друзей здесь, в Лондоне. Это пошло бы ей на пользу.

Кларисса прикусила губу, совершенно уверенная, что ма-

чеха уже представляет, как поднимется их статус, если они подружатся с сестрой Реджиналда. Мэри Гревилл считалась бриллиантом чистейшей воды. Знакомство с ней возвысило бы кого угодно.

– Хорошо, хорошо, – сказала леди Моубри. – Тогда вы не будете против, если я похищу Клариссу ненадолго, пока вы поможете леди Деверо.

– Похитите ее? – в тревоге переспросила Лидия. Кларисса поморщилась, зная, что мачеха представляет, как она будет спотыкаться, запинаться и наткаться на все подряд и упустит такую прекрасную возможность.

– Да. Мэри сегодня подвернула ногу и вынуждена отдыхать, так что, вы понимаете, она не может прийти к Клариссе – мне придется отвести Клариссу к Мэри. Все будет хорошо, – весело объявила леди Моубри, побуждая Клариссу подняться. – Девочки прекрасно проведут время, пока вы будете помогать леди Деверо.

Очевидно, в первый раз Лидия пропустила это замечание мимо ушей. Теперь она его заметила, и Кларисса услышала неуверенность в ее голосе, когда она произнесла:

– Помогать леди Деверо?

– Да, – заворковала леди Деверо. – Мне говорили, что у вас совершенно потрясающий вкус в...

Кларисса не слышала остального. Леди Моубри настойчиво повела ее прочь от этой пары и поспешила к дверям, ведущим в холл. Она шла молча, потому что не знала, что

сказать. Кларисса не была знакома с леди Моубри и плохо понимала, что происходит. Вырваться из когтей Лидии было трудно и в более спокойные времена. Не то что теперь, когда мачеха поймала ее в саду возвращающейся после прогулки с Эйдрианом. И все же это было сделано так искусно... Наверняка это было спланировано, подумала Кларисса и гадала, зачем это могло потребоваться и куда леди Моубри на самом деле ведет ее.

– Вот и мы, – радостно объявила мать Эйдриана, открывая дверь и вводя ее внутрь.

Кларисса шагнула в комнату и остановилась, вглядываясь в расплывчатые пятна, наполнявшие салон. Потом ее взгляд остановился на бледно-розовой конфете в кресле у камина, и она неуверенно улыбнулась.

– Это Мэри, – возвестила леди Моубри, закрывая дверь.
– Мэри, это леди Кларисса Крамбри.

– Здравствуйте, Кларисса. Я так рада познакомиться с вами.

Кларисса неуверенно улыбнулась, сбита с толку тем, что это действительно оказалось представлением ее сестре Реджиналда. Кашлянув, она пробормотала:

– Мне жаль, что вы повредили ногу.
– О, с моей ногой все в порядке, – весело сказала Мэри. – Я просто сделала вид, что подвернула ее. К утру она чудесным образом вылечится.

Кларисса удивленно смотрела, жалея, что не может видеть

выражений лиц этих двух женщин. Никогда она не осознала, как важно в общении выражение лица, до тех пор, пока не потеряла очки, а вместе с ними и зрение.

Очевидно, ее растерянность была заметна, потому что леди Моубри тихонько хихикнула и подошла к ней.

– Нездоровье Мэри было придумано вскоре после того, как мы выехали на бал, когда Эйдриан попросил меня помочь увести вас от вашей мачехи. Он, кажется, считает, что она будет против его разговоров с вами.

– И вы согласились помочь ему? – с сомнением спросила Кларисса.

– Разумеется, дорогая. Если Эйдриан заинтересовался вами, я более чем рада помогать ему.

– Но... – Кларисса помедлила и потом выпалила: – Миледи, разве никто не рассказывал вам о связанном со мной скандале? – Последовала тишина, и она снова пожалела, что недостаточно хорошо видит, чтобы разглядеть выражения их лиц.

Всего через мгновение леди Моубри взяла Клариссу за руки и сказала серьезно:

– Да, моя дорогая, я слышала все о скандале и вашем коротком браке с капитаном Филдингом. Однако я считаю, что в этом нет никакой вашей вины. И честно говоря, мне было бы все равно, даже если бы была. Вы первая женщина за десять лет, к которой Эйдриан проявил интерес. Мне было бы все равно, даже если бы вы убили архиепископа Кентер-

берийского, – я все равно помогала бы вам.

Кларисса стояла, изумленно щурясь, когда ее вдруг подвели к французскому окну, выходящему на улицу.

– А теперь идемте со мной, дорогая, – сказала леди Моубри. – Мы с Мэри посидим и поболтаем тут, а вы пока поговорите с Эйдрианом. – Она открыла двери и подтолкнула Клариссу наружу.

– Но что, если Лидия... – начала Кларисса, но леди Моубри тут же прервала ее:

– Мы займемся вашей мачехой. Леди Деверо у меня в долгу и сделает все от нее зависящее, чтобы занимать вашу мачеху столько, сколько потребуется. А если у нее не получится, я сама займусь Лидией. Не беспокойтесь. А теперь идите. Если только... может быть, вы не хотите встречаться с Эйдрианом?

– О нет, – быстро сказала Кларисса, услышав беспокойство в голосе леди Моубри. – Хочу.

– Ну тогда идите. – Створки французского окна скрыли смутный силуэт леди Моубри, когда она задвинула их с тихим щелчком.

Кларисса смотрела на размытые пятна занавесей и вери, потом медленно повернулась и остановилась в нерешительности. Она видела не очень хорошо, но ей казалось, что прямо перед ней находится дорожка. Она неуверенно пошла вперед, потом остановилась, когда от темного тумана деревьев отделилась тень и направилась к ней.

– Я рад, что вы захотели прийти, – сказал Эйдриан, и Кларисса расслабилась, узнав его голос. Ей следовало бы догадаться, что он не станет дожидаться, пока она будет блуждать в темноте одна, пытаясь найти его.

Кларисса улыбнулась, когда он взял ее за руку и повел ее по дорожке. Она сказала:

– Вашей матушке удалось избавить меня от Лидии.

– Я вижу. – Она чувствовала, что он улыбается.

– Вообще-то я удивлена, что она это сделала, – призналась

Кларисса. – Но... мой скандал, похоже, совсем не беспокоит ее.

– Ах да, ваш скандал, – пробормотал Эйдриан. – Вы должны рассказать мне об этом.

– Разве вы еще о нем не слышали? – с тревогой спросила Кларисса. – Ваша матушка сказала, что она слышала, и я надеялась, что это означает, что вы тоже знаете о нем.

– Я знаю, что говорят люди, но мне бы хотелось услышать эту историю от вас.

– О! – Кларисса вздохнула. – Что ж, тут в общем-то нечего рассказывать. Я гостила у тети, и вдруг приехал слуга и сказал, что мне нужно вернуться домой. Я уехала из города со слугой, потом мы остановились в гостинице, и там были капитан Филдинг с сестрой. Они сказали, что мой отец в беде и прислал их, чтобы отвезти меня на север, так что нужно опять садиться в карету для еще одного долгого путешествия. Когда мы остановились в следующий раз, капи-

тан Филдинг пошел на встречу с моим отцом, по крайней мере так он сказал, и вернулся со словами, что мой отец хочет, чтобы я немедленно вышла замуж, что ему нужно мое наследство от отца моей матери, чтобы спасти доброе имя семьи. – Она прервалась, чтобы объяснить: – Понимаете, я получу его только когда выйду замуж, а папа, по его словам, был в долгах.

– И капитан Филдинг предложил себя, чтобы помочь вам спасти семью, – сухо сказал Эйдриан.

– Да. Я думала, что он ужасно добр, до тех пор, пока позже не узнала всю правду. – Кларисса скорчила гримаску. – Как бы то ни было, это означало еще один долгий переезд в Гретна-Грин, чтобы пожениться, за которым последовала еще одна поездка. Несмотря на скандал, который это вызвало, на самом деле все было довольно скучно.

– Вы считаете, что похищение и свадьба – это скучно? – удивленно спросил Эйдриан.

Кларисса пожала плечами:

– Ну, это вряд ли было похоже на свадьбу. Мы стояли перед кузнецом и парой других людей, сказали «да», и – бац! – дело сделано.

– А первая брачная ночь? – спросил Эйдриан.

Кларисса нахмурилась. В его голосе было напряжение, которое она не совсем понимала.

– Не было никакой первой брачной ночи, В противном случае мы не смогли бы аннулировать брак.

– Вы хотите сказать, что он даже не пытался?..

– Он подходил ко мне с этим, но мы так много ездили и я была так измотана... – Кларисса пожалала плечами и опустила голову, чтобы спрятать порозовевшие щеки. Она чувствовала смущение и неловкость от таких расспросов. – Он не заставлял меня. Он оставил меня в покое и ушел спать в другую комнату.

Напряжение в его руке, на которую он положил ее руку, вдруг исчезло, и Кларисса с любопытством взглянула на Эйдриана, опять жалея, что не может видеть его лица.

– Я рад, – сказал он и быстро добавил: – Дело не в том, что я бы винил вас или думал о вас хуже, если бы брак был осуществлен. Я просто рад, что этого не произошло.

Кларисса обдумала его слова и вздохнула:

– Все остальные в свете считают, что брак был осуществлен, разве не так?

– Похоже, эта мысль господствует. Хотя ваш отец поступил правильно, забрав вас домой в деревню, чтобы избежать скандала, боюсь, ваше исчезновение позволило злым языкам говорить, что брак все-таки был осуществлен. Некоторые утверждали, что вы остались в деревне, чтобы родить и растить ребенка от этого брака.

Кларисса в ужасе повернулась к нему:

– Они в самом деле так думают?

Ей показалось, что Эйдриан нахмурился, но она не была уверена до тех пор, пока он не сказал мрачно:

– Возможно, мне не следовало говорить вам все это.

– Нет, я рада, что вы сказали. Лучше знать, с чем я имею дело. – Она вздохнула. – Единственная проблема в том, что я не знаю, как бороться с такими сплетнями.

– Боюсь, такого способа нет, – тихо сказал он. – Полагаю, единственное, что тут можно сделать, – это игнорировать их и не тревожиться о том, что думают люди.

– Разве это возможно? – грустно спросила Кларисса.

– Не знаю. А для вас имеет значение, что они думают? Вы так весело рассказывали о нелепых ситуациях, в которые попадали с тех пор, как у вас забрали очки, что я был уверен, что вас не беспокоят такие глупости.

– Чаще всего это действительно так, – призналась она. – Я знаю, что случилось, а что нет. Я знаю, что я за человек. Мне было трудно только когда люди перешептывались обо мне так, что я могла это слышать. – Кларисса криво улыбнулась. – Я бы скорее предпочла, чтобы они говорили эти вещи мне в лицо, потому что тогда я могла бы оправдаться.

Эйдриан сжал ее руку, лежащую на его локте, потом остановил Клариссу.

– Мы пришли.

Кларисса посмотрела вперед и, прищурившись, увидела небольшую поляну, на которую он привел ее. На земле что-то лежало, большой квадрат с разноцветными мазками. Оде-яло, догадалась она, и на нем, похоже, что-то стоит.

– Пикник? – неуверенно предположила Кларисса. Эйдри-

ан усмехнулся и провел ее вперед, чтобы усадить в углу одеяла.

– Да. Я вспомнил, как вы говорили, что ваша мачеха не позволяет вам есть и пить на таких приемах и вы всегда остаетесь голодной. Я подумал, что могу исправить это. У нас тут мясо, сыр, хлеб, фрукты и вино.

Кларисса смотрела на расплывчатые предметы вокруг нее, и слезы наполнили ее глаза, еще сильнее затуманивая зрение. Она сказала, что скучает по книгам, и он нашел возможность почитать ей. Она обмолвилась, что не может ни есть, ни пить в гостях, и он устроил ей пикник.

Невероятно тронутая его чуткостью и заботой, Кларисса решила, что Эйдриан наверняка самый добрый мужчина на свете.

– И... – Он театральным жестом вытащил что-то светлое, и Кларисса сконфуженно заморгала, пока он не сказал: – Ваш нагрудник, миледи. Чтобы предотвратить любые случайности, которые могли бы выдать нас. Вы смело можете представить, что я один из ваших слуг, и надеть его при мне. Помочь вам завязать?

Кларисса изумленно открыла рот, а потом расхохоталась, ее слезы высохли раньше, чем успели пролиться. Эйдриан определенно был самым чудесным из мужчин. Он сумел расшевелить ее и в то же время оставался таким внимательным. Она замерла, позволяя ему завязать на ней нагрудник.

– Это не совсем детский нагрудник, – объявил он, при-

строив его вокруг ее шеи. – Это одно из кухонных полотенец, но это было лучше, что я смог найти за такой короткий срок.

– Спасибо, – пробормотала Кларисса. Эйдриан закончил и снова устроился на своем углу одеяла. – Все это очаровательно. И я ужасно проголодалась.

– Тогда давайте поедим, – весело сказал он и начал предлагать ей еду. Там был холодный жареный цыпленок, сыр, восхитительный свежий хлеб и клубника, виноград и яблоки – на выбор. Они ели, болтали, очень много смеялись, и Кларисса подумала, что, наверное, никогда в своей жизни не была так счастлива.

С едой давно было покончено и Кларисса хохотала над рассказами Эйдриана о проблемах с его сварливым старым дворецким, когда заметила, что он вдруг напрягся и повернул голову куда-то через ее плечо. Ее смех затих, Кларисса обернулась и увидела, что у самого входа на поляну стоит женщина в бледно-розовом. Мэри, поняла она еще до того, как девушка заговорила.

– Тетя послала меня сказать, что Клариссе уже пора возвращаться, – извиняющимся тоном произнесла сестра Реджа.

Эйдриан и Кларисса некоторое время молчали; потом Эйдриан сказал:

– Я немедленно приведу ее назад. Скажи ей спасибо, и тебе тоже спасибо, Мэри, за твою сегодняшнюю помощь.

– Я рада, что вам понравилось. В вашей жизни мало радостей, кузен, – тихо ответила девушка, потом повернулась и снова исчезла в ночи.

Кларисса взглянула на Эйдриана, жалея, что пора расстаться. Никто из них не сказал ни слова, пока он помогал ей подняться и снять нагрудник; потом он взял ее за руку и повел назад по дорожке. Когда они добрались до двери, где он забрал ее, Кларисса повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо.

– Спасибо вам, милорд, – серьезно сказала она. – Я прекрасно провела время. Мне не было так хорошо с тех пор, как... вернее, с нашей последней встречи, – с улыбкой призналась Кларисса. – Я самая счастливая из женщин, потому что у меня есть такой друг, как вы.

Она почувствовала, как Эйдриан напрягся от ее слов, но не понимала почему, пока он не сказал хрипло, с разочарованием в голосе:

– Друг, Кларисса? Вы так воспринимаете меня?

Она почувствовала, что краснеет, и опустила голову, чтобы спрятать лицо, признаваясь:

– Я не хотела делать поспешных выводов...

Эйдриан оборвал ее слова, взяв ее за подбородок, подняв лицо и накрыв ее губы своими.

Кларисса замерла, когда их рты соприкоснулись, его губы скользили по ее губам, мягкие и в то же время упругие, их прикосновение было нежной настойчивой лаской. Ее губы

приоткрылись, и с них сорвался вздох; потом она почувствовала, что что-то вторгается в ее рот.

Кларисса была так испугана, что замерла на мгновение. Когда она поняла, что это язык Эйдриана, она окаменела еще сильнее, ее охватил шок. Потом его язык скользнул в ее рот, и она ощутила сладость вина, смешанную с его собственным вкусом, и она вздохнула снова, ее тело расслабилось, а рот открылся шире, когда он наклонил ее голову набок.

Кларисса побывала замужем, но никогда не целовалась. Она предполагала, что это странно, но так уж получилось. Она никогда не испытывала возбуждение и наслаждение, вдруг обрушившиеся на нее, и ей показалось, что это все немного чересчур. Схватившись за руки Эйдриана, чтобы сохранить равновесие, она на самом деле сначала не целовала его в ответ, а, замерев, принимала его ласки, пока его язык все сильнее возбуждал ее. Неуверенная вначале, Кларисса повела свой язык вперед и ответила, едва не задохнувшись от удивления, когда между ними вдруг словно возникли искры.

Стон сорвался с его губ, когда Эйдриан обнял ее, привлек к себе, а его рот снова и снова атаковал ее рот. Кларисса скользнула руками вокруг его шеи, едва не задушив его в попытке быть к нему как можно ближе. Она почувствовала, как он опустил руку на ее бедро, прижимая вплотную к своему телу до тех пор, пока она не уперлась во что-то твердое, природу чего ее мозг в тот момент не мог понять; потом он

вдруг отпустил ее и отступил на шаг.

Кларисса смотрела невидящими глазами, сознавая только, что тяжело дышит. Ей потребовалось еще несколько мгновений, чтобы осознать, что дыхание Эйдриана такое же прерывистое. Его голос был похож на рык, когда он сказал:

– Вам лучше сейчас уйти.

Он открыл дверь, нежно повернул ее, тщательно сохраняя дистанцию между ними, и подтолкнул ее вперед, пообещав:

– Я скоро вас увижу.

Кларисса слышала, как за ней закрылась дверь, и тихонько вздохнула. Ее губы изогнулись в нежной улыбке. «Я скоро вас увижу». Это самые прекрасные слова, которые она слышала в своей жизни, подумала она, обнимая себя.

– Значит, вы хорошо провели время? – спросил голос.

– Конечно, хорошо. Посмотрите на эту улыбку.

Кларисса вздрогнула и покраснела, узнав голоса леди Моубри, задавшей вопрос, и Мэри, ответившей ей. Она обнаружила, что две женщины приближаются к ней от камина, и вдруг забеспокоилась, не видели ли они поцелуй, который Эйдриан подарил ей, но ни одна из женщин не сказала ничего хоть сколько-нибудь смущающего и не упрекнула ее за легкомысленное поведение. Их голоса звучали приветливо, когда они суетились вокруг нее, поправляя ей волосы и разглаживая складки на платье. Потом леди Моубри повела ее из комнаты обратно на бал.

Они как раз достигли дверей бального зала, когда мать Эйдриана остановилась и повернулась к ней:

– Кларисса, моя дорогая. Я искренне... – Она помедлила, сделала глубокий вдох и тронула Клариссу за руку. – Я никогда не видела моего сына таким счастливым, как за то короткое время, что он знаком с вами. Я хочу поблагодарить вас за это. Что бы ни случилось, спасибо вам.

– Он удивительный человек, – краснея, пробормотала Кларисса.

– Да. Но не все видят это, – грустно сказала леди Моубри. – Некоторые не видят дальше шрама на его лице.

– Как моя мачеха, – тихо сказала Кларисса.

– Она всего лишь одна из многих, – заверила ее леди Моубри, потом вздохнула и добавила: – Теперь нам лучше идти. Ваша мачеха уже наверняка в ярости. – И, взяв ее за руку, леди Моубри вошла в бальный зал и подвела к мачехе.

– Вот ты где! – Лидия вскочила на ноги, когда они подошли к ней, и Кларисса услышала гнев в ее голосе. – Тебя не было целых два часа.

– Это моя вина, – с улыбкой сказала леди Моубри. – Боюсь, девочки так подружились, что у меня не хватило мужества разлучать их.

– Что ж, я рада, – пробормотала Лидия, но Кларисса нахмурилась, поняв, что мачеху это совсем не успокоило. Что-то было не так.

– И так, вы двое обязательно должны приехать ко мне на

чай, и поскорее, – радостно продолжала леди Моубри, недостаточно хорошо знавшая Лидию, чтобы заподозрить неладное. – Я приглашу вас и Мэри, так что девочки смогут встретиться снова.

– Это было бы восхитительно, – ответила Лидия.

Леди Моубри помедлила и потом кивнула:

– Значит, до следующей встречи.

Мать Эйдриана слегка сжала руку Клариссы на прощание и оставила их одних. Когда никто больше не мог их слышать, Лидия схватила Клариссу за руку и потащила куда-то.

– Куда мы идем? – осторожно спросила Кларисса. Мачеха повела ее через зал.

– Домой, – отрезала Лидия.

Кларисса прикусила губу, но молчала все время, пока они выходили из дома Деверо и ждали свою карету. Лидия отложила нападки до той минуты, когда они уселись в экипаж и закрыли дверцу.

– Ты была вся красная, когда вернулась после своего «посещения Мэри». – Голос Лидии был холоден и бесстрастен.

Кларисса настороженно замерла.

– Мы сидели у самого камина. Там было немножко жарко.

– А твои губы, все еще распухшие от поцелуев лорда Моубри за дверьми гостиной?

Кларисса почувствовала, что у нее внутри все заледенело.

– Вы видели?

– Я видела, – подтвердила Лидия полным ярости голо-

сом. – Лорд Прадомм хотел поговорить со мной, и мы пошли ненадолго прогуляться по саду. Мы видели, как вы возвращались, и наблюдали из-за деревьев, как ты позволила Моубри лапать тебя как животное и...

Лидия резко замолчала, как будто ей было противно продолжать. Но Кларисса едва ли обратила на это внимание; она окаменела при упоминании Прадомма и прогулки по саду, отчетливо вспомнив его прогулки в саду с другими женщинами.

– Как ты могла позволить этому негодяю прикоснуться к тебе? – ворчала Лидия. – Такой хороший человек, как лорд Прадомм, готов закрыть глаза на твое скандальное прошлое, а ты предпочитаешь – в очередной раз – покрыть себя позором. На этот раз с Моубри.

– Прадомм? Хороший человек? – удивленно переспросила Кларисса. Потом она поняла, что никогда не рассказывала мачехе о том, что тогда видела в саду.

– Да. Хороший человек, – отрезала Лидия. – Он готов закрыть глаза на скандал, на твою неуклюжесть и даже на поцелуй, которому стал свидетелем.

– Это совсем не доброта с его стороны, – сухо сказала Кларисса. – Полагаю, взамен я должна закрывать глаза на его любовные похождения?

– Что? Что ты такое говоришь? – спросила Лидия, но в ее голосе прозвучало нечто большее, чем просто любопытство. Клариссе послышалась в нем паника, и она ужасно пожалела,

что не может видеть сейчас выражение лица мачехи.

– Я имею в виду леди Хейвард и леди Ачард, – медленно объяснила она. – В вечер, когда вы нашли меня в саду, я видела, как он забавлялся с обеими этими женщинами.

– Что? – воскликнула Лидия. – Что ты такое несешь?

– Я говорю, что едва не натолкнулась на него и леди Ачард в саду, но спряталась в кусты. – Не было необходимости упоминать сейчас Эйдриана. – Я слышала их разговор. Похоже, они только что занимались любовью. Он заявлял о своей вечной преданности, проклинал хорошее здоровье лорда Ачарда, не позволяющее ему объявить всем об их любви; потом их прервала леди Хейвард, сообщившая, что лорд Ачард прибыл на бал. Леди Ачард поспешила назад в зал, а Прадомм продолжил клясться в своей вечной страсти и любви к леди Хейвард, проклиная хорошее здоровье лорда Хейварда точно такими же словами, что и здоровье лорда Ачарда. А после этого он исчез под юбками леди Хейвард.

Ее слова встретила тишина. Хотя Кларисса не могла видеть выражение лица Лидии, она была уверена, что ее мачеха побледнела.

– Ты лжешь, – дрожащим голосом сказала Лидия.

– Нет. Я не лгу, – ответила Кларисса и добавила: – Я была не одна. Я была не единственная, кто видел это.

– Кто еще?

Кларисса колебалась. У нее и так уже были неприятности из-за Моубри, и ей не хотелось упоминать его. С другой сто-

роны, возможно, Лидия перестанет навязывать ей Прадомма, если убедится, что это правда.

– Моубри, – наконец произнесла она. – Вы можете спросить его, если не верите мне.

Кларисса не видела занесенной для пощечины руки, но определенно почувствовала ее. Боль была резкой и внезапной, а ее голова от удара мотнулась в сторону. Она схватилась за щеку и, прищурившись, повернулась к мачехе.

– Мы больше не будем говорить об этом, – сказала Лидия. – Но ты не будешь видеться с Моубри... никогда.

Кларисса сидела напряженно и неподвижно, кипя в душе. За все годы, что Лидия была ее мачехой, она никогда не поднимала руку на Клариссу.

Дверца кареты отворилась. Она даже не заметила, как они приехали домой. Кларисса едва не споткнулась о подол юбки, спеша выбраться из экипажа. Лакей подхватил ее за руку, помогая удержать равновесие. Она пробормотала слова благодарности, высвободила руку и поспешила по дорожке к парадной двери.

Фоулкс, по крайней мере Кларисса решила, что это Фоулкс, открыл дверь, когда она приблизилась. Она вплыла внутрь и поспешила вверх по лестнице, и уже почти достигла покоя и уединения своей комнаты, когда Лидия нагнала ее.

– Кларисса, – прошипела мачеха, больно хватая ее за руку и открывая дверь.

Медленно выдохнув, Кларисса повернулась к мачехе и

молча ждала, боясь разгневать ее еще сильнее.

– Я никогда больше не хочу говорить об этом вечере, – твердо повторила Лидия. – Но я хочу, чтобы ты ясно поняла, что больше не увидишь лорда Моубри. Как ты могла позволить ему прикоснуться к тебе... – Мачеха все еще кипела от ярости, ее дыхание было затрудненным, когда она умолкла и – вне всяких сомнений – зло уставилась на Клариссу. – Твой отец никогда не простит меня, если я позволю этому человеку опозорить тебя. И Прадомм тоже больше никогда не будет приглашен в наш дом. Ухаживать за тобой, в то время как... – Голос изменил ей, и Кларисса убедилась, что Лидия была как-то связана с этим человеком. Если у него и не было романа с ней, он наверняка усиленно старался завязать его. Лидия явно боролась с глубоким разочарованием.

Через мгновение Лидия оставила борьбу, резко повернулась и поспешила к себе. Когда дверь ее комнаты захлопнулась, Кларисса позволила накопившемуся напряжению излиться вместе с глубоким вздохом. Потом она вошла в свою спальню и вздрогнула, когда из-за двери появилась какая-то фигура.

– Простите, миледи, – сказала ее горничная, Джоан. – Я не хотела напугать вас. Я ждала вашего возвращения, чтобы помочь вам раздеться.

– Конечно, ты ждала, – тихо сказала Кларисса и закрыла за собой дверь. Она все еще не привыкла к молчаливости девушки. Ее старая горничная была чуть более откровенна,

видимо, в силу своего возраста.

Джоан принялась за работу, но, пока она помогала ей раздеться, в девушке чувствовалось странное напряжение. Через несколько минут Кларисса не выдержала и спросила:

– В чем дело, Джоан? Я вижу, что ты хочешь что-то сказать, но...

– Простите, миледи, – пробормотала горничная, а потом выпалила: – Ваше платье помято, у вас след на щеке, как будто вам дали пощечину, ваши губы припухли, как будто вы целовались, и я случайно слышала, что леди Крамбри говорила о лорде Моубри. Кажется очевидным, что между вами что-то произошло. Миледи, он... говорят, его сердце такое же уродливое, как его лицо, и что он... – Она умолкла, когда Кларисса обратила на нее суровый взгляд. – Я просто беспокоюсь о вас, миледи. Вы такая милая, и добрая, и хорошая, и – я думаю – немножко наивная. Мне бы не хотелось, чтобы он воспользовался вами.

Кларисса отвернулась, внутри ее кипел гнев. Она не видела от Эйдриана ничего, кроме доброты и заботы. Он слушал то, что она говорила, о чем она скучала и чего хотела, и старался дать ей это. И он ни разу не попытался воспользоваться ею. На мгновение Кларисса подумала, не приказать ли Джоан не лезть в чужие дела, но потом она решила, что Эйдриан заслуживает большего, – он заслуживает, чтобы она встала на его защиту. Кроме того, она хотела, чтобы на ее стороне был хотя бы один человек, даже если это всего лишь

ее горничная.

Усевшись на стул перед туалетным столиком, Кларисса откашлялась и поведала о вечере, когда она в первый раз встретила Эйдриана, потом о втором разе, и так далее, не утаив ни одной детали. Когда она закончила, рассказав все вплоть до разговора между ней и мачехой, который подслушала Джоан, Кларисса замолчала и стала ждать.

– Это звучит прекрасно, – тихим голосом сказала Джоан. – Ничего общего с теми рассказами, которые люди шепчут за его спиной.

– Это он прекрасен, – сказала Кларисса и сморгнула слезы, вдруг собравшиеся в глазах. Смешно, конечно, но она была ужасно благодарна, что горничная считает Эйдриана хорошим человеком. Его семья, конечно, тоже так считала; но это семья. Было приятно, что кто-то еще поддержал ее собственные чувства к лорду Моубри.

– Что ж, – сказала Джоан, заканчивая расчесывать волосы Клариссы, – думаю, вам нужно продолжать встречаться с ним. Если он устроит еще один пикник, насладитесь им.

– Правда? – спросила Кларисса.

– Разумеется, – твердо сказала служанка и добавила: – Миледи, я не видела вас такой счастливой за все время, что я работаю здесь. Ваши глаза светятся, когда вы говорите о нем, и на губах у вас появляется нежная улыбка. Это же очевидно, что если вы еще и не влюблены в него, то очень скоро будете.

Кларисса удивленно заморгала, услышав слова девушки,

и молчала все время, пока та заканчивала готовить ее ко сну. Потом Джоан отвернула одеяло, подождала, когда она уляжется в кровать, пожелала ей доброй ночи и вышла из комнаты. Джоан уже закрыла за собой дверь, а слова горничной все еще звучали в голове Клариссы.

«Миледи, я не видела вас такой счастливой за все время, что я работаю здесь. Ваши глаза светятся, когда вы говорите о нем, и на губах у вас появляется нежная улыбка. Это же очевидно, что если вы еще и не влюблены в него, то очень скоро будете».

Неужели это правда? – гадала она. Неужели она влюбляется в него? Или, может быть, она действительно уже влюбилась в него?

Кларисса не знала. Все, что она знала, – это что ей нравится Эйдриан, что ей скучно и тоскливо, когда его нет рядом, и что она как будто оживает, когда он появляется. Она смеялась с ним и наслаждалась разговорами с ним, а теперь, когда он поцеловал ее... казалось, это было все, о чем она могла думать, – об этом и о следующей встрече, когда она вновь испробует его поцелуи. Все это, похоже, свидетельствовало о том, что она влюбляется в него. А если так... это было самое чудесное чувство в мире. Кларисса не могла дождаться, когда снова увидится с ним.

Она просто не знала, как это может случиться.

Глава 7

– Ваша шаль, миледи.

Кларисса растерянно заморгала, когда Джоан вдруг возникла рядом с ней с шалью в руке.

– Моя шаль?

– Да. Вы сказали, что продрогли, и попросили меня принести вам шаль, – твердо повторила Джоан, наклоняясь и смахивая крошку с юбки Клариссы. – Боюсь, мы плохо отчистили ваше платье после того вечера, когда вы пролили на него пунш на балу у Брудманов. Наверное, вам нужно подняться со мной наверх, чтобы переодеться.

– Что? – Кларисса прищурилась и посмотрела на свою юбку. Не то чтобы она могла что-то разглядеть, но она была уверена, что это не то платье, на которое она пролила пунш. То платье было темно-зеленым.

– Да, да, отведи ее наверх переодеться, Джоан, – с явным раздражением сказала Лидия. – Она не может быть в испачканном платье на моем первом балу. Надеюсь, никто еще ничего не заметил.

– Я уверена, ничего не заметили, – успокаивающе сказала Джоан, твердой рукой поднимая Клариссу на ноги.

– Но... – начала Кларисса, однако Джоан заставила ее замолчать и быстро повела прочь из бального зала. Горничная не дала ей и слова сказать, пока они не оказались в коридо-

ре, и Клариссе было позволено прошептать: – Но это не то платье, которое было на мне, когда я пролила пунш на балу у Брудманов.

– Я знаю, миледи, – согласилась горничная, – но у леди Крамбри плохая память, а мне нужно было вывести вас оттуда.

– Зачем? – удивленно спросила Кларисса.

– Потому что у дверей ждет мальчишка с запиской для вас, и он не отдаст ее никому, кроме вас лично.

– О! – воскликнула Кларисса. – Интересно, что это такое?

– Не знаю, миледи. Но очень удачно получилось, что в тот момент я проходила мимо двери по пути наверх, иначе Фоулкс мог открыть дверь, и тогда ваша мачеха узнала бы все.

Кларисса поморщилась. Фоулкс – человек строгих правил и наверняка проинформировал бы Лидию. Это вполне могло быть послание от Эйдриана, и она никогда бы не узнала, что в нем, потому что Лидия отобрала бы письмо и сожгла его прямо у нее на глазах.

– Думаешь, это от Эйдриана? – с надеждой спросила она Джоан. Кларисса не видела его уже неделю, и ей оставалось только вспоминать, как он обращался с ней на пикнике и потом поцеловал ее. Ей ужасно его не хватало.

– Не знаю, миледи, но если так, вы должны попросить его больше не присылать писем таким способом. Скажите, чтобы в будущем посылал мальчика ко мне. Ни у кого не вызо-

вет удивления, если уличный мальчишка принесет записку мне. Я всегда могу сказать, что это мой младший брат.

– У тебя есть младший брат? – с интересом спросила Кларисса, когда они подходили к парадной двери.

– Нет, – призналась Джоан. – У меня больше нет родственников.

– Мне очень жаль, – пробормотала Кларисса, но они уже подошли к двери, и Джоан просто пожала плечами и открыла ее. На крыльце стоял мальчик лет шести.

– Вот она, – сказала Джоан, показывая на Клариссу. – Ну, теперь давай нам записку.

Мальчик внимательно посмотрел на Клариссу, его глаза казались огромными на грязном личике. Он вытащил что-то из-за пазухи и протянул ей.

– Мне сказали, что я получу монетку за труды.

– О! – Кларисса стояла, не зная, что делать, и обратилась к Джоан: – Мой кошелек наверху, в моей комнате.

– Вот. – Джоан выудила маленький мешочек из складок юбки и дала мальчику деньги. – Теперь убирайся.

– Спасибо, Джоан, – сказала Кларисса, когда горничная закрыла дверь. – Возьми монету из моего кошелька, чтобы возместить это.

– Я бы не осмелилась лезть в ваш кошелек, миледи, – пробормотала Джоан, потом взглянула в холл, где как раз появился Фоулкс и направился к ним.

Забрав записку у Клариссы, горничная спрятала ее, взяв

хозяйку под руку, чтобы вести к лестнице, и громко произнесла:

– Идемте, вам надо переодеться, миледи.

Кларисса дождалась, пока они поднимутся в ее комнату, и только там распечатала письмо и попыталась прочесть его. Разумеется, без очков она не смогла разобрать ни слова, поэтому Джоан взяла записку и прочла вслух:

– Тут говорится: «Ждите меня у фонтана». И подписано «Э.М.».

– Э.М.? Это Эйдриан! – радостно воскликнула Кларисса.

– Вы должны сказать ему с этого момента посылать записки мне, – с беспокойством напомнила ей Джоан. – Если бы Фоулкс получил это письмо и показал его вашей мачехе...

– Да, – согласилась Кларисса, потом удивленно обернулась, когда горничная подтолкнула ее к двери. – Разве я не должна сначала переодеться?

– Потом, – твердо сказала Джоан. – Если я переодену вас сейчас, а он помнет ваше платье, как в прошлый раз, мне придется снова переодевать вас.

– О да, конечно, – сказала Кларисса и тут же покраснела, вспомнив, каким образом ее платье оказалось помятым в прошлый раз. Он может поцеловать ее снова, осознала Кларисса, чувствуя, как ее пальцы на ногах поджимаются от одной этой мысли.

Джоан провела ее вниз по лестнице для слуг, убедившись сперва, что там никого нет, и вывела ее наружу через стек-

лянные двери столовой. Остановившись у двери, горничная повернулась к ней:

– Отсюда вы сможете дойти сами?

– Да, – кивнула Кларисса.

Одним из преимуществ городского дома было то, что она очень хорошо знала его и изнутри, и снаружи. Она была уверена, что сможет дойти до фонтана без чьей-либо помощи.

– Хорошо, тогда я подожду здесь, чтобы тайно провести вас обратно. Так вы двое сможете побыть наедине, – сказала Джоан. В последний момент она добавила: – Будьте осторожны.

– Буду, – заверила ее Кларисса, но она услышата тревогу в голосе Джоан, когда служанка ответила:

– Может быть, мне лучше пойти с вами. Вдруг вы...

– Нет, нет, – быстро сказала Кларисса. – Со мной все будет в порядке. И я постараюсь не спешить.

– Да, не торопитесь. Я не хочу, чтобы вы побежали и поранились, – настаивала Джоан, открывая дверь и подталкивая ее наружу.

Кларисса проскользнула в двери и направилась быстро, но осторожно туда, где, как она знала, была дорожка, ведущая к лужайке с фонтаном. Она достаточно легко нашла тропинку и поспешила по ней, возбужденная перспективой встречи с Эйдрианом. Ей казалось, что прошла вечность. На прошедшей неделе Лидия отменила все их выезды и отказывала абсолютно всем визитерам. Кто бы ни приходил, Фоулкс от-

крывал дверь и объявлял, что леди Крамбри сегодня не принимает. Кларисса не знала, означает ли это наказание или ее намеренно скрывают от Эйдриана, но, в конце концов, результат был тем же: она не видела его целую неделю.

Кларисса удивилась, узнав, что Лидия не пожелала видеть даже леди Хейвард и леди Ачард. Раньше эти трое были неразлучны. Это было лишним подтверждением, что Лидия сама состояла в связи с Прадоммом, как и подозревала Кларисса, и что теперь ей унижительно встречаться с ними.

Впереди у фонтана Кларисса заметила смутный силуэт и пошла быстрее, чтобы поскорее встретиться с Эйдрианом. А потом... бумс. Она не видела ветку, на которую налетела. В ее голове словно что-то взорвалось, Кларисса, шатаясь, сделала несколько шагов вперед и почувствовала, что падает.

Когда она в следующий раз открыла глаза, встревоженный голос снова и снова звал ее по имени. Ей понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что это Эйдриан. Моргая, Кларисса поморщилась, когда боль заявила о себе. Но это была не обычная легкая головная боль, а сильная, пульсирующая, как будто раскалывающая лоб пополам. Кларисса быстро закрыла глаза.

– О, слава Богу, – пробормотал Эйдриан около ее уха, и ей показалось, что он поцеловал ее в лоб.

– Эйдриан? – Она заставила себя снова открыть глаза. Его лицо было в тени, но на этот раз она видела его почти четко.

– Вы в порядке? – спросил он. – Когда я нашел вас в фон-

тане, я думал, вы умерли.

– В фонтане? – растерянно переспросила Кларисса и, нахмурившись, поднесла руку к лицу. С ее руки закапала вода.
– Почему я мокрая?

– Вы были в фонтане, – медленно повторил Эйдриан, как будто специально растягивая слова, чтобы ей было легче понять его. Он поднял ее почти вертикально, не выпуская из своих объятий. – Как вы себя чувствуете? У вас двоится в глазах или что-нибудь еще?

– Кажется, нет. – Она заставила себя сесть и огляделась в окружающей их темноте. Она видела достаточно, чтобы понять, что они находятся прямо рядом с фонтаном. Эйдриан тоже заметно вымок, и она предположила, что это случилось, когда он выуживал ее из воды.

Она повернулась, чтобы взглянуть на фонтан, точно зная, как он выглядит, несмотря на свою слепоту. Фонтан стоял здесь все время, сколько она себя помнила, и в детстве был ее самым любимым местом. Он был огромным у основания, но на самом деле достаточно мелким, не более полутора или двух футов глубиной. Достаточно, чтобы утонуть, подумала она.

– Я была в самом фонтане? – переспросила она.

– Да.

– Что я там делала? – растерянно спросила она.

– Плавали, – ответил Эйдриан. – Я подумал, что вы свалились туда и утонули.

– Свалилась. – Она вспомнила, как торопилась встретиться с ним, наткнулась на ветку и потом упала вперед... Должно быть, она натолкнулась на фонтан, поняла Кларисса и нахмурилась. Потом она подумала, что хорошо, что она все-таки не переделалась в чистое платье.

– Для меня это было самое страшное потрясение в жизни, когда я увидел вас лежащей в воде, – мрачно продолжал Эйдриан. – Что вы делали? Как получилось, что вы оказались там?

– Я шла на встречу с вами, как вы просили, но ударилась головой о ветку. Я помню, как падала вперед, прежде чем потерять сознание, но... – Кларисса вздохнула и покачала головой. – Должно быть, я споткнулась.

– На встречу со мной? – переспросил Эйдриан.

Она нахмурилась, услышав удивление в его голосе.

– Да, я получила ваше письмо. Я...

– Миледи?

Они оба обернулись, чтобы посмотреть на темную фигуру, спешащую к ним по дорожке.

– Извините, что вторгаюсь, но ваша матушка спрашивает о вас. Мы должны идти, миледи. Мне нужно переодеть вас и... – Наступила пауза, потом Джоан спросила в тревоге: – Что вы сделали со своим платьем?

– Все хорошо, Джоан. Боюсь, я немного облилась, – сказала Кларисса. Эйдриан помог ей встать на ноги.

– О! Я знала, что мне нужно было пойти с вами. – Горнич-

ная покачала головой и сердито добавила: – В следующий раз я буду настойчивей. А теперь идемте, нам пора.

– Я должна идти, – извиняющимся тоном сказала Кларисса, когда Джоан потянула ее прочь. – Сожалею, что мы так и не смогли поговорить, милорд. Я пришла сразу же, как только получила вашу записку. Надеюсь, скоро мы сможем встретиться опять.

– Записку? – Эйдриан нахмурился, когда две фигуры исчезли в темноте сада, направляясь к дому.

Он не посылал никакой записки. Но возможно, у Реджиналда не получилось поговорить с Клариссой наедине и он отправил письмо. Эйдриан попросил кузена как можно скорее найти ее и попросить встретиться с ним здесь, у фонтана. Это было единственное место, знакомое Эйдриану, которое он мог предложить для встречи. Он никогда не видел дом Крамбри ни внутри, ни снаружи, но во время их пикника на балу у Деверо Кларисса упоминала о фонтане. Она тогда сказала, что у Деверо такой же фонтан.

Вздохнув, Эйдриан повернулся, чтобы осмотреть сооружение. Ему было понятно, почему фонтан нравился Клариссе; так славно было стоять и слушать убаюкивающее журчание воды. И все же он был совсем не таким славным, когда в нем плавало тело Клариссы.

Эйдриан поежился и потер руками лицо, чтобы избавиться от этого воспоминания. Это было последнее, что он ожи-

дал увидеть после того, как перелез в сад через заднюю калитку. Весь его план был построен на отчаянии. Прошла целая неделя с тех пор, как он видел Клариссу и в первый раз поцеловал ее. В ту ночь он вернулся домой, чувствуя себя на вершине блаженства. Его план сработал великолепно. Пикник получился замечательный. Она была очень довольна. А поцелуй стал чудесным призом. Эйдриан не собирался допускать таких вольностей, но когда она стояла там, в лунном свете, ее глаза сияли счастьем, нежные губы были прекрасны и бархатисты, как лепестки розы, и он не смог совладать с собой. Он хотел вкусить то сияющее счастье, играющее на ее губах.

Но когда он поцеловал ее, Эйдриан понял, какую ошибку совершил. Она была нежной и теплой и таяла в его объятиях, как масло на горячем тосте, и ему захотелось сделать гораздо больше, чем просто поцеловать ее. Вот почему он так быстро оборвал поцелуй. Он покинул дом Деверо одновременно возбужденный и жаждущий снова увидеть ее.

Эйдриан придумал множество планов, как лучше всего увести ее от мачехи на будущих балах, остаться с ней наедине, чтобы почитать ей, или, может быть, потанцевать в саду, или снова устроить пикник, или, может быть, даже поцеловать ее. Он заручился поддержкой своей матери, обоих кузенов и некоторых их друзей, чтобы всесторонне подготовиться. Но все это никак не пригодилось. После того дня Кларисса и ее мачеха никуда не выезжали.

В конце концов Эйдриан даже нанял человека узнать, почему они не ездят на балы, раздобыть любую информацию, которая помогла бы ему встретиться с ней. Однако за прошедшую неделю ни одна из женщин не выходила из дома. Это очень встревожило бы Эйдриана, если бы его человек, подкупивший кого-то из слуг, не узнал, что ни одна из дам не больна. Леди Крамбри просто отменила все приглашения на балы и не принимала никаких посетителей. Даже Реджиналда не впустили, когда Эйдриан уговорил его попытаться вывезти Клариссу на еще одну прогулку в парк.

Эйдриан боялся, что леди Крамбри каким-то образом узнала об их маленьком пикнике, и уверился в этом, когда Прадомм на одном из балов отпустил ему саркастическое замечание. И поэтому, когда Эйдриан услышал о готовящемся бале у ее мачехи, он тут же придумал план, как поговорить с Клариссой.

Хотя он не был приглашен на бал, также как его мать, кузина Мэри и даже Реджиналд, один из друзей Реджиналда приглашение получил, и Реджиналд в тот вечер пошел вместе с ним. Единственной целью его прихода было прислать Клариссу сюда для встречи с Эйдрианом, который должен был перелезть через заднюю калитку, найти фонтан и ждать ее там. Эйдриан вышел из дома рано, намереваясь долго ждать, пока приедет Реджиналд и сможет прислать к нему Клариссу, и поэтому был так потрясен, когда обнаружил ее в фонтане. Он думал, его сердце остановится, когда он уви-

дел, как ее хрупкое тело плавает в неглубокой воде, а платье и волосы вздымаются вокруг нее в лунном свете.

– Эйдриан?

Он замер, услышав шепот, и посмотрел на тропинку, на которой появился спешащий к нему Реджиналд.

– Вот ты где. – Кузен остановился рядом с ним, окинул взглядом место предполагаемого randevu и одобрительно кивнул: – Это прекрасно подойдет.

– Для чего? – в замешательстве спросил Эйдриан.

– Для твоей встречи с Клариссой, – объяснил Реджиналд. Потом он добавил: – Кстати, о встрече, я еще не видел ее и не просил ее прийти сюда. Ее горничная, кажется, повела ее переодеться и пока не вернулась. Я пришел только чтобы сказать, чтобы ты не беспокоился. Уверен, она скоро вернется на бал, и я попрошу показать мне сад и приведу ее к тебе. Но ничего не бойся: я не останусь с тобой, – успокаивающе продолжал он. – Я уйду сразу же, как приведу ее, и буду ждать у дома, чтобы вернуть ее обратно, когда вы двое закончите.

Эйдриан смотрел на Реджиналда, ничего не понимая.

– Так, значит, ты еще не передал ей сообщение?

– Ну да. Как я сказал, сейчас она в своей комнате наверху и поднялась туда еще до того, как я приехал.

– Но она сказала, что получила мою записку. – Эйдриан нахмурился. – Я подумал, что тебе, возможно, было трудно поговорить с ней наедине и ты вместо этого передал ей записку.

– Нет. – Реджиналд помрачнел. – Ты хочешь сказать, она была здесь? Ты уже видел ее?

– Да, – задумчиво пробормотал Эйдриан. – Она была здесь, когда я пришел, плавала без сознания в фонтане. Видимо, она наткнулась на ветку и упала прямо туда.

Эйдриан вдруг бросился осматривать фонтан, потом дорожку. Реджиналд раздраженно фыркнул.

– Леди Крамбри идиотка. Девушка может погибнуть в результате какого-нибудь несчастного случая, и все из-за ее дурацкого запрета носить очки.

– Я начинаю сомневаться, были ли это на самом деле несчастные случаи, – сказал Эйдриан.

Реджиналд заморгал.

– Что?

– Понимаешь, я не посылал ей записку. И если ты не передавал ей сообщение, Реджиналд, то кто это сделал?

Кузен нахмурился.

– Ты не посылал ей записку? – повторил он.

– Нет. С чего бы? Ты должен был поговорить с ней вместо меня. Кроме того, я знаю, что она ничего не видит без очков. Она не смогла бы прочитать записку. Я никогда не стал бы ей писать.

– Горничная могла прочитать ей письмо, – заметил Реджиналд.

– Да, но дело не в этом. Дело в том, что я не посылал его.

– Верно. О... ну и дела! – До Реджиналда наконец дошло.

– Если ты не посылал, то кто?

– Я не знаю. – Эйдриан нахмурился и пошел к дорожке, чтобы взглянуть на ветки над головой. Ни одна из них не была достаточно низкой, чтобы Кларисса могла удариться об нее лбом. Только не с дорожки. Он предположил, что она могла немного отклониться в сторону, но это было бы заметно. Наверняка остались бы следы, если бы она в своей длинной юбке пробиралась сквозь густую траву, обрамляющую тропинку.

Эйдриан обернулся и снова взглянул на фонтан, вспоминая рану на ее лбу. Как могла Кларисса, споткнувшись на краю дорожки, дойти до фонтана, чтобы упасть в него? Даже если она была оглушена и все еще держалась на ногах...

– Что ты делаешь? – спросил Реджиналд, подходя к нему.

– Кларисса сказала, что ударилась лбом о ветку и упала в фонтан.

Реджиналд огляделся и покачал головой, подтверждая мысли Эйдриана:

– Это невозможно. Здесь нет веток, о которые она могла бы удариться.

– Знаю, – мрачно сказал Эйдриан. – Но кто-то передал ей записку с просьбой прийти сюда, а потом она каким-то образом оказалась в фонтане с разбитой головой. Если бы я не пришел, Кларисса погибла бы. Честно говоря, я стал бояться за ее жизнь еще когда в первый раз увидел ее.

Реджиналд молчал, внимательно изучая фонтан и бли-

жайшие деревья.

– Ты думаешь, кто-то заманил ее сюда... чтобы навредить ей?

– Я не знаю, – признался Эйдриан. Его кузен нахмурился и потом сказал:

– А кто еще знает о вас двоих? Я не единственный?

– Трудно сказать. Моя мать и Мэри знают, конечно, но они не могут стоять за этим. – Эйдриан помрачнел. – Но Прадомм тоже может знать.

– Прадомм? – удивленно переспросил Реджиналд.

Эйдриан кивнул:

– Думаю, он мог заметить нас в саду в тот вечер, когда мама устроила так, что мы смогли пойти на пикник. Я не видел его и могу ошибаться, но позавчера он отпустил ехидное замечание о «поцелуях с Клариссой в лунном свете».

– М-м... – Реджиналд нахмурился. – А что насчет ее горничной?

– Чьей горничной? Клариссы? – Эйдриан сдвинул брови и кивнул: – Полагаю, Джоан может знать. Это она увела Клариссу назад в дом, потому что мачеха искала ее. Она не была удивлена, увидев меня здесь. – Он покачал головой и добавил: – Но она знает, что Кларисса не может читать без очков.

– Гм-м.... – Реджиналд вдруг нахмурился и сказал: – А как вообще Кларисса прочитала записку?

– Я не знаю, – признался Эйдриан.

Некоторое время они оба молчали, потом Реджиналд ска-

зал:

– Что заставляет тебя думать, что это был не просто несчастный случай, как и все остальные ее несчастные случаи?

– Потому что я не посылал ей никакого сообщения, – напомнил ему Эйдриан.

– Да, но... – Его кузен нахмурился и предположил: – Письмо могло быть чьей-то шуткой, а остальное – просто несчастный случай.

– Здесь нет ветки, на которую она могла наткнуться, – заметил Эйдриан. Потом он добавил: – И теперь я начинаю думать и обо всех других «несчастных случаях» тоже. Их было ужасно много – она падала с лестницы, оказывалась прямо перед лошадью и экипажем...

– О нет, Эйдриан! Боюсь, тут ты потеряешь мою поддержку. Без очков Кларисса слепа, как летучая мышь. Она поставила свою чашку мне на колени, думая, что это стол, – напомнил Редж. – Она подожгла парик Прадомма. Падение с лестницы и то, что она вышла прямо перед той каретой, – все это вряд ли удивительно.

– Возможно и так, – согласился Эйдриан, но добавил: – Мне нужно поговорить с ней.

– Теперь, наверное, уже не получится привести ее сюда. Становится поздно. Кроме того, ее мачеха отправилась искать Клариссу, когда я остановился поговорить с ней и спросил, где находится девушка. Она переодевалась. Мне показа-

лось, что она не готова надолго выпускать Клариссу из своего поля зрения. Возможно, сегодня нам стоит оставить эту затею и и придумать новый план.

Эйдриан буркнул что-то, что могло означать согласие, но его взгляд был направлен на окно на втором этаже.

Несколько минут назад комнату наполнил свет свечи, и теперь он видел силуэты двух женщин. Когда более высокая начала раздевать ту, что пониже, он понял, что это, должно быть, Кларисса и ее горничная.

– Ты слышишь меня, Эйдриан?

Он неохотно посмотрел в сторону и увидел мрачного Реджиналда.

– Что?

– Я сказал, что вернусь на бал, попрощаюсь и поеду домой.

– Очень хорошо, – пробормотал Эйдриан, его взгляд снова вернулся к окну. Он смутно сознавал, что кузен сказал что-то и ушел, но был полностью сконцентрирован на сцене, происходящей в спальне.

Он продолжал наблюдать до тех пор, пока женщины не исчезли, забрав с собой свечу; тогда Эйдриан понял, что нужно делать. Он должен забраться через окно в комнату Клариссы и дожидаться ее возвращения. Тогда он сможет спросить ее о сегодняшнем вечере и о других происшествиях, о которых она ему рассказывала. Он был уверен, что после этого сможет понять, есть ли у него причины для беспокойства.

Удовлетворенный своим планом, Эйдриан направился к дому, чтобы осмотреть деревья под ее окном. Было похоже, что по ним будет легко забраться наверх.

– Бал закончился раньше, чем ожидалось.

Кларисса слабо улыбнулась на замечание Джоан и устало пожала плечами:

– Да. Лидия будет недовольна. Я удрала как раз когда ушли последние гости, чтобы избежать ее гнева.

Удачным балом считался тот, что продолжался почти до рассвета. По этим меркам бал Лидии не был успешным. Мачеха будет в ярости. Эта женщина была вспыльчива и в лучшие времена; теперь же с ней просто невозможно будет жить. Кларисса бормотала это себе под нос, пока Джоан расстегивала ее платье.

– Как ваша голова? – спросила горничная, начиная снимать платье.

Кларисса поморщилась – она и без этого помнила о своей разбитой голове. К счастью, ветка ударила ее высоко и в основном сбоку, так что след от удара был под волосами почти не заметен, но ей не нужно было видеть его, чтобы знать, что он есть. Ее голова болела почти весь вечер. Однако она сказала только:

– К утру все пройдет, я уверена.

– Болит? – участливо спросила Джоан. – Не хотите открыть окно?

– Нет, нет. Спасибо, Джоан, со мной все будет хорошо.

Горничная помедлила, потом кивнула и повесила ее платье на кресло около гардероба, чтобы утром почистить его.

– Я вот что вспомнила, вы сказали лорду Моубри в будущем передавать все записки мне?

– Нет. У нас вообще-то не было возможности поговорить. Я даже не смогла спросить его, зачем он хотел видеть меня, – призналась Кларисса и услышала неодобрительное восклицание Джоан, как будто она упустила хороший шанс. Но ведь не было никакого шанса, чтобы упустить его! Горничная увела ее назад в дом переодеться в сухое платье прежде, чем они успели о чем-либо поговорить. Вот если бы у них с Эйдрианом была хотя бы минутка, Кларисса спросила бы его, зачем он захотел встретиться с ней. И все же, поскольку Лидия направлялась вверх узнать, почему они так долго отсутствуют, как раз когда они стали спускаться вниз, Кларисса подумала, что решение ее горничной было правильным.

– Вот, – сказала она, набрасывая на голову Клариссы ночную рубашку. – Я принесу вам теплого какао, чтобы лучше спалось.

– Спасибо, Джоан. Правда, спасибо за все, – серьезно добавила она.

– Пожалуйста, миледи, – тихо сказала горничная, направляясь к двери. – Сладких снов.

Кларисса слышала, как захлопнулась за ней дверь. Джоан оставила свечу на ночном столике, так что ей оставалось

только задуть ее. Она так и сделала, осторожно, чтобы не оказаться слишком близко к пламени, и легла. Ее голова болела, и она ужасно устала – слишком устала даже для того, чтобы пить какао, как бы чудесно оно ни пахло.

Потом Кларисса лежала, гадая, почему Эйдриан захотел увидеть ее, и жалея, что им не удалось толком поговорить. Жизнь всегда казалась интереснее, когда он был рядом. Погружаясь в сон, она улыбалась.

Глава 8

Клариссе снился сон об Эйдриане. Он повез ее на озеро в маленькой лодке и, читая ей наизусть стихи, греб по неподвижным водам. В отличие от стихов, которые читал Прадомм, это была прекрасная, щемящая сердце поэма о бесконечной страсти и вечной любви. Но он вдруг остановился, склонил голову набок и сказал:

– Кларисса? Где вы, черт возьми? О! Проклятие! Кларисса?

Нахмурившись, она поморгала и вдруг проснулась. Но сон не закончился: голос Эйдриана преследовал ее.

– Кларисса? Скажите что-нибудь. Я ни черта не вижу.

– Эйдриан? – сонно пробормотала она.

– Кларисса? – Его голос был шепотом в темноте, исходящим откуда-то от изножья кровати.

Совсем проснувшись, но все еще растерянная, Кларисса встряхнула головой. Должно быть, она все еще спит, подумала она. Сейчас глубокая ночь. Он не мог на самом деле быть в ее спальне. Или мог?

– Ой!

Боже мой, как?.. Сев в кровати, Кларисса недоверчиво уставилась в темноту.

– Эйдриан?

– Да. Где вы? Я ничего не вижу. Продолжайте говорить.

Я пойду на ваш го... Ой! Проклятие! Почему тут мебель посреди комнаты?

Кровать содрогнулась, когда он врезался в нее, и Кларисса, прищурившись в темноту, спросила удивленным шепотом:

– Что вы здесь делаете?

– Мне нужно поговорить с вами, а поскольку мы, видимо, не можем встречаться нормальным способом, я... Что это? – удивленно спросил он.

– Моя нога под одеялом, – сухо ответила она, пошевелив пальцами; потом она протянула к нему руку. Кларисса привыкла быть слепой, но обычно она хотя бы видела цветные пятна. Теперь было хуже. Она дотронулась до того, что, по ее мнению, должно было быть его грудью. По крайней мере она надеялась, что это его грудь. Его рука накрыла ее руку, и Эйдриан позволил ей потянуть себя вперед, ведя его в обход к изголовью кровати.

– У вас есть свеча? Здесь темно, как ночью.

Кларисса прикрыла рот ладонью, чтобы заглушить смех, и заметила:

– Но ведь сейчас и есть ночь.

– Ну да, но...

– Если я зажгу свечу, ее могут увидеть и она привлечет внимание. Просто сядьте и скажите мне, что же такое стряслось, что вам пришлось лезть через окно, – сказала она и добавила: – Полагаю, так вы попали сюда?

– Да, – выдохнул Эйдриан, и кровать прогнулась под его весом. Кларисса тут же подвинулась, чтобы освободить ему больше места, и он продолжил, прочистив горло, прежде чем сказать: – Простите. По-моему, я сам еще не совсем проснулся.

– Проснулся? – удивленно переспросила Кларисса. Он же должен был бодрствовать. Иначе как бы он смог подняться в ее комнату?

– Я заснул на дереве, пока ждал, когда бал закончится и вы ляжете спать, – признался он.

Кларисса озабоченно нахмурилась:

– Вы же могли упасть и разбиться!

– Да, но... Я не собирался спать, когда залезал на дерево, – заметил Эйдриан.

– Нет, конечно, нет, – поняла она.

Он снова откашлялся, очевидно, осознавая происходящее, и сказал:

– Все это довольно неприлично.

Кларисса с иронией заметила:

– Большая часть того, что мы делаем, кажется таковой.

– Полагаю, да. – Эйдриан улыбнулся. Но когда он снова заговорил, его слова стали более серьезны. – Я хотел спросить вас о послании, которое, как вы сказали, было от меня.

– Да, конечно. Мне жаль, что нам не удалось поговорить. Что было таким важным?

– Я не посылал ту записку.

– Не посылали? – беспомощно переспросила Кларисса.

– Нет.

– Но она была подписана «Э.М.».

– Но я не посылал ее, – твердо сказал он. – И, кстати, на будущее, я никогда не подписываюсь «Э.М.».

Кларисса быстро размышляла. Ей хотелось спросить, уверен ли он, но она решила, что это глупый вопрос. Он определенно знал, посылал ей письмо или нет. В конце концов она спросила:

– А кто посылал? И зачем?

– Именно этот вопрос и волнует меня, Кларисса. – И он с тревогой признался: – Это заставляет меня думать, был ли этот несчастный случай действительно несчастным случаем. Это также заставляет меня задуматься и об остальных произошедших с вами несчастьях. Расскажите о том, как вы упали с лестницы.

Кларисса почувствовала, как ее брови удивленно ползут вверх.

– Там не было ничего странного. Предполагалось, что я всегда буду ходить в сопровождении слуги, но в то утро я была слишком нетерпелива, – призналась она. – К тому же я чувствовала себя глупо из-за того, что мне нужно сопровождение, поэтому стала спускаться на первый этаж сама. Все было хорошо, пока я не дошла до лестницы, но там на самом верху я споткнулась обо что-то и свалилась вниз.

– А обо что вы споткнулись?

Кларисса удивленно заморгала.

– Не знаю. Я вывихнула лодыжку и немного поранилась. Джоан с Фоулксом устроили суматоху вокруг меня. Я не подумала о том, чтобы отправить их посмотреть, обо что я споткнулась.

– Гм... И никто не говорил, что на лестнице что-то лежало?

Кларисса покачала головой, потом поняла, что он ее не видит, и сказала:

– Нет.

Эйдриан задумался, потом спросил:

– А что насчет того раза, когда вы чуть не попали под экипаж?

– О... – Кларисса вздохнула, вспомнив это, и торопливо объяснила: – Мне было скучно до слез, и вдруг я услышала, как кухарка сказала, что собирается на рынок. Я хотела выбрать какие-нибудь фрукты, поэтому пошла с ней. Она держала меня за руку, когда мы шли туда. Мы остановились у зеленщика на краю рынка, и она отпустила меня, чтобы купить овощи. Она отпустила мою руку всего на минутку, но этого оказалось достаточно. Мгновение спустя кто-то толкнул меня. Я не ожидала этого и от испуга потеряла равновесие. Моя нога поскользнулась на булыжнике, и я упала вперед на колени; потом я услышала страшный шум, подняла голову и увидела нависшее надо мной огромное темное пятно. Карета ехала, но кучеру удалось остановиться прямо пе-

редо мной, а лошади, очевидно, встали на дыбы. – С серьезным видом Кларисса добавила: – Мне действительно очень повезло. Думаю, мне все время везет.

– А кто вас толкнул? – спросил Эйдриан.

Она покачала головой:

– Я не знаю. Кухарка подбежала и спросила, в порядке ли я, а потом начала кричать на кучера, потому что он кричал на меня, а потом она потащила меня домой, чтобы Джоан передела меня и обработала мои царапины, и вернулась на рынок одна. – Она нахмурилась. – В итоге я осталась без фруктов.

– Гм-м... – Он помолчал. – Кларисса, сегодня вечером вы действительно видели письмо, которое я якобы прислал вам?

Она была уверена, что он наклонился над кроватью. Кларисса чувствовала его дыхание на своем ухе, и это заставило ее трепетать. Кашлянув, она ответила:

– Конечно, я видела его. Мальчик настаивал, что должен отдать его только мне в руки. Джоан пришлось привести меня с бала, чтобы забрать письмо.

– Вы читали его? – спросил он.

– Нет, – призналась Кларисса, начиная хмуриться. – Я не могла прочитать его. Джоан пришлось прочитать его мне.

Эйдриан обдумал это, потом спросил:

– У вас сохранилась записка, которую якобы принес мальчик?

– Якобы? – переспросила Кларисса. – Вы продолжаете по-

вторять это, но я видела записку, Эйдриан. Она существует.

– Да, но вы не могли прочитать ее.

– Джоан прочитала. – Когда он ничего не сказал, Кларисса помрачнела. – Боже мой, о чем вы думаете?

– Я не знаю, – признался Эйдриан со вздохом. – Фоулкс и Джоан были рядом и первыми прибежали, когда вы упали, а кухарка была с вами на рынке. И все же никто, похоже, не удосужился узнать, обо что вы споткнулись или кто вытолкнул вас на улицу.

– Наткнулся на меня. Меня не выталкивали, – поправила Кларисса. – И оба раза все были слишком заняты мною, слишком волновались, не пострадали я, чтобы интересоваться этими вещами. Я тоже не подумала о них. И, Боже мой, я уверена, слуги ненавидят меня за все те происшествия, которым я была причиной, и за все разы, когда я нечаянно наступала им на ноги или случайно ударяла их чем-нибудь, но вы же всерьез не думаете, что все слуги моего отца желают мне смерти?

– Нет. Конечно, нет, – быстро сказал Эйдриан и вздохнул.

– Вы не могли бы все же зажечь свечу и найти письмо?

Кларисса медлила, короткий смешок сорвался с ее губ.

– Как будто бы свет может мне помочь.

Покачав головой, она выскользнула из постели и направилась к туалетному столику. Кларисса вытянула руки перед собой, прежде чем осторожно двинуться вперед, но все же стол она нашла, только споткнувшись о его ножку. Помор-

щившись, она сдержала готовое сорваться с губ проклятие, такое же, какое недавно использовал Эйдриан, и опустила руки, чтобы ощупать столешницу. Она смутно помнила, что Джоан положила письмо на туалетный столик сразу же, как они вошли в комнату. Оно должно быть где-то здесь «А, вот оно!» – подумала Кларисса, когда ее пальцы коснулись бумаги. Схватив его, она снова повернулась к кровати.

Вдруг в комнате вспыхнул свет. Кларисса замерла на полпути к кровати и заморгала. Очевидно, Эйдриан нашел свечу на прикроватном столике. Пока она стояла, привыкая к свету, Эйдриан отвернулся от стола и подошел к ней. Кларисса протянула ему письмо и ждала, пока он прочтает его.

– Итак? – наконец спросила она, когда прошло достаточно много времени, чтобы прочитать письмо.

– Тут написано именно то, что вы сказали, но это не мой почерк, – объяснил он. Потом он пробормотал: – Конечно, не мой. Я знал, что не посылал его.

– Но тогда кто посылал? – спросила она. – Единственные, кто знал о нас, – это ваш кузен и моя горничная... и Прадомм.

– Прадомм действительно знает? Вы уверены в этом? – резко спросил Эйдриан.

– Да. Он гулял в саду с Лидией в тот вечер, когда вы устроили мне пикник. Они видели, как мы целовались у дверей гостиной, – призналась Кларисса. – Так что Лидия тоже знает.

– Я подозревал, что Прадомм знает, – пробормотал Эй-

дриан, поднимая голову. Кларисса знала, что он смотрит на нее. Она вдруг с ужасом осознала, что стоит перед ним в одной ночной рубашке. Кларисса практически чувствовала, как его взгляд скользит по ней, и по спине у нее пробежал холодок. Она вдруг почувствовала непреодолимое желание скрестить руки на груди, но устояла.

Тишина затянулась надолго; потом Эйдриан заговорил, его голос был хриплым, когда он объявил:

– Кларисса, я сейчас вас поцелую.

Она вздохнула, возбуждение нахлынуло на нее и тут же исчезло, когда он взял свои слова обратно.

– Нет, не поцелую.

– Не поцелуете? – переспросила Кларисса.

Разочарование заняло место захлестнувшего ее предвкушения.

– Это все ужасно неправильно. – Голос Эйдриана звучал расстроено.

– Но мне бы хотелось, чтобы вы поцеловали меня, – сдвигнув брови, призналась Кларисса.

– О, пожалуйста, не говорите этого! – Эйдриан почти стонал. – Я пытаюсь быть джентльменом.

– Разве джентльмены не целуют дам? – спросила она с легкой улыбкой и напредила ему: – Вы поцеловали меня на балу у Прадомма.

– Да, но это было другое, – заверил он ее.

– Почему?

– Вы не были полуодеты, и мы находились не в вашей спальне.

– Я могу одеться.

Тихий смех сорвался с его губ, и Эйдриан вдруг наклонился вперед. Кларисса замерла, ее сердце на мгновение остановилось; потом она растаяла в его объятиях, когда его губы накрыли ее рот.

Похоже, ее ответная пылкость была вызвана не глотком вина, что она тогда выпила на балу у Прадомма. Она чувствовала такой же бурный восторг и сейчас, а ведь сегодня она не выпила ни капли.

Тело Клариссы как будто само знало, что делать, и прильнуло к Эйдриану. Ее руки скользнули по его шее, чтобы прижать его ближе, а потом его язык устроил вторжение, как это было в прошлый раз. На этот раз она не удивилась и не испугалась. Вместо того чтобы окаменеть, она почувствовала, что у нее слабеют колени, и упала бы, если бы не его руки, крепко обнимающие ее.

Кларисса вздохнула, не отрывая губ, и застонала от наслаждения. И в следующее мгновение у нее перехватило дыхание от неожиданности, когда Эйдриан подхватил ее на руки и посадил на край кровати.

– Я не должен делать это, – пробормотал он в ее щеку, прервав поцелуй и блуждая губами по ее шее и уху.

– Да, мы не должны, – согласилась Кларисса, ее руки скользили по его плечам и груди, и она наклонила голову на-

бок, чтобы ему было удобнее.

– Я не проявляю к вам должного уважения. – Он выдохнул эти слова с сожалением, и Кларисса содрогнулась, когда по ее телу побежали мурашки. В это мгновение уважение казалось совершенно излишним. Несомненно, если это было неуважением, ей, похоже, оно нравилось. Возможно, она все-таки не была истинной леди. – Прикажите мне остановиться, – пробормотал Эйдриан, покрывая поцелуями ее горло.

Кларисса открыла рот и едва не задохнулась, когда его рука накрыла ее грудь.

– О-о, – выдохнула она, выгибаясь от его прикосновения. – Может быть... может быть... О-о. – Она вздохнула, когда он стал ласкать нежную плоть сквозь ткань рубашки, и ее тело захлестнули волны неизведанных ощущений. Все ее мышцы пульсировали от возбуждения, а внизу живота собирался жар. Это было ошеломляюще.

– Может быть что? – спросил Эйдриан, слегка запыхавшись.

– Может быть, вам следует еще раз поцеловать меня, – выдохнула Кларисса – хотя она была уверена, что это было совсем не то, что она собиралась сказать.

С губ Эйдриана сорвалось рычание, а потом они накрыли ее губы, и Кларисса, не в силах удержаться, запустила руки в его волосы, в то время как ее рот открылся, чтобы принять его. Ее тело вдруг странно ожило, она никогда в жизни не испытывала такого. Все его части, о существовании которых

она едва ли имела представление или считала их недостойными внимания, вдруг заявили о своем присутствии, когда она поцеловала его в ответ.

Будучи неопытной, Кларисса в глубине души боялась, что не совсем понимает, что происходит, и делает что-то плохо или неправильно; но страх исчез, когда Эйдриан издал гор-танный звук, и его поцелуй стал еще более жарким, более требовательным. Должно быть, она делает все правильно – или по крайней мере сносно, – если вызывает такую реакцию, смутно решила она, потом почувствовала спиной матрас и поняла, что он положил ее на кровать.

– Совсем чуть-чуть, – задыхаясь, сказал Эйдриан, снова отрываясь от нее.

– Да, – выдохнула Кларисса, не понимая до конца, на что соглашается. Хотя на самом деле ей было все равно, только бы эти ощущения не прекращались.

– Совсем чуть-чуть поцелуев и ласк, и тогда я остановлюсь – обещаю, – сказал Эйдриан, и Кларисса поняла, что он имел в виду, и подумала, что это прекрасная идея. За исключением обещания остановиться. Кларисса не хотела, чтобы это когда-нибудь кончалось. Она никогда не чувствовала себя так чудесно.

Но только до того момента, когда его губы сменили его руку, и Кларисса поняла, что он каким-то образом расстегнул несколько пуговиц ее ночной рубашки и стянул ее с плеча, чтобы обнажить грудь. Его теплые губы сомкнулись на ее

соске, и Кларисса едва не взлетела над кроватью, потрясенная шокирующей волной, прокатившейся по ее телу.

– О! – выдохнула она, ее ноги беспокойно задвигались, а руки ласкали его голову и плечи. Потом она схватилась за его жилет и потянула. Ее затуманенному наслаждением мозгу понадобилась минута, чтобы понять, что так ничего не получится, и тогда она приподняла жилет вверх, чтобы потом стянуть с плеч и опустить как можно ниже по рукам. К счастью, ее действия стеснили его движения настолько, что он взял на себя ее задачу и сам снял сюртук.

Кларисса заскользила руками по мягкой ткани его рубашки, сжимая ее в пальцах и дергая наверх, сгорая от желания дотронуться до его обнаженной плоти.

Эйдриан оторвался от нее и сказал:

– Нет, – но слово прозвучало не слишком твердо. Оно было больше похоже на мольбу. А когда он подвинулся вверх, чтобы поцеловать ее, Кларисса проигнорировала его «нет» и вытащила его рубашку из брюк, скользнув под нее руками, чтобы исследовать кожу на его спине.

Эйдриан застонал, не отрывая от нее губ, его пальцы запутались в ее волосах, поцелуй становился все более неистовым, его язык требовательно вторгся, в то время как его тело стремилось к ней, прижимая что-то твердое к мучительному желанию между ее ног. Кларисса дрожала в его объятиях, ее ногти вонзались в его плоть, когда она отталкивалась, ее ноги раздвигались словно по своей воле.

– О Господи, Кларисса... – прошептал Эйдриан, прерываясь, чтобы покрыть легкими поцелуями ее глаза, нос, щеку – все, до чего мог дотянуться. – Мы должны остановиться.

– О, Эйдриан... – произнесла Кларисса, потом замерла и вскрикнула, когда его рука скользнула между ее ног и прижала ее платье к месту, которое теперь умирало от желания. Ее внимание разрывалось между давлением его руки между ее ног и поцелуями, которыми он осыпал ее шею и плечо. Она изо всех сил тянула его рубашку, задирая ее вверх на груди, и знала, что стесняет его движения, но она хотела ее снять. Она хотела чувствовать его.

– Прикажете мне остановиться, – умолял Эйдриан, прерываясь, чтобы сорвать с себя рубашку, прежде чем наклониться и снова лизать, прикусывать и сосать ее грудь.

– О! – задыхаясь, простонала Кларисса, впиваясь ногтями в его тело. Ее бедра выгнулись, а ноги раздвинулись, когда он начал массировать. – О, пожалуйста, не останавливайтесь!

Эйдриан усмехнулся в ее грудь, и ее тело завибрировало от пульсации. Потом он подвинулся и поцеловал ее в губы.

Он убрал руку, и Кларисса протестующе застонала, но успокоилась, когда он схватил ее рубашку и задрал вверх, чтобы запустить руку под подол. Ее ноги трепетали от радостного ожидания, когда его рука скользила вверх по ее бедру. Потом они инстинктивно сомкнулись вокруг него, когда он еще раз достиг центра, но на этот раз никакая ткань не препятствовала ему.

У Клариссы снова перехватило дыхание, ее тело сначала сопротивлялось, а потом задрожало от нарастающего напряжения и желания. Его пальцы блуждали по влажной нежной плоти.

– Только это. Я не буду заниматься с вами любовью, обещаю, – пробормотал Эйдриан, целуя уголок ее губ. – Но я должен прикасаться к вам и наслаждаться вами.

– Да, только прикасаться, – согласилась Кларисса, готовая позволить все, что угодно, только бы он не останавливался. Ее руки скользили по его коже, голова вжалась в кровать, когда его рот снова спустился вниз, чтобы найти ее грудь. Однако там он задержался всего на мгновение, после чего подвинулся и опустился ниже.

Блаженство Клариссы внезапно улетучилось, и она словно одеревенела, когда он вдруг встал на колени между ее ног и его губы заняли место его руки. Шок и ужас были ее первой реакцией, и она схватила его за голову, пытаясь оттолкнуть.

– Я не... Вы не должны... Что... Эйдриан! – неуверенно бормотала она, ее протесты постепенно затихали, пока его язык, зубы и рот двигались по ней. Ее тело начало отвечать, вопреки запретам разума.

Отпустив его голову, Кларисса схватилась за кровать, отчаянно сжимая простыни. Мир вокруг начал вращаться. Она смутно осознавала, что ее бедра зажили своей жизнью и по собственной воле тянутся вверх, жадно встречая его поцелуи и ласки; потом Эйдриан подвинулся, удерживая ее ноги,

чтобы они не мешали ему.

О! Кларисса смотрела невидящими глазами на тени от свечи на потолке, всем существом сосредоточившись на буре ощущений, вызванной его прикосновениями.

О! Теперь она знала, почему в мире столько детей.

О! Она подумала, что Эйдриан самый умный мужчина в Англии, а может быть, и во всем мире.

О! Она вдруг поняла замыслы мироздания.

О! Бог определенно существует.

О! Почему это пахнет дымом?

Нахмурившись, Кларисса несколько раз моргнула, стараясь прояснить затуманенные страстью мысли и вернуть способность думать. Она еще раз глубоко вдохнула и определенно почувствовала запах гари. Ее взгляд метнулся к свече, которую зажег Эйдриан, но она, похоже, была в порядке – маленький круг света в ее туманном зрении.

«Должно быть, это мое воображение», – рассеянно подумала Кларисса, но ей было очень трудно думать, когда Эйдриан делал то, что он делал. Ее ноги теперь пытались обвиться вокруг его головы, совершенно не заботясь о том, какой запах она чувствует и откуда он может исходить. Кларисса даже осознала, что одна ее рука больше не сжимает простыню, а зарылась пальцами в его волосы, побуждая его продолжать ласки.

Испугавшись, что может причинять ему боль, Кларисса заставила себя отпустить его волосы и снова схватилась за

кровать, но ее бедра все еще пытались приподниматься и извиваться, хотя они были беспомощны перед его крепкими руками. Напряжение в ней нарастало до непереносимого уровня, ее руки сжимали простыни, пальцы ног поджимались, голова билась о подушку, зубы были стиснуты, желая что-нибудь укусить, потом она еще раз с трудом вдохнула и на этот раз совершенно определенно почувствовала запах дыма.

Кларисса напряглась, лихорадочно оглядываясь в поисках источника дыма. Но прежде чем она успела его найти, она снова отвлеклась, из ее горла вырвался стон, когда зубы Эйдриана нашли маленький бугорок, который, как оказалось, был в центре ее возбуждения. Ее тело вибрировало, напряжение становилось все сильнее, и Кларисса судорожно втянула ртом воздух. И сразу же закашлялась, когда дым проник в ее горло.

Лихорадочно пытаюсь думать сквозь возбуждение и страсть, охватившие ее, Кларисса приподнялась, чтобы оглядеть комнату. Ее глаза нашли расплывчатый прямоугольник двери и остановились на нем. Похоже, с другой стороны горел свет, он сочился через щель под дверью, и в этом свете она видела густой черный дым.

Кларисса инстинктивно потянулась к голове Эйдриана, чтобы привлечь его внимание, но он поймал обе ее руки своей свободной рукой, используя свой вес, чтобы удерживать на месте ее ноги, и продолжил штурм.

– Эйдри... О! – Кларисса едва не задохнулась, когда он вдруг ввел в нее палец. Ее тело сопротивлялось и требовало большего, умоляя ее замолчать. – Эйдриан, – решительно выдохнула она. – Пожар. Горим.

– Я тоже горю от тебя. – Он поднял голову, чтобы проговорить это, и тут же нагнулся, чтобы продолжать сводить ее с ума.

– Нет. О... нет. – Кларисса попыталась еще раз освободить руки, но он крепко держал ее, а ее собственные метания только усилили возбуждение, которое снова приближалось к пику.

Ее глаза остановились на свете под дверью и на клубках дыма полней, и она удивилась, почему он не чувствует запах дыма. Правда, он был очень увлечен своим занятием. Возобновив попытки, Клариссе удалось высвободить одну руку, и она сразу же вцепилась в его волосы – и отнюдь не нежно, – пытаясь привлечь его внимание. К несчастью, ее тело действительно не могло заботиться о том, что происходит вокруг; даже когда она пыталась заставить его поднять голову, ее бедра все еще страстно выгибались, и она не сомневалась, что он считает, что она тянет его за волосы только от возбуждения.

Издав низкий стон, Кларисса откинулась назад на кровать и закричала:

– Пожар!

Когда напряжение наконец освободило ее тело. Казалось,

это продолжалось вечно, наслаждение волна за волной оказывало ее, пока она наконец не обмякла, совершенно обесилев.

Эйдриан поднял голову, и сквозь блаженный туман, охвативший ее разум, Кларисса осознала, что он подвинулся, чтобы лечь рядом с ней. Он взял ее безвольное тело и обнял ее, поцеловал ее в лоб, потом нахмурился, принюхался, поднял голову, принюхался снова и спросил:

– Это дым?

– Да. – Кларисса вздохнула, улыбка, казалось, навсегда поселилась на ее лице. – В доме пожар.

– Что? – Она почувствовала, что падает на кровать, когда Эйдриан вскочил и бросился к двери. Он попытался открыть ее, нахмурился, попробовал снова, на этот раз двумя руками, как будто это могло что-то изменить. Когда дверь так и не поддалась, он ощупал ее поверхность, выругался и поспешил назад к кровати. – Почему вы не сказали мне?

– Я же пыталась, – ответила Кларисса. – Я сказала «Пожар» и «Горим» и старалась оттолкнуть вашу голову.

– О да, – сказал он. – Я думал, это вы... Не важно.

Он взглянул на окно, потом схватил ее за руку и потащил из постели.

– Идемте. Нам нужно выбраться отсюда. Кларисса встала и едва не свалилась на пол, но Эйдриан подхватил ее и нахмурился:

– В чем дело?

– Меня немного шатает, – смущенно призналась она. – Просто дайте мне минутку.

– О! – Он помедлил, потом схватил ее на руки и понес к окну.

– Что мы делаем? – спросила Кларисса.

– Дверь раскалена. Огонь прямо за ней. Мы выберемся наружу через окно.

– О Боже! – выдохнула Кларисса, когда он поставил ее на ноги у окна и выглянул в сад. Она не отличалась ловкостью и в лучшие времена. Даже в очках она часто бывала слегка неуклюжей. Мысль о том, что ей, полуслепой, придется вылезать в окно, была не слишком привлекательной.

– С вами все будет хорошо. Я помогу вам, – обнадеживающе произнес Эйдриан, перекинул одну ногу через подоконник и сел на него верхом. Она видела, как он куда-то тянется; потом нижняя часть его тела соскользнула с карниза и исчезла из вида. Кларисса шагнула к окну и выглянула наружу. Хорошо было то, что она не видела, как это высоко. Кларисса боялась высоты. Плохо было то, что она вообще почти ничего не видела. Потом она почувствовала, как Эйдриан дотронулся до нее.

– Держитесь за мою руку. Я помогу вам.

– Хорошо. – Кларисса сделала глубокий вдох. Схватившись за его руку, она крепко сжала ее и, сев боком на подоконник, попыталась перекинуть ногу, как это сделал он, но обнаружила, что ее ночная рубашка сковывает ее движения.

После смущенного колебания Кларисса напоямила себе, что он уже видел то, что находится под ее рубашкой, и задрала ее до бедер, чтобы осуществить маневр. Потом она повернулась, чтобы попытаться увидеть Эйдриана, и действительно смогла разглядеть его очертания. Помогла его белоснежная рубашка, выделяющаяся на фоне темных деревьев и неба.

– Просто шагните ко мне, и я подтяну вас на ветку. – Голос Эйдриана звучал спокойно и убедительно, и Кларисса заставила себя собраться и отбросить все страхи.

Она перекинула другую ногу через подоконник, глубоко вдохнула, крепче сжала его руку и оттолкнулась от окна. Одно захватывающее дух мгновение она была в воздухе; потом Эйдриан дернул ее, притягивая к себе, и она со стоном рухнула на ветку, на которой он сидел. Кларисса начала скользить вниз и мгновение думала, что все-таки упадет, но потом его хватка стала крепче, и Эйдриан подтянул ее к себе. Она висела рядом с ним, ее тело было зажато между веткой дерева и его боком, а под ногами у нее не было ничего, кроме воздуха.

Эйдриан помедлил и сказал:

– Я опущу вас на землю.

– Я бы предпочла, чтобы вы этого не делали, – пробормотала Кларисса, цепляясь за его руку. – Может, будет проще, если вы поднимете меня к себе?

– Проще будет спрыгнуть вниз, Кларисса. Мы не так уж

высоко. Кроме того, если я подниму вас, нам все равно придется слезать. А так я могу опустить вас на землю и потом прыгну рядом.

Кларисса прикусила губу и выгнула шею, чтобы посмотреть в зияющую черноту под собой.

– Вы уверены, что это недалеко?

– Клянусь, что нет. Ваша спальня всего лишь на втором этаже, Кларисса. Эта ветка находится чуть-чуть ниже, и когда я опущу вас вниз, ваши ноги будут почти касаться земли.

– О... – Она вздохнула. – Тогда хорошо, но, пожалуйста, не уроните меня.

Вместо того чтобы опускать ее, Эйдриан вдруг поднял ее чуть выше, настолько, чтобы мог поцеловать ее щеку.

– Я не уроню вас: вы слишком драгоценны для меня.

Прежде чем она успела ему ответить, он схватил ее за обе руки, свесился набок и стал опускать вниз. Кларисса зажмурилась, уверенная, что он не удержит ее и уронит.

– Вы уже почти у самой земли, любимая. Отпускайте руки и прыгайте.

– А это обязательно? – несчастным голосом спросила она и услышала его напряженный смех.

– Боюсь, что да. – Напряжение в его голосе заставило ее наконец решиться. Сбрав всю отвагу в кулак, Кларисса разжала пальцы. Эйдриан тоже отпустил ее, и она начала падать, но, едва начав, тут же приземлилась. Она пролетела никак не больше пары футов.

– О... – с облегчением выдохнула Кларисса.

– Она здесь!

Чувство облегчения исчезло сразу же, как до нее долетел этот слабый звук. Кларисса обернулась на голос, и ей показалось, что она заметила фигуру одного из лакеев на углу дома. Прикусив губу, она подняла голову и увидела Эйдриана, раскачивающегося над ней.

– Минутку, любовь моя. Я сейчас спущусь.

Кларисса снова взглянула на лакея и увидела, что он спешит к ней... а за ним из-за угла к ней бегут все домочадцы. А следом половина жителей других домов их квартала. Все они толпой бежали к ней, чтобы убедиться, что она в порядке.

Когда они подбежали, Кларисса смотрела на смутные пятна лиц, едва ли слыша их радостные голоса. Потом Эйдриан приземлился на ноги перед ней, загородив ее от толпы.

– Вот видите? Не так уж было и плохо, не правда ли? – спросил он, обнимая ее и наклоняясь, чтобы поцеловать ее в губы.

– Лорд Моубри!

Эйдриан замер, медленно выпрямился и обернулся. Кларисса вдруг поняла, что ей холодно. Взглянув вниз, она увидела, что верх ее рубашки все еще расстегнут и теперь широко распахнулся, открывая ее грудь на всеобщее обозрение. Прикусив губу, она застегнула ее. Эйдриан посмотрел вниз и вспомнил, что сам тоже полуодет.

Кларисса едва успела осознать, в насколько компроме-

тирующую ситуацию они попали, когда Эйдриан расправил плечи и произнес:

– Леди Крамбри, могу я просить руки вашей падчерицы?

Глава 9

Кларисса жевала свой тост и избегала смотреть на Лидию. Без очков она все равно не могла видеть выражение ее лица, но она чувствовала злой взгляд мачехи каждый раз, когда та поворачивалась к ней.

Мачеха была в ярости, и это продолжалось с ночи пожара. Тогда она не сказала ничего, даже после того, как потушили пламя и им позволили вернуться в постели. К счастью, пожар начался в коридоре около комнаты Клариссы и, не позволяя никому из дома пробраться к ней, чтобы предупредить, он уничтожил только этот конец коридора и ее спальню, почти не затронув остальной дом, кроме двух комнат слуг и гостиной под ней, которая немного пострадала от воды. Да, весь остальной дом был в абсолютном порядке, если не считать легкого запаха гари.

Кларисса теперь жила в комнате для гостей. К тому же у нее было катастрофически мало платьев и пока еще не сшили новые, на время пришлось два-три платья позаимствовать.

Сразу же после той ночи Эйдриан предложил Клариссе и ее мачехе пожить в доме его матери, пока их дом будет ремонтироваться, но Лидия отказалась с ледяным презрением, которое ясно дало понять, что в этом вопросе ее не удастся переубедить. С тех пор она обращалась с Эйдрианом чрез-

вычайно холодно. Он терпел это, и они с Клариссой изо всех сил старались не обращать внимания на ее молчание и злобные взгляды, когда он приходил с визитом. Ничего другого все равно было сделать нельзя.

Хуже всего было то, что с той ночи Лидия никогда не оставляла их наедине. Кларисса не могла понять почему. Оглашение их имен в церкви уже состоялось, свадьба была назначена через две недели после пожара, и все было в порядке. Она должна была бы быть счастлива. В конце концов, ее падчерица выходит замуж за графа! Но было очевидно, что она несчастна.

Кларисса вздохнула и откусила еще кусочек тоста, ее мысли снова и снова возвращались к тем тревогам и страхам, которые наполняли ее мозг с ночи пожара. Часть ее была счастлива от перспективы брака с Эйдрианом. Несомненно, он был предпочтительнее Прадомма, и он ей нравился. К тому же брачная постель не станет тяжелым испытанием, если судить по тому, что он делает с ней в ее спальне.

Вообще-то Кларисса думала, что могла бы быть очень счастлива замужем за Эйдрианом... если бы их отношения развивались обычным порядком и он сделал бы ей предложение по собственному желанию, а не вынужденный обстоятельствами, чтобы спасти ее репутацию. Она боялась, что позже он может об этом пожалеть. Кларисса не хотела счастья для себя за его счет. Она предпочла бы снова стать жертвой скандала, чем вынуждать его жениться на себе. В кон-

це концов, она уже пережила это однажды, смогла бы и еще раз. Честно говоря, именно этого Кларисса и ожидала, когда увидела всех тех бегущих к ним людей и поняла, что их поймали. То, что Эйдриан попросил ее руки, потрясло ее так же сильно, как, похоже, разъярило Лидию.

Дверь столовой распахнулась, и Кларисса посмотрела в ту сторону, прищуриваясь, чтобы лучше видеть. Она увидела высокую фигуру с серебристыми волосами, которые не были париком.

– Папа? – неуверенно произнесла она.

– Здравствуй, Клари, – отозвался лорд Крамбри. Ее тут же окутал запах седельного масла и табака из его трубки, когда он крепко обнял ее.

– Что вы делаете здесь? – удивленно спросила Кларисса.

Он выпрямился.

– Ты думаешь, я не приехал бы посмотреть, как моя дочь выходит замуж? – укоризненно спросил он. – Как только я получил письмо Лидии, я сразу же направился в Лондон.

Взгляд Клариссы метнулся в направлении Лидии. Мачеха ничего не говорила о письме отцу.

– Я привез тебе из дома кое-какую одежду, – добавил Джон Крамбри. – В записке твоей мачехи говорилось, что твоя сгорела раньше, чем потушили пожар.

Кларисса кивнула:

– Да, папочка. Спасибо.

– Нам надо будет сшить тебе новые наряды для балов и

всего прочего; большинство из тех, что ты оставила дома, вышли из моды. – Он помолчал и, прищурившись, посмотрел на Клариссу. – Где твои очки, Клари?

– Кларисса разбила их, – не моргнув глазом солгала Лидия. – Я отправила домой записку, чтобы прислали запасные, чтобы она могла увидеть, за кого выходит замуж, но я отправила ее позже, чем первое письмо, так что ее, наверное, не успели доставить до вашего отъезда.

Кларисса вздрогнула от такого известия. Мачеха не упоминала и об этом тоже; но, судя по тону ее голоса, Лидия послала за новыми очками, руководствуясь недобрыми намерениями, а желанием позлорадствовать.

– Что ж, несчастные случаи происходят со всеми, – сказал отец, снова привлекая внимание Клариссы к себе. Потом он объявил: – Я очень счастлив за тебя, дочка. Мне всегда нравился Моубри. Он хороший человек.

Кларисса заметила, как напряглась Лидия, но ее больше волновало свое собственное удивление.

– Вы знаете Эйдриана?

– Да, конечно, знаю. Мы с его отцом были хорошими друзьями, правда, после смерти твоей матери больше по переписке. Отец Эйдриана был прекрасным бизнесменом. Он мог выжать прибыль даже из голых камней. Мы всегда в письмах обсуждали наши владения. Когда он отошел отдел и Эйдриан занял его место, я стал переписываться с сыном.

– Я этого не знала, – пробормотала Кларисса.

– Да, в общем, для этого и не было причин. Я не обсуждал с тобой нашу переписку. И сомневаюсь, что упоминал о тебе в разговорах с ним, – небрежно заметил Джон Крамбри.

– О... – Пока отец садился за стол, Кларисса украдкой взглянула на Лидию. Лицо мачехи было мрачно, и когда слуга прибежал с чашкой чая для ее отца, тот кивнул в знак благодарности.

Только сейчас Кларисса поняла, что отец не проявил никаких чувств к ее мачехе, и при том, что он приветствовал Клариссу, крепко обняв ее, с Лидией он вообще никак не поздоровался. Тут она осознала, что ее отец никогда этого не делал, и ей стало интересно, что же за отношения между ними. Возможно, причина горечи и даже злости ее мачехи была именно в этом, а не в самой Клариссе.

– Почему бы тебе не показать ей галерею?

Эйдриан моргнул, услышав предложение Джона Крамбри, и криво улыбнулся, поняв, что тот заметил, как он неотрывно смотрит на Клариссу все время разговора с ее отцом.

– Иди-иди, – посоветовал Крамбри. – Вы двое напоминаете мне ее мать и меня самого, когда мы были в вашем возрасте. Вы оба постоянно ищете друг друга глазами, всегда знаете, где находится другой. – Он улыбнулся своим воспоминаниям и вздохнул. – Я все еще скучаю по ней.

Эйдриан удивленно поднял бровь.

– А как же?..

– Лидия? – Лорд Крамбри устало вздохнул. – Она была ошибкой. Я подумал, что Клариссе нужна мать, чтобы помочь ей стать женщиной, особенно после скандала. К тому же я не хотел взваливать на ее плечи ведение домашнего хозяйства, когда она была еще так молода. Мне нужен был брак по расчету. Я знал, что никогда не полюблю другую женщину так, как я любил мою Маргарет. – Он покачал головой. – Я думал, Лидия понимает это. Она говорила, что понимает. Но, как выяснилось, она не понимала ничего. Лидия думала, что я просто все еще скорблю, что в конце концов это пройдет и я полюблю ее так, как она считала, я должен ее любить. Когда она поняла, что этого не случится... – Он пожал плечами, его взгляд искал дочь. – Кларисса – дитя своей матери. Она похожа на нее – живое воплощение Мэгги... которое, по мнению Лидии, соперничает с ней за мою привязанность.

– Понимаю, – тихо сказал Эйдриан. Это объясняло многое в поведении Лидии.

– Я рад видеть, что вы с Клариссой нашли друг друга. Думаю, вы будете так же счастливы вместе, как были мы с ее матерью. Ну а теперь иди, покажи ей галерею, – повторил лорд Крамбри и добавил: – Я бы предложил прогуляться в сад, где можно уединиться, но идет дождь, так что галерея лучшее, что я могу предложить.

– Благодарю вас. – Эйдриан кивнул и направился через комнату к своей будущей жене. Она сидела с его матерью, кузиной Мэри и Лидией, и, казалось, впервые с тех пор, ка-

ком познакомился с ней, Клариссе нравилось на балу. Честно говоря, она выглядела счастливой. Она беззаботно болтала с его матерью и Мэри. На этот раз несчастной выглядела Лидия. Она сидела молча, угрюмая и печальная. Если бы не ее постоянные старания сделать несчастной Клариссу, Эйдриан мог бы даже пожалеть ее.

Это был первый бал, на котором они с Клариссой присутствовали после пожара. Лидия не позволяла Клариссе выезжать без нее, и сама отказывалась выезжать, заявляя, что не вынесет скандала. Теперь, с приездом Джона, все изменилось. Он настоял, чтобы они сегодня отправились на бал, и попросил Эйдриана сопровождать их. Джон настойчиво старался ввести его в семью Крамбри.

– Эйдриан?

Он улыбнулся уверенности в голосе Клариссы, когда она подняла на него глаза. Несмотря на свое слабое зрение, Кларисса, похоже, всегда узнавала его.

– Да, – ответил он и потом добавил: – Ваш отец предложил, чтобы я показал вам галерею.

Лидия явно хотела возразить, но, вздохнув, закрыла рот. Вряд ли она могла перечить своему мужу, однако выглядела так, будто ей этого очень хочется.

Просияв, Кларисса взяла Эйдриана за руку, встала и пошла с ним прочь из бального зала.

– Я не знала, что вы с моим отцом хорошие друзья, – проворчала она, когда они направились по коридору к гале-

рее.

– Ну, мы с ним не то чтобы лучшие друзья, но мы действительно переписываемся несколько раз в году. Он очень приятный человек.

– Мне он нравится, – весело согласилась Кларисса и улыбнулась такой улыбкой, которая доказывала, что ее чувства к отцу гораздо сильнее простой привязанности.

Эйдриан улыбнулся и признал:

– Вообще-то я не отдавал себе отчета, что он ваш отец. Я хочу сказать, что не связывал вас с Джоном Крамбри, с которым состоял в переписке. – Он рассмеялся. – За последние пару лет он несколько раз приглашал меня к вам домой. Если бы я знал, что вы его дочь, я бы принял приглашение.

Кларисса улыбалась его словам, когда они вошли в галерею, и, глядя на нее, Эйдриан был настолько очарован, что не заметил на своем пути женщину, пока не налетел на нее.

– Лорд Моубри.

Эйдриан резко взглянул вниз, его губы плотно сжались, когда он увидел, на кого наткнулся: леди Бланш Джонсон.

Его взгляд настороженно скользнул по ее неестественно светлым волосам и пышному телу. Эйдриан не видел ее десять лет и был бы счастлив обойтись без такой привилегии еще лет пятьдесят. Эта женщина причинила ему больше боли, чем все косые взгляды, гримасы отвращения и случайно услышанные оскорбления, от которых он страдал во время своего последнего появления в свете десять лет назад, вместе

взятые. Она была гадиной. Только эта женщина одна не отвернулась от его обезображенного лица. Она единственная улыбалась, ворковала, и флиртовала, и радостно принимала его прикосновения... Только когда она завлекла его к себе домой и соблазнила его, он узнал, почему она это делала. Когда они лежали, все еще потные и тяжело дышащие, дама весело рассмеялась и объявила, что всегда считала уродов возбуждающими и что с ними у нее был самый лучший секс.

Эйдриан лежал, окаменев, на полу ее будуара, там, где застигла их страсть, у него засосало под ложечкой, когда она рассказала ему о некоторых своих любовниках. Видимо, карлик и горбун были фаворитами до него, но он превзошел их в постели.

– Понимаешь, уроды всегда так горят желанием доставить наслаждение, – сказала она ему.

Эйдриан покинул Лондон два часа спустя. Он не видел причин оставаться. Почти всем в свете было отвратительно смотреть на него, а ему больше ни для кого не хотелось быть причудливой игрушкой.

– Ну надо же, вы все такой же милашка, как всегда, – заявила Бланш, фамильярно пробегая пальцами по его груди.

Эйдриан поймал ее руку и сжал так, чтобы ей было больно, но в глазах Бланш вспыхнуло только возбуждение. Ему следовало бы догадаться, что ей понравится боль. Он мрачно отбросил ее руку.

– Леди Джонсон, могу я представить вам мою невесту, ле-

ди Клариссу Крамбри? – холодно произнес он, в глазах его было предупреждение.

– Здравствуйте. – Бланш даже не потрудилась взглянуть в сторону Клариссы; ее холодные тусклые серые глаза были слишком заняты, пожирая его заживо. – Как вам повезло заарканить себе такого жеребца!

Эйдриан видел, как брови Клариссы взметнулись вверх, а губы дрогнули, и почувствовал, как в нем закипает гнев. Леди Джонсон играла в опасные игры.

– После того как вы отведете свою маленькую подружку домой, вам надо зайти ко мне, чтобы... по-дружески выпить, милорд. Я буду очень счастлива принять вас, – проворковала Бланш. Ее рука вернулась на его грудь, а потом спустилась опасно близко к паху.

Эйдриан отшвырнул ее руку, на этот раз едва контролируя себя. Ее поведение было оскорбительным для Клариссы, и он не позволит этого.

– Одной «дружеской выпивки» с вами было более чем достаточно, Бланш, – сухо сказал он, намеренно не называя ее титула. И, повернувшись к ней спиной, что было еще одним намеренным оскорблением, он взял Клариссу под руку и пошел с ней мимо блондинки, оставив ее стоять на пороге.

– Она кажется... интересной, – тихо сказала Кларисса, когда он привел ее в картинную галерею.

– Вообще-то она совсем не интересная, – заверил он ее.

– О!

Она молчала так долго, что Эйдриан посмотрел на нее и увидел, что она кусает губы. Он подозревал, что ей хочется что-то сказать, но она сдерживалась, пока они проходили мимо другой пары. Когда они снова оказались наедине, она наконец заговорила:

– Эйдриан, я не хочу... я хотела сказать, если вы на самом деле не хотите жениться на мне, вам не обязательно это делать.

Эйдриан остановился и встревоженно повернулся к ней.

– Что? – спросил он и быстро продолжил: – Кларисса, Бланш ничего не значит для меня. Я не видел ее десять лет!

– О, тут все в порядке, милорд. Я говорю это не из-за нее. Просто... Я знаю, что вы сделали предложение только потому, что нас застали той ночью. Я не хочу, чтобы вы женились на мне, только чтобы предотвратить скандал.

– Вы не хотите выходить за меня? – спросил Эйдриан, его голос прозвучал грубее, чем хотел.

– О нет, хочу, – ответила Кларисса слишком быстро, и он почувствовал облегчение, когда она добавила: – Но я не хочу получать свое счастье ценой вашего. Я бы предпочла пережить скандал, чем...

Ее слова оборвались удивленным вздохом, когда Эйдриан схватил ее за руку и потащил прочь из многолюдной галереи. Он подвел ее к ближайшей двери, открыл ее, увидел, что в комнате есть люди, и, резко захлопнув, огляделся по сторонам. Ему казалось, что он должен доказать ей, что Бланш

не значит для него ничего и что он действительно хочет жениться на Клариссе, и не только для того, чтобы предотвратить скандал. Разумеется, после событий той ночи все стало развиваться гораздо быстрее, чем он ожидал, но Эйдриан был уверен, что в конце концов в любом случае попросил бы ее руки. Ему нужно было, чтобы она поняла это, и он знал только один способ это доказать. Однако для этого требовалось уединение.

Эйдриан окинул взглядом холл, потащил ее к следующей двери, открыл ее, увидел, что эта комната тоже занята, и двинулся дальше. Когда и третья комната оказалась полна народу, он в отчаянии огляделся и заметил большой шкаф. В холле было пусто, но это не могло продлиться долго, поэтому он потащил ее к шкафу.

– Что мы делаем? – в замешательстве спросила Кларисса, когда он открыл обе дверцы и раздвинул висящую одежду, чтобы освободить небольшое пространство.

Вместо ответа Эйдриан еще раз огляделся, чтобы убедиться, что холл пуст, залез в шкаф, потянул ее вслед за собой и закрыл дверцы.

– Эйдриан? – неуверенно произнесла Кларисса, но это было все, что она успела сказать прежде, чем его губы накрыли ее рот. Он целовал ее со всей страстью, которую она пробуждала в нем, со всей страстью, которую сдерживал много дней, глядя, как она смеется, разговаривает, ходит и улыбается.

Очевидно смущенная и испуганная, Кларисса сначала бы-

ла напряжена в его объятиях, но потом она легко вздохнула и прильнула к нему, ее руки обвилились вокруг его шеи.

Эйдриан застонал, когда она от наслаждения начала издавать тихие мяукающие звуки и потянулась, как кошка. Эти звуки и движения сводили его с ума оба прошлых раза, когда они целовались. В первый раз он с ужасом сознавал, что за стеклянными дверьми стоит его мать, и это дало ему силы прервать их поцелуй и отправить ее назад.

Второй раз был в ее комнате, и за дверью никто не стоял, ничто не вынуждало его сохранять самоконтроль. Тогда, вопреки всем своим заверениям, Эйдриан с радостью стал необузданным и начал делать все то, что так хотел делать с ней... и он бы зашел весьма далеко, если бы не случился пожар. Теперь они вдвоем были в шкафу, и он был вынужден контролировать себя, иначе рисковал заняться с ней любовью прямо здесь, упираясь во внутреннюю стенку. Что совершенно точно было не лучшим вариантом для девственности.

Как ни печально, но его телу, похоже, было все равно. Кларисса продолжала вздыхать и стонать, потягиваться и тереться об него как кошка, и его плоть отвечала, твердея и восстанавливая. В конце концов он обнаружил, что сам трется об нее в ответ. Эйдриан знал, что все, что они могут себе позволить, – это целоваться и обниматься, но его руки не слушались. Одна ладонь опустилась вниз на ее ягодицы, прижимая девушку вплотную к нему, в то время как другая его рука при-

нялась ласкать ее грудь.

– О, Эйдриан! – выдохнула Кларисса, и он оборвал их поцелуй, чтобы исследовать губами ее шею, одновременно скользнув коленом между ее ног, так, что она оказалась верхом на его бедре. Это вызвало еще один стон, от которого его напряжение стало невыносимым.

Эйдриан вдруг взмолился, чтобы они уже были женаты. Если бы так, он бы сейчас же увез ее домой и... Из его разума вдруг исчезли все мысли, когда Кларисса нашла его естество и стала ощупывать.

– Что это такое в ваших бриджах, милорд? Это все время тычется в меня, – задыхаясь, пробормотала она.

Все, что Эйдриан мог, – это издать тихий стон. Ему хотелось, чтобы она трогала его смелее. Но другая его часть понимала, что все это необходимо прекратить прежде, чем он потеряет контроль над собой.

– Сколько еще до свадьбы? – спросил он.

Кларисса остановилась, тяжело дыша, и попыталась сосчитать. Минуту спустя она сказала:

– Неделя, милорд.

– О Господи! Так долго, – пробормотал Эйдриан.

– Не так уж и долго, просто так кажется.

Эйдриан замер.

Эти слова произнес кто-то третий.

Мгновение он думал, что кто-то с ними в шкафу, но потом понял, что голос донесся снаружи. В шкафу было темно, и

он не мог видеть Клариссу, но он не сомневался, что лицо ее искажилось от ужаса. Она окаменела, прижавшись к нему.

Эйдриан помедлил, потом прошептал:

– Разве это не голос вашего отца?

Но прежде чем она успела ответить, человек, стоявший в коридоре, усмехнулся:

– Да.

Выругавшись, Эйдриан освободился от Клариссы, расправил плечи и открыл дверцу шкафа. Шагая наружу, он почти ожидал встретить перчатку, брошенную ему в лицо, и предложение выбрать шпагу или пистолет для встречи на рассвете; однако лорд Крамбри стоял, прислонившись к стене напротив, с веселым выражением лица.

Эйдриан выдавил огорченную улыбку.

– Простите, – пробормотал он. – Кларисса думала, что я женюсь на ней, только чтобы спасти ее от скандала, и я пытался доказать ей, что хочу ее ради нее самой и скандал тут ни при чем.

– Так вот что вы делали? – удивленно спросила Кларисса.

Она вслед за ним вышла из шкафа.

Эйдриан открыл рот, чтобы ответить, но увидел, в каком она состоянии, и быстро принялся приводить в порядок ее одежду. Лорд Крамбри тут же бросился ему на помощь, занявшись прядями волос, которые Эйдриан нечаянно выдернул из ее прически.

– Да, именно это я и делал, – ответил он, не отрываясь от

работы. – Зачем еще, по-вашему, я затащил вас в этот шкаф?

– Чтобы поцеловать меня, – просто ответила Кларисса.

Эйдриан заморгал, посмотрел на ироничное лицо Крамбри и вздохнул.

– Да, Кларисса, – сказал он. – Но я поцеловал вас, чтобы доказать, что хочу вас. Чтобы убедить вас, что это не просто рыцарский поступок с моей стороны.

– О! – Кларисса потрясенно выдохнула, а потом спросила: – Тогда почему вам просто не сказать это, милорд?

– Устами младенца, – весело произнес лорд Крамбри. Потом он объяснил: – Потому что мужчины думают не так, как женщины, Клари. Женщины говорят, а мужчины делают. Отсюда пошло выражение «человек действия».

– О, понимаю, – сказала Кларисса. Но, судя по голосу, это было не так.

Эйдриан вздохнул про себя и отступил на шаг, чтобы посмотреть на нее. Ее платье было в порядке, но у ее отца явно возникли трудности с ее прической. До того как они забрались в шкаф, она выглядела совсем иначе.

Лорд Крамбри нахмурился и взглянул на Эйдриана:

– Ты не знаешь, как исправить это?

– Нет. – Эйдриан поморщился, но просиял, когда его осенило: – Моя матушка знает. Подождите здесь, а я пойду и приведу ее сюда.

Джон кивнул и, когда Эйдриан поспешно ушел, повернулся, чтобы поговорить с Клариссой. Эйдриан нашел свою мать

все еще сидящей с Лидией и Мэри и шепотом объяснил ей возникшую проблему. Она сразу же встала и направилась к выходу из бального зала, но когда Эйдриан хотел пойти следом за ней, Лидия пробормотала:

– У нее скоро снова будут очки.

Эйдриан замер и обернулся:

– Простите?

– Я отправила записку в Крамбри, чтобы нам сюда, в Лондон, прислали ее запасную пару. Скоро они будут здесь. – Она улыбнулась. – Тогда она сможет нормально видеть и узнает, за кого выходит замуж. Сейчас Кларисса кажется счастливой. Интересно, насколько она будет счастлива, когда к ней вернется зрение.

– Она будет все так же счастлива, – твердо сказала Мэри. Встав на ноги, она взяла Эйдриана за руку. – Идем, найдем Клариссу и твою матушку.

Эйдриан позволил кухне вывести себя из бального зала, но его мысли были в смятении. Скоро у Клариссы будут очки, и она сможет увидеть его? Он побледнел от ужаса. Она увидит его.

– С тобой все в порядке? – спросила Мэри. – Ты побледнел как полотно, когда Лидия сказала, что у Клариссы снова будут очки.

Эйдриан не ответил. Он не знал, что сказать. Нет, с ним определенно было не все в порядке. На самом деле ему было очень плохо. Но он не мог признаться в этом Мэри.

Похоже, ему и не обязательно было делать это. Кузина сжала его руку и сказала тихо:

– Кларисса будет любить тебя таким, какой ты есть, Эйдриан.

Ему хотелось верить ей – правда хотелось, – но боль и страх уже терзали его душу, и поэтому он спросил:

– Где Реджиналд?

– По-моему, он пошел играть в карты, – ответила Мэри.
– А что?

– Я должен поговорить с ним, – сказал Эйдриан и похлопал ее по руке. – Спасибо тебе, Мэри. Ну, вот и мама с Клариссой. Я найду вас, как только поговорю с Реджем.

Мэри рассеянно кивнула.

– Но что случилось с прической Клариссы?

– Она немного растрепалась, и мама помогает поправить ее, – объяснил Эйдриан. Он нахмурился, когда увидел, что волосы Клариссы теперь выглядят еще хуже, чем были до этого.

– Ты думал, что твоя мать может помочь? – в ужасе спросила Мэри.

Эйдриан нахмурился:

– Да. Она же женщина, она знает больше о таких вещах, чем... Почему ты качаешь головой?

– Ты не должен был и близко подпускать свою мать к волосам Клариссы. В этих вещах она безнадежна. – Мэри вздохнула и направилась назад, в бальный зал. – Пойду спрошу

леди Гернси, не сможет ли помочь ее горничная.

Эйдриан проводил ее взглядом, потом повернулся к Клариссе и остальным и мрачно посмотрел на волосы своей невесты, которые теперь торчали пучком на ее макушке, наклонившись, как Пизанская башня. Когда он ее оставлял, нужно было поправить всего пару выбившихся локонов. Джону каким-то образом удалось лишь слегка ухудшить положение, а теперь его мать определенно все испортила. Нужно будет принять совет Мэри и в будущем не просить помощи матери в таких вещах.

Покачав головой, Эйдриан развернулся и направился в комнату, где, как он знал, мужчины и несколько женщин играли в карты. Реджиналдаон заметил сразу. Когда он подошел, кузен шумно радовался, явно только что выиграв партию.

– Реджиналд, мне нужно с тобой поговорить, – сказал Эйдриан, вставая позади него.

– Валяй, – сказал Реджиналд, продолжая собирать свой выигрыш.

– Наедине, – извиняющимся тоном пробормотал Эйдриан.

– Это не может подождать, пока я закончу игру? – спросил Редж.

Эйдриан помедлил, взвешивая.

– Нет, – наконец сказал он.

Реджиналд глубоко вздохнул и поднялся на ноги.

– Не сдавайте на меня в этой партии. Я скоро вернусь.

– Спасибо, – сказал Эйдриан, когда они отошли, чтобы поговорить.

– Не за что, кузен. Ну, и что такого важного?

– Лидия послала домой за запасными очками Клариссы,

– мрачно сказал Эйдриан.

Реджиналд непонимающе уставился на него:

– И?..

Эйдриан нахмурился и с нажимом сказал:

– Она сможет увидеть меня.

Реджиналд удивленно поднял брови и повторил:

– И?..

– Ну, я не могу позволить, чтобы это случилось, – сказал

Эйдриан. – Если она увидит меня, она...

– Эйдриан, подумай, – прервал его Реджиналд. – В конце концов она все равно увидит тебя. Ты же не собирался продолжить дело Лидии и держать ее слепой бесконечно, так?

– Нет, конечно, нет, но...

– Но что? – спросил Реджиналд.

– Мне нужно больше времени.

– Для чего?

Эйдриан замялся, потом сказал:

– Может быть, если она полюбит меня до того, как увидит мое лицо...

Заметив жалость в глазах кузена, Эйдриан отвернулся. Он с трудом сглотнул, пытаясь убрать комок, вдруг застрявший

в горле. Он был взрослым мужчиной, но чувствовал себя как шестилетний мальчишка, которому грозит потерять лучшего друга.

– Эйдриан. – Реджиналд положил руку ему на плечо и серьезно посмотрел ему в глаза, когда тот обернулся. – Во-первых, твое лицо не так плохо, как ты думаешь. Во-вторых, я не думаю, что Клариссу это сильно огорчило бы, даже если бы было так. И, в-третьих, если ее это волнует, если это влияет на ее чувства к тебе, тогда лучше узнать об этом сейчас, не правда ли?

Эйдриан расстроено опустил плечи.

– Может быть.

– Все будет хорошо. – Реджиналд похлопал его по плечу и отвернулся. – Иди, наслаждайся ее обществом. Ты наконец-то можешь видеться с ней без хитроумных планов и уловок, а ты теперь беспокоишься из-за каких-то глупостей. Иди, целуй ее до безумия!

Эйдриан смотрел, как Реджиналд вернулся к игре, потом вздохнул и вышел в холл. Его брови поползли вверх, когда он увидел, что там никого нет. Кларисса, ее отец и его мать – все исчезли. Сначала он решил, что они привели в порядок ее волосы и вернулись к гостям. Эйдриан решил пойти искать Клариссу, но тут услышал голос своей матери, а потом и голос Клариссы. Остановившись, он выглянул в холл. Дверь комнаты рядом со шкафом была открыта. Пройдя через холл, он заглянул внутрь. Его глаза расширились от удив-

ления.

– Что, ради всего святого, вы с ней сделали? – задыхаясь, спросил он, входя в комнату. Схватив Клариссу за руку, он оттащил ее от двоих уничтожавших остатки ее прически.

– Все настолько плохо, как кажется? – печально спросила Кларисса, щупая волосы.

– Нет, конечно, нет, – быстро сказала леди Моубри; но она кусала губу и, кажется, не могла без содрогания смотреть на Клариссу. Эйдриан был совсем не удивлен. Ее очаровательные локоны, где собранные, где свернутые, где подоткнутые, превратились в спутанную массу. Это не было даже отдаленно похоже на прическу, а больше походило на то, что кто-то надел ей на голову птичье гнездо.

Он покачал головой:

– Мама...

– Перестань, Эйдриан. Не я первая испортила тут все. За-тащить бедную девочку в шкаф – в шкаф. Боже мой! – и испортить ей прическу!

Эйдриан скрипнул зубами, но сказал только:

– Где Мэри? Она собиралась спросить леди Гернси, не сможет ли ее горничная помочь нам.

– Да? Ну разве она не умница? – обрадовалась леди Моубри, но потом нахмурилась. – Но она так и не пришла с горничной. Кроме того, – сказала она, обреченно вздыхая, – я сомневаюсь, что даже горничная сможет как-то исправить то, что мы натворили. Боюсь, волосы Клариссы надо как сле-

дует расчесать и заново уложить.

– Гм-м... – Джон Крамбри поджал губы. – Ну что ж, все равно уже становится поздно. Может быть, тебе лучше отвезти Клариссу домой в карете, сынок? Потом мой кучер пусть отвезет тебя домой; после этого пошли его за мной и Лидией.

– Да, конечно. – Эйдриан взглянул на Клариссу и почувствовал облегчение, что она ничем не показала, что расстроена таким поворотом событий.

Мать Эйдриана и отец Клариссы проводили их до кареты. Потом лорд Крамбри поговорил с кучером, вернулся к леди Моубри и повел ее назад в дом.

Глава 10

– Я сожалею, – пробормотала Кларисса, когда каре тронулась.

Эйдриан удивленно посмотрел на нее:

– Из-за чего?

– Что вам пришлось покинуть бал из-за моей прически.

С его губ сорвался короткий смешок.

– Вам не из-за чего извиняться. Я сам все испортил.

Кларисса кивнула, очевидно, соглашаясь, что это его вина. Она не выглядит расстроенной, заметил он, а она откашлялась и спросила:

– Вы говорили это серьезно?

– Когда?

– Что женитесь на мне не для того, чтобы избежать скандала, а потому что действительно хотите жениться па мне.

Эйдриан улыбнулся. Лицо Клариссы все сморщилось, когда она прищурилась, стараясь разглядеть его. Было очевидно, что ответ очень важен для нее.

– Да, я говорил серьезно.

Кларисса одарила его улыбкой, похожей на проблеск солнца после затяжного дождя. Эйдриану пришлось сглотнуть вдруг появившийся в горле комок.

– Я рада, милорд. Я тоже хочу выйти за вас. Для меня тут дело тоже не только в скандале, – серьезно заверила она его.

Эйдриан позволил себе вздохнуть. Она выглядела такой прекрасной, нежной и...

– Вы будете еще целовать меня?

Мысли Эйдриана разлетелись, как листья на ветру.

– Что?

– Мне нравится, когда вы целуете меня, – объяснила Кларисса. – И я была бы совсем не против, если бы вы снова захотели меня поцеловать. Так... вы будете?

– Нет, – резко ответил он.

Она выглядела задетой.

– Почему? Вы не хотите...

– Конечно, я хочу, – сухо сказал Эйдриан, и обида исчезла с ее лица.

– Тогда почему вы не хотите целовать меня?

Эйдриан нахмурился:

– Большинство дам не спрашивают о таких вещах.

– Я не большинство дам. Кроме того, папа всегда говорит «Если не спросишь, не узнаешь». А я хочу знать. Почему вы не будете целовать меня, если мы оба этого хотим?

Эйдриан насупился, но ведь она все равно не могла видеть его лица, так что оно никак не напугает ее. Раздраженно выдохнув, он решил рассказать ей правду. В конце концов, она же просила об этом. Кроме того, это может побудить ее быть более осторожной.

– Потому что если я поцелую вас, мне захочется прикасаться к вам.

– Мне нравится, когда вы прикасаетесь ко мне, – быстро ответила Кларисса.

– Но если я дотронусь до вас, – продолжал Эйдриан, – мне захочется заняться с вами любовью.

– Думаю, мне бы это тоже понравилось.

Эйдриан поднял бровь:

– Вы думаете?

– Ну... – Кларисса помедлила, потом спросила: – То, что вы делали со мной в моей комнате в ночь пожара, можно так назвать?

– Нет, – ответил Эйдриан, его голос стал хриплым, когда он вспомнил о той ночи. Это, казалось, было давным-давно, и в то же время как будто только сейчас. Он помнил ее вкус, то, как она двигалась под его ищущими руками и ртом. Боже, у него опять была эрекция от одной только мысли! Он с отвращением понял, что в ее присутствии не имеет вообще никакого контроля над собой.

– Нет? – переспросила Кларисса, наморщив лоб. – Тогда что это было?

– Я... Это... – Эйдриан нахмурился, не зная, как объяснить. – Да, мы занимались любовью, вроде того. Но это не было... – Он замолчал и пристально уставился на нее. – Неужели никто не объяснил вам эти вещи?

– Нет. – Кларисса склонила голову набок и пожала плечами. – Ничего страшного, милорд. Вам не нужно говорить об этом, если вам неловко. Я уверена, Лидия расскажет мне все

в день свадьбы.

Эйдриан побледнел от ужаса. Эта женщина запугает Клариссу рассказами, заставит ее дрожать от страха и отвращения; он был уверен в этом. Ему потребуется чертовски много времени, чтобы успокоить и утешить ее, и вся ночь окажется одним долгим, трудным, тягостным испытанием. Он не мог позволить Лидии объяснять ей эти вещи. Это должен сделать кто-то другой.

– Я попрошу мою мать все вам объяснить, – решил он. – Если Лидия попытается, просто велите ей прекратить и не слушайте ничего, что она скажет.

– О нет, – сказала Кларисса, решительно качая головой. – Мне будет слишком неловко разговаривать с вашей матушкой о таких вещах. Кроме того, это будет открытым оскорблением Лидии, а я начинаю думать, что ее скорее следует пожалеть, чем испытывать к ней неприязнь.

– Я не позволю Лидии запугивать вас рассказами о крови, боли и...

– Будет кровь и боль? – в ужасе спросила Кларисса.

– Нет, – ответил Эйдриан, проклиная про себя свой длинный язык.

– Да, но тогда почему вы сказали это? Кровь и боль будет! Вы просто не хотите, чтобы я об этом знала.

– Проклятие, – пробормотал Эйдриан.

Теперь он сам все испортил.

– Сколько будет крови и сколько боли, милорд? – Теперь

Кларисса выглядела ужасно встревоженной. Он снова выругался на самого себя.

– Кларисса... – начал Эйдриан, но она не дала ему закончить.

– Нет, милорд. Вам не удастся обмануть меня. Я узнаю, – настаивала она, а потом так же быстро сказала: – Забудьте об этом, я не хочу затруднять вас. Я спрошу Лидию, когда они с папой вернутся с бала. Может быть, это сблизит нас и мы с ней сможем стать друзьями.

Господь милосердный! Эйдриан сел прямо и твердо сказал:

– Я запрещаю вам спрашивать Лидию.

– Мы еще не женаты, милорд. Вы ничего не можете мне запрещать.

Эйдриан был потрясен безразличием, с которым она это произнесла.

– Вы собираетесь так же спокойно перечить мне после свадьбы?

– Боюсь, возможно, да, – призналась Кларисса извиняющимся тоном. Потом она быстро добавила: – Но только когда я действительно не согласна с тем, чему я не повинуюсь. – С губ Эйдриана сорвался смешок, и она удивленно наклонила голову набок. – Вы, кажется, не разозлились, милорд.

– Нет. Честно говоря, подозреваю, что очень мало женщин выходят замуж, намереваясь повиноваться. Меня радует, что вы признаетесь в этом.

– О... – Кларисса пожала плечами. – Ну, я действительно стараюсь быть честной, милорд.

– Правильно. – Эйдриан вздохнул и расправил плечи. – Если я расскажу вам об этом сам, вы не позволите Лидии запугать вас?

– Да.

– Ну, тогда я приложу все старания, чтобы просветить вас, – пробормотал он. Откинувшись на спинку сиденья, он задумался, с чего начать.

После нескольких минут его раздумий Кларисса спросила:

– Милорд? Вы не собираетесь рассказывать мне?

– Я думаю! – прорычал он.

И он думал. Он лихорадочно напрягал мозг, пытаясь разобраться, как объяснить такие вещи. Он вовсе не должен был объяснять такие вещи. Черт возьми, он же мужчина! Мужчины не рассказывают о сексе девицам. Или по крайней мере они не должны этого делать. Но ему, похоже, придется. Или так, или он позволит Лидии превратить их первую брачную ночь в кошмар.

– Возможно, я могу помочь, милорд.

Эйдриан заморгал от такого предложения и недоуменно повернулся к ней:

– Помочь?

– Да, – сказала Кларисса и добавила: – Ну, я не совсем невежественна. Я же росла в деревне и видела, как жеребцы

покрывают кобыл.

– Между мужчиной и женщиной все происходит не так, – сразу же сказал Эйдриан, но ее слова вызвали в его мозгу картину, как он делает именно это – взбирается на нее как жеребец. Он мог представить нежные линии ее спины, изгибы ее ягодиц, ее...

– Вы уверены? – прервала его задумчивость Кларисса. – Я однажды застала врасплох конюха, когда он в конюшне повалил одну крестьянку на тюк сена и...

– О Боже, пожалуйста, прекратите! – Эйдриан едва не задохнулся от возникшего в его голове образа Клариссы в платье крестьянки, лежащей на тюке сена, ее юбка задрана на бедра, и он входит в нее сзади.

Прогоняя этот образ из головы, он сделал несколько глубоких вдохов, потом поправился, в отчаянии объяснив:

– Это можно делать таким образом, но не в первый раз. В первый раз лучше быть лицом к лицу.

– О, я понимаю, – пробормотала Кларисса, и он уже готов был вздохнуть с облегчением, когда она спросила: – А почему?

Эйдриан откашлялся.

– Потому что первый раз будет немного неудобным для вас.

– Для вас первый раз тоже был неудобным? – спросила Кларисса.

– Нет.

– Тогда почему мой первый раз должен быть неудобным?

Это был вполне резонный вопрос, но Эйдриан не имел никакого желания объяснять. Он не мог. Он не знал, как говорить об этом, и не собирался даже пытаться. До тех пор, пока она не сказала:

– Все хорошо, милорд. Я спрошу Лидию, – и напомнила ему обо всех его прошлых страхах.

Выругавшись, он выпрямился.

– У вас есть... Существует такая... Спросите ее, – в конце концов выдавил он и сразу же почувствовал себя идиотом. Было бы легче показать ей – легче, чем объяснить, конечно. И другая часть его мозга, та, что подсовывала ему все эти непристойные, но забавные мысли, заметила, что если бы он показал ей это здесь, сегодня, ему не надо было бы бояться, что через неделю она откажется выходить за него; у Клариссы больше не было бы выбора, не важно, отвратителен ей его шрам или нет.

– Вот так?

– М-м?.. – Отвлеченный от своих мыслей, Эйдриан посмотрел в ее сторону и увидел, что Кларисса повернулась к нему лицом.

– Мы будем лицом друг к другу, вот так? – спросила она.

– Нет, вы будете лежать на спине, а я буду сверху, – рассеянно ответил Эйдриан, но нахмурился, когда эта картина возникла в его мозгу. Он представил, как Кларисса лежит на спине, ее лицо горит возбуждением, голова мечется из сто-

роны в сторону, как в ту ночь.

– Почему я должна быть на спине?

Эйдриан заморгал, прогоняя видения, и взглянул на нее, пытаясь сосредоточиться.

– Ну, не то чтобы это было обязательно. Это можно делать так, чтобы я лежал на спине, а вы были сверху. – Но эта картина немедленно возникла в его мозгу: он лежит на кровати, его руки накрывают и ласкают ее грудь.

– Существует много способов делать это, милорд?

– Да. – Эйдриан не мог не заметить, что его голос стал низким и хриплым. Весь этот разговор был довольно волнующим.

– И какие это могут быть способы? – спросила Кларисса.

Мозг Эйдриана мгновенно затопило. Он попытался прогнать картины всех способов, какими он мог заниматься с ней любовью, потом откашлялся и сказал:

– Ну, есть те, которые я только что упомянул; потом есть еще такой, где вы можете сидеть у меня на коленях, или...

– Правда? – прервала его Кларисса. – А как это можно сделать?

Эйдриан уставился на нее. Его мысли спутались, одна часть его хотела сделать все здесь и сейчас, после чего ей точно придется выйти за него, а другая часть возражала, что это не метод получить жену и что в свой первый раз она заслуживает лучшего, чем неудобная карета. Не говоря уже о вопросе уважения. Не слишком много уважения оказывает-

ся женщине, если овладеть ею в движущемся экипаже.

Но на самом деле его тело ничуть не заботилось ни об уважении, ни о вежливости. Оно не думало даже о том, что он обманом заставит ее выйти замуж. Его тело просто возбуждилось от всего этого разговора и хотело большего.

Не осознавая, что собирается сделать, Эйдриан вдруг протянул руки, схватил Клариссу за талию, поднял и усадил к себе на колени так, что ее ноги оказались по обеим сторонам его бедер.

Она задохнулась от неожиданности, обхватив руками его плечи, пытаясь сохранить равновесие. Ее глаза расширились.

– Вот так? – с сомнением в голосе спросила она.

Эйдриан притянул ее к своей груди, так что они почти соприкасались. Его голос был хриплым, почти неслышным.

– Да. И... вы должны двигаться вверх и вниз.

– Вверх и вниз? – неуверенно переспросила Кларисса. Она помедлила, потом приподнялась, опустилась и поднялась снова. – Вот так?

– Да. – Эйдриан смотрел, как ее грудь поднимается и опускается перед его глазами – опускается почти до уровня его губ, поднимается до глаз, потом опускается снова. Он облизнул губы, глядя, как от движения покачивается ее грудь. Если бы он совсем чуть-чуть опустил голову вперед, он мог бы целовать движущуюся перед ним нежную плоть.

– Это трудно, – заметила Кларисса.

– Да, – согласился Эйдриан, думая, что она говорит о его эрекции. Потом он понял, что она имеет в виду постоянное движение вверх и вниз, что это о напряжении мышц, не привыкших к такой нагрузке, и быстро сказал: – Я имел в виду, да, трудно.

– Но так мы не можем целоваться, не так ли? Когда я двигаюсь вверх и вниз? – Она, видимо, была очень озабочена этим фактом. Но да, ведь Кларисса уже говорила, что ей нравятся его поцелуи.

Положив руку ей на затылок, Эйдриан опустил ее вниз. Он накрыл ее рот своим и стал языком раздвигать ее губы прежде, чем она успела открыть их сама.

Кларисса замерла и со вздохом наслаждения устроилась на его груди. Эйдриан застонал, его плоть двинулась под ней, инстинктивно стремясь вверх. Если бы он опустил руку и убрал мешающую одежду, он мог бы сделать ее своей прямо сейчас, подумал Эйдриан. И в то же мгновение, как у него родилась эта мысль, его руки начали искать подол ее юбки – только чтобы обнаружить, что она сидит на нем.

– А какие есть еще способы? – спросила она, когда он оторвался от ее губ. Он смотрел вниз, пытаясь понять, не сможет ли каким-то образом убрать эту юбку.

Эйдриан помедлил, обдумывая ответ, а потом вдруг ринулся вперед. Кларисса от неожиданности едва не лишилась чувств. Он посадил ее на сиденье напротив, а сам приземлился на колени между ее ног на пол кареты.

– О! Это мило. Так мы легко сможем целоваться, – про-
бормотала Кларисса, широко улыбаясь.

– Да, – согласился Эйдриан, протягивая руки к подолу ее юбки. Но в этот момент карета вдруг остановилась. Это было так неожиданно, что от небольшого толчка он рухнул на пол, увлекая за собой Клариссу.

Эйдриан застонал от пронзившей его боли – ее бедро задело его пах. Потом он в тревоге взглянул на открывшуюся вдруг дверцу. Они с Клариссой устали на лакея, который смотрел на них разинув рот. Впрочем, испуг на его лице быстро сменился весельем.

– О... – Кларисса отбросила с лица волосы и смущенно улыбнулась. – Мы упали с сиденья.

– Да, миледи, – сказал лакей.

Эйдриан схватил Клариссу за талию и быстро усадил ее обратно на сиденье, а сам поднялся и выбрался из кареты, безуспешно пытаясь сохранить достоинство. Когда его ноги оказались на земле, он бросил суровый взгляд на ухмыляющегося лакея и обернулся, чтобы предложить Клариссе руку и помочь ей выйти.

Вопреки неспособности видеть Кларисса, должно быть, почувствовала, что лакей смеется, потому что ей захотелось сказать:

– Мы ничего не делали, Джеймс. Лорд Моубри просто показывал мне некоторые... – Она замолчала и нахмурилась. Она поняла, что на самом деле не может объяснить и этого.

– Он показывал вам некоторые?.. – побуждая ее продолжить, повторил Джеймс с весельем, гарантировавшим, что сегодня вечером об этой истории будет знать вся прислуга.

– Некоторые... вещи, – запинаясь, наконец ответила Кларисса.

– А. Он показывал вам некоторые... вещи. – Джеймс едва не умер на месте, пытаясь не расхохотаться. – Да, миледи. Уверен, именно это он и делал.

Эйдриан сдвинул брови. Его слуги не посмели бы так относиться к нему, подумал он и вздохнул. Хотя кого он пытается обмануть? Они бы делали то же самое и даже больше. В наши дни так трудно найти хороших слуг.

– Полагаю, теперь мы должны отвезти вас назад, – сказал лакей Эйдриану, когда он повел Клариссу по дорожке.

– Да, – напряженно ответил Эйдриан. – Я только провожу ее до двери.

– Очень хорошо, милорд.

– Очень хорошо, милорд, – проворчал себе под нос Эйдриан, удивляясь, что лакей даже потрудился изобразить уважение.

– Благодарю вас, милорд, за инструкции, – пробормотала Кларисса, когда они остановились у парадной двери.

– О, я... – Эйдриан заморгал, увидев, во что превратилась прическа Клариссы. Половина волос выбилась из пучка и теперь свисала вниз спутанной волной. Другая половина угрожающе кренилась в противоположном направлении.

Эйдриан вздохнул и поднял руку, чтобы совсем распу-
стить их. Ее шелковые локоны волнами заструились по ее
щекам и выглядели очаровательно, несмотря на беспорядок,
заметил он. Они будут смотреться восхитительно, рассыпав-
шись по его подушкам.

Эйдриан наклонился, чтобы поцеловать ее, задержавшись
всего на мгновение, когда дверь рядом с ними вдруг распах-
нулась.

Вздохнув, он шагнул назад и пробормотал:

– Доброй ночи.

– Доброй ночи, милорд, – ответила Кларисса и поверну-
лась, чтобы войти в дом.

Дождавшись, когда за ней закроется дверь, Эйдриан на-
правился назад к карете.

– Миледи!

Дверь ее комнаты резко распахнулась, и Кларисса, моргая,
села на постели.

– Что такое? – в тревоге спросила она, когда Джоан вбе-
жала в комнату.

– Прибыли ваши очки! – Горничная говорила так возбуж-
денно, как будто очки были ее собственные.

– О! – Кларисса радостно отбросила одеяла. Джоан, под-
бежавшая в этот момент к кровати, ойкнула. Кларисса услы-
шала стук о стену справа от себя, за которым последовал
звон, заставивший ее замереть.

– Что случилось? – в ужасе спросила она.

Горничная издала тихий стон. Потом, помолчав, заговорила сдавленным голосом:

– О, миледи, вы выбили очки у меня из рук, когда отбрасывали одеяло.

У Клариссы поникли плечи.

– Они разбились о стену, да?

– Боюсь, что так. – Джоан обошла кровать. Кларисса неохотно смотрела, как служанка подошла к стене и нагнулась, чтобы подобрать очки. Когда она стала собирать осколки, Кларисса расстроено опустила голову на руки. От ее очков остались осколки. И все это только ее вина.

– Простите, миледи, – пробормотала Джоан, и Кларисса подняла голову и увидела, что девушка стоит сбоку кровати, сложив ладони лодочкой, а в них, несомненно, было то, что осталось от очков.

– Это была не твоя вина, Джоан.

– Если бы я крепче держала их или...

Кларисса махнула рукой и покачала головой, вставая:

– Это была не твоя вина. А теперь, пожалуйста, помоги мне одеться. Сегодня леди Моубри ведет меня к модистке для последней примерки моего свадебного платья.

– Да, миледи. – Джоан положила осколки на прикроватный столик и стала помогать ей одеваться.

Все это время Кларисса молчала, думая только об очках, которые только что разбила, и о своей неуклюжести, из-

за которой все произошло. Случившегося было достаточно, чтобы расстроить ее. Она пыталась не допустить этого. Очки можно заменить. Она могла заказать новые, возможно, даже быстро – но ей очень хотелось иметь их прямо сейчас. По крайней мере одна часть ее хотела. Другая часть не так горела желанием. Может быть, это и глупо, но Кларисса беспокоилась, как отреагирует Эйдриан, увидев ее в них. Лидия устроила такой шум из-за ношения очков, что она обнаружила, что все-таки нервничает из-за его реакции. Вдруг он испугается и убежит далеко-далеко?

На самом деле Кларисса не думала, что он так сделает, но ведь правда, по ее мнению, в очках нет ничего привлекательного, и ей бы очень хотелось, чтобы ей вообще не надо было носить их.

– Все готово, миледи, – пробормотала Джоан.

Горничная подавленно молчала все время, пока умывала и одевала ее, и Кларисса знала, что она винит себя во всем случившемся. Что было просто глупо. На самом деле это не было ее виной. Это был просто несчастный случай, такой же, как многие случайности, преследовавшие ее с тех пор, как Лидия забрала у нее первую пару очков.

– Теперь мне свести вас вниз, миледи?

– Да, пожалуйста, Джоан, – пробормотала Кларисса и встала, чтобы взяться за руку, которую ей протянула горничная.

Коридор второго этажа был пуст. По пути вниз они не

встретили никого, ни одного человека до тех пор, пока не дошли до первого этажа. И надо же было, войдя в холл, наткнуться на Лидию, шедшую по коридору.

– Вот ты где, – сказала мачеха, направляясь к ним. – Фолкс сказал, что доставили твои очки. Почему ты не надела их?

Кларисса почувствовала, что рука Джоан напряглась, и она ободряюще похлопала по ней, когда сказала:

– Боюсь, произошел несчастный случай, и я разбила их.

– Что? – взревела Лидия и сразу же повернулась к Джоан: – Как ты позволила этому случиться?

– Это не вина Джоан, – твердо сказала Кларисса. – Я случайно выбила их у нее из рук, радуясь, что их привезли.

– Мне надо было их крепче держать, – расстроено сказала Джоан, и Кларисса готова была шлепнуть ее за то, что она заговорила. Она была уверена, что в противном случае Лидия оставила бы ее в покое, но слова горничной обратили гнев Лидии на нее.

– Ты глупая, глупая девчонка! – раздраженно закричала она. – Собирай вещи. Я хочу, чтобы ты немедленно убралась отсюда!

– Да, миледи. – Джоан попыталась высвободить руку из пальцев Клариссы, но Кларисса удержала ее.

– Джоан моя горничная, Лидия. Я собиралась просить разрешения забрать ее с собой, когда выйду замуж, но поскольку вы увольняете ее, полагаю, спрашивать нет необхо-

димости. – Она повернулась к Джоан и мягко сказала: Тебе действительно нужно собрать вещи, Джоан. Если ты хочешь поехать со мной, тебе придется это сделать.

– Она не останется под этой крышей. Она...

– Лидия! – Джон Крамбри появился в дверях утренней столовой, его лицо было мрачно. Очевидно, он слышал все и был недоволен.

Лидия медленно и неохотно повернулась к нему.

– Да? – угрюмо отозвалась она.

– Достаточно, – твердо сказал отец Клариссы. – Если Кларри хочет забрать Джоан с собой, она, разумеется, может это сделать. Джоан останется здесь до отъезда Клариссы, а потом поедет с моей дочерью в ее новый дом в Моубри. – Он обратился к горничной: – Ты хочешь поехать с ней?

– Да, милорд, для меня это честь, – быстро ответила Джоан.

Джон Крамбри кивнул:

– Тогда тебе лучше начать собирать вещи. Свадьба всего через два дня.

– Спасибо, милорд. – Джоан помедлила и повернулась к Клариссе: – Я еще вам нужна, миледи?

– Нет. Со мной все будет в порядке. Я просто выпью чая с тостом, пока буду ждать леди Моубри, – ответила Кларисса, похлопывая ее по руке. – Ты иди, занимайся делами, которые должна сделать до нашего отъезда.

– Да, миледи. Спасибо, миледи.

Кларисса смотрела, как туманная фигура девушки поспешно удаляется, и потом повернулась к отцу и Лидии. Она неуверенно ждала. Мачеха стояла, неподвижная и молчаливая, но Кларисса чувствовала исходящие от нее волны ярости.

– Иди сюда, Клари, – спокойно сказал ее отец. – Тебе нужно что-то посерьезнее тостов с чаем, если предстоит целый день примерок.

Кивнув, Кларисса пошла к нему, все время думая о Лидии. Она подозревала, что та пыталась уволить Джоан, на зло ей. Если бы только Кларисса знала, как наладить отношения между ними. Лидия, видимо, невзлюбила ее с самого начала, и эта нелюбовь с годами, похоже, лишь возросла. Кларисса понятия не имела, что было причиной такого отношения, как не знала и способа это исправить.

Она съела три сосиски, два яйца, кровяную колбасу, жареный хлеб и выпила тричашки чая прежде, чем приехала леди Моубри. Отец сидел с ней все время, пока она ела, болтая о новостях, о погоде, о предстоящей свадьбе и множестве всякой всячины, чтобы занять ее. Когда объявили о прибытии леди Моубри, Кларисса встала, поцеловала на прощание отца и поспешила присоединиться к матери Эйдриана в холле.

Предположительно бывшая в своей комнате, Лидия спустилась по лестнице сразу же вслед за Клариссой. Подозревая, что ее настроение ничуть не улучшилось, Кларисса не остановилась, чтобы попрощаться с ней, а поспешила со сво-

ей будущей свекровью прочь из дома.

– Боже мой, – пробормотала леди Моубри, когда они садились в карету. – У леди Крамбри лицо мрачнее тучи. Она, случайно, не в трауре?

Кларисса вздохнула и уже хотела сказать, что нет, но потом решила, что правда будет лучше, и порадовала леди Моубри историей о своих разбитых очках и о том, что Лидия обвинила в происшедшем Джоан.

Леди Моубри посочувствовала, но согласилась, что тут нет чьей-то вины. В конце концов, такое может случиться с каждым. Потом она произнесла загадочную фразу:

– Эйдриан будет доволен.

Кларисса заморгала, услышав такое странное замечание, и быстро отвернулась к окну, чтобы скрыть свою тревогу. Значит, ему настолько не нравятся очки? Ему отвратительно ее решение носить их? Она надеялась узнать у леди Моубри, нельзя ли ей сделать новые в городе, но теперь побоялась спрашивать об этом. Нахмурившись, она думала, что ей делать дальше, пока они ехали по городским улицам.

Она продолжала размышлять и когда терпеливо стояла, пока портниха суетилась, собирала в складки и подкалывала платье, которое, как заверяли ее все вокруг, было очаровательно. Как только они закончили и портниха занялась платьем леди Моубри, которое шила для свадьбы, Кларисса вышла прогуляться перед ателье, все еще погруженная в свои мысли.

– Могу я что-нибудь для вас сделать, миледи? Может быть, чаю, пока вы ждете?

Кларисса узнала голос помощницы портнихи и поэтому остановилась, чтобы спросить:

– Здесь поблизости есть магазин, где продают очки?

– О да. Всего через два магазина отсюда, – сказала девушка, довольная, что может помочь.

– Спасибо. – Взгляд Клариссы скользнул по двери в глубине ателье. Там портниха наверняка одевает леди Моубри, суетясь вокруг ее платья. Поэтому, когда помощница ушла, Кларисса колебалась всего мгновение, а потом выскользнула за дверь. Там она остановилась. Девушка сказала, что нужно пройти два магазина, но не сказала, в какую сторону. Кларисса помедлила, потом пошла налево. Она сначала двинется в одну сторону, а если не повезет – пойдет обратно.

Клариссе повезло, и она выбрала верное направление. Она останавливалась у каждой витрины и прижималась лицом к стеклу, чтобы увидеть, что выставлено внутри. Через два магазина она обнаружила то, что искала. Уже оттого, что она вошла в магазин, она почувствовала себя гораздо лучше. Она была близка к тому, чтобы снова начать видеть.

– Могу я помочь вам, миледи?

Вздвогнув, Кларисса обернулась и сощурилась на мужчину, который двигался так тихо, что она не слышала, как он подошел. Заставив себя успокоиться, она сказала:

– Мне нужны очки.

– Ну, тогда вы пришли туда, куда надо, миледи. У меня широчайший выбор.

И все оказалось невероятно просто. Несколько минут спустя Кларисса вышла из магазина с парой новых очков на носу и широкой улыбкой на лице. Это было чудо. Это было блаженство. Она снова могла видеть!

Кларисса посмотрела в обе стороны улицы, глядя на прохожих, замечая мельчайшие детали их одежды и черты лиц, потом стала рассматривать лошадей и экипажи. Чудесно! У нее вырвался довольный вздох. Через минуту она быстрым шагом отправилась назад в ателье, желая вернуться до того, как леди Моубри заметит ее отсутствие. Честно говоря, она пока не собиралась сообщать ей о своем маленьком путешествии. Только не о ее новых очках. Клариссе хотелось сначала узнать, что думает по этому поводу Эйдриан. Если он действительно питает отвращение к очкам, она немного подождет, прежде чем надеть их при нем... до тех пор, пока пройдет достаточно времени, чтобы он полюбил ее. Когда он полюбит ее, он, конечно же, не будет сильно возражать, чтобы она носила очки.

По крайней мере она на это надеялась. У Клариссы не было желания провести всю жизнь слепой.

Остановившись перед ателье, Кларисса последний раз посмотрела на четкий и ясный мир вокруг, со вздохом сняла очки и сунула их в маленький мешочек в складках юбки. Пока они будут ее маленьким секретом. Она будет наслаждаться-

ся ими, оставаясь одна, а в остальное время будет прятать их, пока не узнает, что на этот счет думает Эйдриан.

Снова став полуслепой, Кларисса вошла в ателье и как раз двигалась к куску ткани на боковом столике, когда из задней комнаты появилась леди Моубри.

– Вы готовы идти, моя дорогая? Я подумала, мы могли бы сегодня выпить чаю у Эйдриана. Так вы сможете познакомиться со своими слугами.

Кларисса удивленно подняла брови:

– У Эйдриана есть собственный дом в городе?

– О да. Он купил его, когда был молод и необуздан, и ему было нужно место, где он мог бы плохо себя вести. – Леди Моубри весело покачала головой. – Думаю, сейчас он сохраняет его, только чтобы позлить меня. И чтобы избежать моих надоедливых предложений посетить какой-нибудь бал или пьесу.

Кларисса улыбнулась:

– Чай с Эйдрианом – это замечательно, миледи.

– Ну тогда идем. – Мать Эйдриана взяла ее за руку, чтобы вывести из магазина, и добавила: – Кларисса, дорогая... Я знаю, что вы не очень хорошо ладите с Лидией, и хочу, чтобы вы знали, что если вам когда-нибудь что-нибудь понадобится – все, что угодно, – или просто будет нужно с кем-то поговорить, мне бы хотелось, чтобы вы, не стесняясь, обращались ко мне. Мне очень приятно считать вас своей дочерью, и мне бы хотелось обращаться с вами как с дочерью.

Кларисса сглотнула вдруг появившийся в горле комок и кивнула:

– Благодарю вас, миледи. – Это было все, что она смогла сказать.

Глава 11

– Вот, возьмите. – Эйдриан положил кошелек с деньгами на свой письменный стол и со вздохом откинулся в кресле.

Мартин Хедди забрал деньги.

Первый раз Эйдриан воспользовался помощью Хедли несколько лет назад, когда из его родового поместья начали пропадать вещи. Ему его рекомендовал сосед, несколько раз прибегавший к услугам Хедли и считавший его компетентным в таких делах. Хедли нанялся в Моубри лакеем – или по крайней мере так это выглядело. На самом же деле его единственной целью было узнать, куда пропадает столовое серебро и фамильные драгоценности Моубри. Он поймал горничную, на чьей совести это было, через неделю после приезда на место.

На Эйдриана это произвело должное впечатление. Позднее он обращался к Хедли по некоторым другим вопросам и верил в него достаточно, чтобы немедленно позвать его, когда был в отчаянии от неудачных попыток встретиться с Клариссой. Он нанял Хедли узнать, на каких светских мероприятиях должны присутствовать Кларисса с мачехой, в надежде найти способ увести оттуда Клариссу. Теперь, разумеется, в этом не было необходимости, потому что они были помолвлены, и поэтому Эйдриан решил расплатиться за услуги, что и делал сегодня. Но это была не единственная при-

чина, почему он хотел встретиться с Хедли.

– Благодарю вас, милорд. Я ценю, что вы быстро оплачиваете свои счета. Мало кто делает это, и мне приходится требовать оплаты. – Кошелек с деньгами благополучно перекочевал в его карман, и Хедли поудобнее устроился в кресле и вопросительно поднял бровь. – В своей записке вы упомянули, что у вас для меня может быть еще одно дело?

– Да. Оно тоже имеет отношение к Клариссе. – Эйдриан нахмурился, его взгляд скользнул на окно, выходящее в сад позади дома. – Существует вероятность, что кто-то хочет навредить ей.

Хедли вопросительно посмотрел на него:

– Милорд?

– Полагаю, во время вашего предыдущего расследования вы узнали о невероятном количестве несчастных случаев, которые с ней произошли.

Хедли медленно кивнул:

– Выяснилось, что леди обычно носит очки, но ее мачеха забрала их. Без очков девушка чрезвычайно подвержена разным неприятностям и, сверх того, еще и несчастна.

Эйдриан почувствовал некоторое облегчение, ободренный тем, что сыщик разобрался в этом вопросе. Никто другой, кроме него самого, похоже, ничего такого не замечал. Хедли был профессионалом. Он справится с этим делом.

– Да, причиной большинства этих несчастных случаев могло стать ее плохое зрение, но есть пара таких, которые

заставляют меня задуматься.

Хедли поджал губы, а потом сказал:

– Догадываюсь, что, в числе прочих, ее падение на улице, когда она чуть не попала под экипаж.

Эйдриан кивнул, не удивленный тем, что сыщик слышал эту историю. Хедли был известен своей скрупулезностью.

– А другой? – спросил он.

– В вечер нашей помолвки леди Крамбри устраивала бал. Мы с моим кузеном Реджиналдом Гревилл он составили план, как я могу увидеть Клариссу. Он должен был пойти на бал с другом, найти Клариссу, пригласить ее на танец или что-нибудь еще, чтобы отвести ее в сторону и сказать ей, что я буду ждать ее у фонтана. Я прибыл на бал чуть раньше, чем он, чтобы найти условленное место и уесть ее там. Учитывая это, представьте мое удивление, когда, подойдя к фонтану, я обнаружил плавающую в нем Клариссу.

Брови Хедли удивленно поползли вверх, и он выпрямился в кресле.

– Что произошло?

– Она сказала, что получила от меня записку, поспешила к фонтану, чтобы встретиться со мной, и в спешке налетела на ветку дерева.

Хедли нахмурился:

– Как же она оказалась в фонтане?

– Кларисса говорит, что помнит, как, спотыкаясь, подавалась вперед и, должно быть, упала в него, когда потеряла со-

знание.

Хедли беззвучно присвистнул и откинулся на спинку кресла, потом покачал головой:

– Что ж, это достаточно правдоподобно, милорд. Почему выдумаете, что это не мог быть несчастный случай?

– Потому что я не посылал ей никакой записки.

– Ваш кузен...

– Должен был поговорить с ней лично, чего ему так и не удалось, потому что она уже плавала в бассейне, когда он приехал, – сказал Эйдриан. – Кларисса получила послание, в котором говорилось, что она должна встретиться там с кем-то. Оно было подписано «Э.М.», но я не посылал его!

Хедли снова выпрямился, его лицо было мрачно.

– Это подозрительно. Но она помнит, что наткнулась на ветку?

– Без очков она практически слепа. Кларисса не могла знать, во что врезалась, – заметил Эйдриан и добавил: – Если она вообще на что-то наткнулась. Насколько я могу судить, там нет веток достаточно низких, чтобы о них можно было удариться головой. А даже если бы были, трудно поверить, что после удара она могла пройти так далеко.

– Думаю, мне надо осмотреть этот фонтан и местность вокруг него, – объявил Хедли, и Эйдриан кивнул.

– Я это организую, – сказал он, потом посмотрел на свои карманные часы и пробормотал: – Вообще-то сегодня утром моя мать повезла Клариссу на примерку и говорила что-то

о том, чтобы после этого выпить с ней чаю. Мы могли бы составить им компанию и осмотрели бы фонтан при дневном свете. Вы можете сопровождать меня.

– Как вы объясните мое присутствие? – с интересом спросил Хедли.

Эйдриан пожал плечами:

– Представлю вас как друга или моего помощника.

– Лучше как помощника, – решил Хедли. – Вы можете сказать, что хотите, чтобы я осмотрел фонтан, потому что вы желаете устроить такой в своем загородном поместье и вам нужно разобраться в его устройстве.

– Это подойдет. – Эйдриан медленно кивнул и поднялся на ноги. – Идемте, мы можем отправиться туда прямо сейчас.

Он направился прочь из своего кабинета, но едва успел переступить порог, как увидел Джессопа, неспешно приближающегося к нему.

– Вы уходите, милорд? – спросил слуга с почтением, обычно для него несвойственным. Эйдриан знал, что на него так действует присутствие Хедли.

– Да. Моя мать говорила, что будет пить чай с Клариссой после примерки, поэтому мы едем туда. Они должны уже закончить к этому времени, не так ли?

– Я не знаю, милорд, – произнес Джессоп тоном таким сухим, что, казалось, в нем был слышен скрип песка.

– Гм-м... – Эйдриан слегка поморщился. – Прикажи подать карету к крыльцу, пожалуйста.

– Очень хорошо, милорд. – Повернувшись, Джессоп направился по коридору. Эйдриан взял пальто и шляпу и направился к выходу.

– Вы начали интересоваться случаем с каретой из-за этого происшествия с фонтаном? – спросил Хедли, когда они надели пальто и ждали карету.

– Меня заставил задуматься тот факт, что ее заманили к фонтану с помощью письма якобы от моего имени, – сказал Эйдриан. – Это и то, что ее вытолкнули на улицу. А потом еще тот факт, что она понятия не имеет, кто ее толкнул. А еще ее падение с лестницы.

– Я не слышал об этом, – сказал Хедли. – Что произошло?

– Обычно Клариссу кто-то сопровождает, чаще всего ее горничная. Она сказала, что в тот раз ей надоело, что ее водят за руку, и решила сама спуститься вниз. Она споткнулась обо что-то на верхней ступеньке лестницы. Однако никто, похоже, не знает, обо что же она споткнулась. – Эйдриан нахмурился. – Это может прозвучать глупо, но я был уверен, что когда она упала, они поднялись на лестницу посмотреть, на что же она наткнулась. Но, видимо, никто этого не сделал.

Хедли молчал, размышляя, и Эйдриан нетерпеливо продолжил:

– Я знаю, нет никаких доказательств, подтверждающих, что это было что-то большее, чем просто несчастный случай, но теперь это меня беспокоит. Да, после истории с фонтаном.

– Ее очевидная неуклюжесть, несомненно, очень удобный

предлог, если кто-то за всем этим стоит, – задумчиво про-
бормотал Хедли.

– Мне это тоже приходило в голову, – согласился Эйдриан.

– Очки у нее забрала мачеха. Вы думаете, что она стоит за всеми этими происшествиями? – Хедли пожевал губу. – Она определенно испытывает какую-то странную неприязнь к девушке. По крайней мере мне так показалось. Не забудьте, я не рассматривал именно этот аспект, так что тут я могу ошибаться.

– Вы не ошибаетесь, – заверил его Эйдриан. – Полагаю, Лидия отождествляет Клариссу с ее умершей матерью, которую каким-то образом считает соперницей в борьбе за любовь лорда Крамбри.

– Понимаю, – сказал Хедли и больше не проронил ни слова, пока подавали карету. Эйдриан сказал кучеру, куда ехать, они сели в экипаж и в молчании добрались до дома Крамбри.

– Леди Клариссы нет дома, – объявил Фоулкс, открыв дверь и увидев Эйдриана, стоящего на пороге вместе с Хедли.

Эйдриан ответил:

– Я должен был встретиться с леди Клариссой и моей матерью здесь, чтобы выпить чаю после примерки.

– Они еще не вернулись, – сообщил дворецкий.

Эйдриан уже начал думать, что им придется ждать в карете, когда за спиной угрюмого дворецкого в холле появился

Джон Крамбри и сказал:

– Здравствуй, Эйдриан! Входи! Кларисса с твоей матушкой скоро вернутся, если только они не заедут куда-нибудь еще. Впусти джентльменов, Фоулкс, и проведи их в гостиную.

– Очень хорошо, милорд. – Фоулкс распахнул дверь и отступил в сторону, пропуская гостей.

– К несчастью, я как раз собирался уходить, – извиняющимся тоном сказал лорд Крамбри. – Я встречаюсь со старым другом в клубе; в противном случае я непременно составил бы вам компанию.

– Все в порядке, милорд. Может быть, я просто покажу Хедли фонтан, пока мы ждем возвращения дам? Я собираюсь устроить такой в моем загородном поместье и хотел бы выслушать его мнение об этом.

– О, пожалуйста. Клариссе очень нравится этот фонтан. Она часто сидит около него и читает. Вернее, читала, – с гримасой поправился он. – Когда у нее были очки. Кстати говоря, ее запасная пара очков прибыла сегодня утром.

Эйдриан окаменел, услышав это, но сразу же расслабился, когда лорд Крамбри добавил:

– К сожалению, произошел небольшой несчастный случай, и они разбились.

Облегчение, которое испытал Эйдриан, было почти осязаемым. Он чувствовал, как все его тело расслабляется... пока отец Клариссы не сказал:

– Я отвезу ее в магазин здесь, в городе, и куплю ей новую пару еще до свадьбы.

– В этом нет необходимости, милорд, – быстро сказал Эйдриан. – Я сам позабочусь об этом.

Лорд Крамбри сначала колебался, потом кивнул.

– Как пожелаешь, – сказано он и, к большой радости Эйдриана, направился к двери. – Прогуляйтесь к фонтану. Я уверен, Кларисса и леди Моубри скоро вернутся.

– Сюда, джентльмены, – объявил Фоулкс и, закрыв за хозяином парадную дверь, повернулся, чтобы провести их в холл.

Эйдриан заговорил сразу же, как только дворецкий привел их к стеклянным дверям гостиной.

– Отсюда мы доберемся сами, – сказал он.

– Как пожелаете. – Фоулкс кивнул и отвернулся. – Я позабочусь, чтобы кухарка приготовила чай к возвращению дам.

Эйдриан открыл стеклянные двери и вышел наружу. Он никогда не подходил к фонтану с этой стороны – в день бала он пришел от задней калитки, – но без труда нашел нужное место. Он знал, что фонтан находится в правом углу сада, поэтому просто пошел по дорожкам, ведущим в том направлении.

– Вот мы и пришли, – сказал он, когда они добрались до лужайки.

Хедли остановился, взглянул на фонтан, потом повернулся и посмотрел на дорожку, с которой только что сошел.

– Она пришла сюда этим путем?

– Это дорожка, по которой они с Джоан уходили, поэтому я делаю вывод, что и пришла она так же, – ответил Эйдриан. Он направился вслед за Хедли взглянуть на деревья в конце дорожки. Ни одна ветка не была достаточно низкой, чтобы вызвать неприятности. Ни ему, ни Хедли даже не пришлось наклонять голову, чтобы пройти под деревьями, а Кларисса доставала Эйдриану только до подбородка.

Хедли вернулся к фонтану, чтобы осмотреть его.

– Кларисса думает, что ударилась головой о ветку, когда выходила с тропинки, – сказал Эйдриан. – И она помнит, что потом, шатаясь, сделала один-два шага вперед, прежде чем упасть и потерять сознание.

Хедли прикинул, что фонтан в добрых десяти футах от дорожки, и покачал головой.

– Так она не могла оказаться в фонтане, – сказал он.

– Я тоже так думаю, – невесело признался Эйдриан.

– И она определенно не ударялась головой о ветку, когда шла по дорожке. Ветки вокруг подрезаны слишком высоко, чтобы она могла обо что-то удариться.

– Да, – согласился Эйдриан.

– Боюсь, вы правы, милорд, – сказал Хедли, подходя к кустам слева от дорожки и шевеля ногой нижние ветки. Он внимательно осмотрел землю. – Непохоже, чтобы это был несчастный случай.

– Да. – Эйдриан нахмурился и повернулся, чтобы взгля-

нуть на фонтан, вспоминая, как сердце замерло в его груди, когда он заметил плавающую в воде фигуру. Тогда он думал, что потерял ее, и это была отнюдь не приятная мысль. Эйдриан и до этого знал, что она нравится ему, но только тогда он понял, что его чувства к ней гораздо глубже. Да, он очень сильно опасался, что находится на пути к тому, чтобы полюбить эту женщину.

– О-хо! Что это у нас здесь?

Услышав это мрачное замечание, Эйдриан обернулся к Хедли и увидел, что тот наклонился, чтобы что-то поднять. Через мгновение Хедли выпрямился, держа в руке длинную толстую ветку. Нахмурившись, Эйдриан подошел к нему.

– Вы думаете, это та самая ветка? Думаете, Кларисса сломала ее, когда ударилась?

– Только если она ее сначала подпилила, – сухо сказал Хедли.

Эйдриан увидел следы пилы на толстом конце ветки, потом заметил прядь длинных каштановых волос, застрявшую в коре. Хедли вытащил волосы и поднял бровь.

– Это Клариссы, я полагаю. Цвет тот же самый.

Эйдриан кивнул.

– Итак, кто-то заранее отпилил это, заманил ее к фонтану и ударил по голове. Потом ее бросили в фонтан, без сомнения ожидая, что она утонет. Ваша идея встретиться с ней здесь – это единственное, что спасло Клариссу в тот вечер.

Эйдриан почувствовал, как холодный страх начинает рас-

ти в его душе. Только его желание увидеть ее в тот вечер спасло ее. И если бы он выбрал другое место для встречи или другой день, Кларисса была бы сейчас мертва. От одной этой мысли сердце леденело в его груди. Сила его переживаний была немного пугающей. Эйдриан знал ее совсем недолго, и все же ее счастье и безопасность уже были чрезвычайно важны для него.

Хедли бросил ветку на землю и отряхнул руки.

– Что насчет пожара?

Эйдриан заморгал.

– Пожара?

– В ту же самую ночь. Я так понимаю, здесь был пожар. Вас с Клариссой нашли вместе в довольно компрометирующей ситуации, и вы объявили о своем намерении жениться на ней.

– А, да. Я забыл об этом. – Эйдриан сжал губы. – Пожар начался прямо за дверью ее комнаты. Видимо, в холле на столике забыли горящую свечу, она каким-то образом опрокинулась, и начался пожар – по крайней мере говорят, что так случилось.

– Вы не верите этому? Это из-за этой...

– Дверь Клариссы была заперта или чем-то загорожена снаружи. Правда, это не имело значения; к тому времени, когда я заметил пожар и попытался выйти, дверь была раскаленной. За ней полыхало пламя. Нам пришлось выбирать-ся через окно. Однако если бы она была одна и спала...

Хедли мрачно кивнул.

– Я займусь инцидентом на рынке, когда ее едва не раздавили. Есть вероятность, что это действительно был несчастный случай. И все же я порасспрошу людей и узнаю, не помнит ли кто тот день и не видели ли поблизости кого-то, кто мог толкнуть ее. Я также мог бы поговорить со слугами здесь о том дне, когда она упала с лестницы, но...

– Нет. – Эйдриан покачал головой. – Я бы не хотел, чтобы здесь узнали, что мы подозреваем, что кто-то пытается повредить ей.

Хедли кивнул.

– А что с Клариссой? Если кто-то пытается убить ее, как мы считаем, то теперь, накануне свадьбы, они могут удвоить усилия.

– Я позаботился об этом. Я плачу трем лакеям Крамбри, чтобы они не спускали с нее глаз. Я устроил это в ночь пожара, – мрачно сказал Эйдриан.

– А что насчет ее горничной? – спросил Хедли.

Эйдриан пожал плечами:

– И так предполагается, что она должна приглядывать за ней; она везде водит ее за руку. Кроме того, я боюсь, что она может рассказать об этом Клариссе, которую я не хочу тревожить, а тем более пугать. У нее и так достаточно переживаний из-за приготовлений к свадьбе.

Хедли кивнул.

– Трех должно быть достаточно. Есть еще...

– Эйдриан Максимилиан Монтфорт!

Напрягшись, Эйдриан повернулся к дорожке, на которой появилась его мать, ведя под руку Клариссу. У него, несомненно, неприятности; его мать использовала его полное имя только тогда, когда считала, что он в чем-то провинился. Но он, похоже, не мог думать об этом. Он забыл обо всем, увидев Клариссу.

Она была в восхитительном кремовом платье, а ее волосы – хотя и приподнятые с боков – были распущены, как в ту ночь в ее комнате. Это нравилось ему больше, чем те строгие прически, которые женщины всегда делают для балов. Кларисса выглядела очаровательно.

– О, перестань пялиться на Клариссу, – нетерпеливо сказала его мать, она, похоже, была не в духе. – Она скоро станет твоей женой, и ты сможешь смотреть на нее, сколько пожелаешь. А сейчас мне нужно твое внимание.

Эйдриан моргнул и, неохотно отвернувшись, смиренно спросил:

– Что я сделал не так?

– Ты не помнишь, что я говорила о чаепитии с Клариссой сегодня? – сурово спросила его мать.

Брови Эйдриана поползли вверх.

– Да. Вообще-то мы с Хедли решили присоединиться к вам. Вот почему мы здесь.

– Ну, это очаровательно, – с улыбкой сказала леди Моубри. Улыбка исчезла, когда она сказала: – Если не считать то-

го, что мы должны были пить чай у тебя дома.

Эйдриан непонимающе заморгал:

– У меня?

Леди Моубри раздраженно вздохнула:

– Да, Эйдриан, у тебя дома. Ты должен был организовать своих слуг, чтобы они навели идеальный порядок в доме и надели свои лучшие воскресные костюмы, чтобы Кларисса могла увидеть их всех и познакомиться – и со своим новым домом и со слугами в нем – до свадьбы.

– О... – Эйдриан, ничего не понимая, смотрел на нее. Затем он смутно припомнил, что мать действительно что-то говорила о чае с Клариссой, после которого должна была состояться встреча Клариссы со слугами. Они пока еще не были ее слугами, но скоро станут, и чаепитие в его доме давало возможность познакомиться с ними.

Это была очень хорошая идея. Даже гениальная. Жизнь Клариссы изменится после свадьбы. У нее будет новый дом и новые слуги, и встреча с ними заранее действительно была важна. Очень стыдно, что он пропустил слова своей матери мимо ушей.

Леди Моубри еще раз притворно вздохнула и посмотрела на Хедли:

– Мистер Хедли. Мой сын говорил мне о вас.

Эйдриан напрягся, боясь, как бы она не сказала, что именно он говорил ей об этом человеке. Но она была достаточно умна, чтобы не делать этого, и просто представила его Кла-

риссе:

– Кларисса, это мистер Хедли. Он время от времени помогает Эйдриану в делах. Мистер Хедли, это моя будущая невестка, леди Кларисса Крамбри.

– Леди Крамбри.

Хедли с улыбкой шагнул вперед, чтобы поцеловать ей руку, а его глаза в это время изучали ее голову. Эйдриан знал, что он ищет рану, оставшуюся после столкновения с веткой. Однако уже ничего не было видно. С того дня прошло уже полторы недели, и хотя тогда на голове у нее была шишка и синяк, теперь они исчезли. Если бы Эйдриан мог вызвать сыщика скорее, тому было бы на что посмотреть, но Хедли уезжал на север Англии по заданию другого аристократа. Он вернулся только накануне, и утром первым же делом приехал к Эйдриану.

– Добрый день, мистер Хедли, – пробормотала Кларисса.
– А в чем вы помогаете Эйдриану?

Эйдриан замер от этого вопроса, но ему не стоило беспокоиться. Хедли соображал очень быстро и солгал без промедления:

– О, то одно, то другое. Честно говоря, во всем понемножку.

– О... – протянула Кларисса, но любопытство ее не исчезло.

Хедли продолжил:

– В действительности его сиятельство как раз говорил мне

сегодня утром, что хочет создать в поместье Моубри фонтан, похожий на тот, что находится здесь, в доме вашего отца, почему и пригласил меня сегодня на чай с вами. Он думал, что так мы сможем познакомиться, а я смогу взглянуть на фонтан, чтобы знать, о чем идет речь, когда буду разговаривать с рабочими о строительстве, – объяснил он. Эйдриану оставалось только восхищаться ловкостью этого человека.

– О, конечно. – Кларисса широко улыбнулась. – Это было бы чудесно. А теперь мистер Хедли вернется в ваш дом, чтобы выпить с нами чаю, не так ли?

– Э... – Эйдриан нахмурился. – Кажется, Фоулкс сказал, что позаботится, чтобы кухарка подала нам чай здесь.

– Мы объяснили Фоулксу, в чем дело, когда приехали, – сказала Кларисса. – Он просил не беспокоиться, потому что, по его мнению, кухарка едва ли успела поставить воду на огонь.

– Мы также объяснили это недоразумение Джессопу, – заявила мать Эйдриана. – И он собирался проследить, чтобы твоя кухарка сразу же начала готовить чай, так что к нашему возвращению все будет готово.

– Вы были в моем доме? – спросил Эйдриан. Мать кивнула.

– Как, по-твоему, мы узнали, что вы здесь? Джессоп сказал нам. Мы объяснили ему, что ты все перепутал и что мы будем пить чай у тебя, а потом поехали за тобой, чтобы привезти тебя обратно.

– О, ну тогда... Полагаю, мы можем ехать домой, – про-
бормотал Эйдриан, думая о том, как его слуги недо вольны
им сейчас. Он давно понял, что, раздражая слуг, можно на-
влечь на себя много неприятностей.

Они прошли по дорожке к дому и уже готовились сесть в
карету, когда Хедли сказал:

– Вообще-то, милорд, может быть, мне сейчас лучше за-
няться этим новым делом, чем составить вам компанию за
чаем, как ни жаль мне пропускать такое событие.

– О да. Да, конечно. – Эйдриан протянул ему руку. – Спа-
сибо, Хедли. С нетерпением жду от вас вестей.

Сыщик, кивнув, пожал его руку, повернулся и пошел
прочь по улице.

– Значит, мистер Хедли все-таки не присоединится к нам?
– спросила Кларисса, когда Эйдриан сел в карету. Он распо-
ложился на пустом сиденье напротив дам.

– Нет. У него есть неотложные дела, – рассеянно ответил
он, усаживаясь, его глаза скользили по ее телу. Она была как
луч солнца в этом светлом платье, и Эйдриана восхищало,
что она становилась все прекраснее с каждым разом, как он
видел ее.

Во время короткой дороги домой его мать завела разго-
вор об их утренней примерке, и Эйдриан вполуха слушал их
болтовню. В его голове возникали воспоминания о той по-
следней поездке в карете с Клариссой, и он решил, что, воз-
можно, и хорошо, что он живет недалеко от дома своей ма-

тери. Даже сейчас он чувствовал сильное возбуждение.

Джессоп распахнул перед ними парадную дверь еще до того, как они подошли к ней.

– Добро пожаловать домой, милорд.

Один взгляд на его лицо, и Эйдриан понял, что теперь он в немилости у своего дворецкого, а может быть, и у всех остальных слуг. Ему не нужно было видеть ту напускную вежливость, с которой его приветствовали, чтобы понять это. Наверное, слуги носились как угорелые, моя и начищая полы до блеска. Не то чтобы его дом или слуги не всегда были аккуратными и чистыми, но они наверняка навели особый порядок в доме, или по крайней мере постарались сделать это за то короткое время с момента, когда узнали о приезде своей новой хозяйки.

Да, если бы они раньше узнали о визите Клариссы, они бы сделали все, что было в их силах, чтобы произвести хорошее первое впечатление. Однако им это не удалось, потому что он своевременно не сообщил им, что сегодня планировалось чаепитие. Потому, собственно, Джессоп и бросал на него теперь такие взгляды, словно он был каким-то грязным пятном, которое тот только что заметил на ковре.

– Не беспокойтесь, Джессоп, – сказала леди Моубри, входя в дом. – Я уже отчитала его за то, что он плохо слушал меня и не предупредил вас.

– Очень хорошо, миледи, – сказал дворецкий. Но взгляд

его не стал мягче.

Эйдриан поморщился, потом повернулся к Клариссе, которая, щурясь, пыталась рассмотреть холл. Он был декорирован в темно-синих и серых тонах, и она в своем светло-кремовом платье прекрасно смотрелась на таком фоне. Она выглядела так, будто всегда жила в его доме.

– Не трать на него суровые взгляды, Джессоп. Очевидно, он слишком занят своей невестой, чтобы обращать внимание на что-либо другое. Боюсь, мой сын совершенно бесполезен и останется таким еще некоторое время – по крайней мере до тех пор, пока не женится на нашей очаровательной Клариссе. Тебе не кажется, что она очаровательна, Джессоп?

– Совершенно очаровательна, миледи, – согласился Джессоп.

– Они подарят мне прелестных внуков, ты согласен?

– Несомненно, миледи.

Заметив появившийся на лице Клариссы румянец, Эйдриан выразительно посмотрел на говоривших и сказал:

– Вообще-то мы здесь и все слышим.

– А, значит, иногда ты все-таки слышишь меня, – сухо заметила леди Моубри и взяла под руку Джессопа. Она повела его в холл, говоря: – Идем, дружище. Пойдем, посмотрим, что удалось сделать кухарке, чтобы спасти положение. Эйдриану действительно очень повезло иметь таких сообразительных и проворных слуг, как все вы. Не важно, какие непредвиденные обстоятельства случаются, вы всегда с неве-

роятной уверенностью справляетесь с ними – и, должна сказать, это всегда производит на меня впечатление.

Эйдриан, вытаращив глаза, слушал, как его мать умасливает его дворецкого. И все же через несколько минут все в доме будут готовы вывернуться наизнанку, лишь бы угодить ей, и никто не расстроится из-за хаоса, в который они оказались свергнуты из-за неожиданных гостей.

– Я сожалею, что мы причиняем столько беспокойства, – тихо сказала Кларисса. – Нам не нужно было оставаться на чай, если...

– Чепуха, – перебил ее Эйдриан. Он шагнул вперед, чтобы привлечь Клариссу в свои объятия, но остановился, когда его мать бросила через плечо:

– Покажи Клариссе дом, Эйдриан. Скоро это будет ее дом, и она должна знать хоть что-нибудь о нем, прежде чем переедет сюда жить.

Эйдриан вздохнул и, взяв Клариссу за руку, повел ее к лестнице.

– Сначала я покажу вам второй этаж.

– Если вы не спуститесь через четверть часа, я приду искать вас, – донесся голос леди Моубри, когда она исчезла в кухне вместе с Джессопом.

Эйдриан поморщился, ведя Клариссу по лестнице. До свадьбы остался всего один день; теперь ведь уже не обязательно соблюдать приличия?

Глава 12

Кларисса проснулась очень рано, поняла, что это день ее свадьбы, и просто больше не смогла заснуть. Несколько минут она лежала в постели, взволнованно думая о предстоящем дне – и ночи, – а потом вспомнила о своих новых очках. Резко сев, она вытащила их из маленького мешочка, который обычно носила под юбками, и надела их.

Легкий вздох сорвался с ее губ, когда окружающий мир стал четким и ясным. Большую часть времени все вокруг Клариссы было смещением расплывчатых пятен, а глаза болели от необходимости постоянно щуриться. Может быть, очки и не идут ей, но когда она надевает их, мир вокруг определенно становится лучше.

Было трудно не носить их, не кричать от радости, что она наконец-то может видеть. Однако ей все еще казалось, что лучше держать их в секрете, пока Эйдриан не полюбит ее.

Если он полюбит ее, подумала она. Кларисса почти боялась надеяться, что это произойдет. Она знала, что он считает ее привлекательной и что она, похоже, нравится ему, но это не гарантирует, что из этого последует любовь на всю оставшуюся жизнь.

Наконец обретя способность видеть, Кларисса подумывала о том, чтобы проскользнуть в библиотеку и взять книгу, но боялась, что у нее на самом деле нет на это времени.

И прежде чем она смогла решиться на что-то другое, в абсолютно тихой комнате прозвучал щелчок поворачиваемой дверной ручки. Кларисса сорвала с носа очки и едва успела спрятать их, как в комнату вошла Лидия.

Мачеха несла что-то в руках, но Кларисса не могла разобрать, что это было. Она смотрела, как Лидия поставила предмет на туалетный столик у двери и подошла к кровати. Вдруг насторожившись, Кларисса смотрела из-под полуопущенных ресниц, как Лидия приближается к ней. Она жалела, что не может надеть сейчас очки и увидеть выражение лица мачехи; она понятия не имела, зачем Лидия появилась здесь в день ее свадьбы, но подозревала, что это не из добрых побуждений.

– Твой отец подумал, что я должна объяснить тебе то, что касается супружеской постели, – без предисловий заявила Лидия, и Кларисса едва сдержала вздох. Это точно не будет приятным, она была уверена. Эйдриан, похоже, боялся, что эта женщина попытается запугать ее, и Кларисса подозревала, что он был прав. Она хотела внушить себе, что не позволит Лидии сделать это, но на самом деле оставался вопрос: если в предстоящей ночи не было ничего страшного, то почему Эйдриан тревожился, что мачеха сможет запугать ее этим? И что это за замечание о крови и боли? Что он так не хотел ей объяснять?

– Я скажу тебе дословно то, что сказала мне моя мать, – заявила Лидия. – Иди сюда.

Кларисса помедлила, потом откинула одеяло и прошла вслед за мачехой к туалетному столику, где та оставила предмет, который принесла. Наклонившись ближе и прищурившись, Кларисса увидела, что это маленький серебряный жезл и какой-то пирог. Лидия взяла в руку жезл.

– Формой и размером это напоминает мужской орган, – объявила она. – Представь, что это ключ к твоему замку.

При этих словах Кларисса прикусила губу и подумала, не было ли нечто твердое между ног Эйдриана, все время тыкавшееся в нее, этим самым ключом. Она смутно представляла, где находится ее замок, хотя никогда не исследовала этот район. А вот Эйдриан исследовал, и, насколько она помнила, довольно тщательно.

– Этот пирог – твой замок, – объявила Лидия. – Твой замок не открыт и прекрасно подходит по размеру к мужскому жезлу, или ключу. Он маленький и узкий, и в нем есть тонкая пленка кожи, называемая... ну, чаще всего ее называют девственной вуалью.

Кларисса попыталась взглянуть в лицо Лидии, заметив ее явный внезапный дискомфорт. Очевидно, все эти технические детали раздражали ее. Но Лидия заставила себя продолжить:

– В первый раз мужчина должен прорвать ее. Вот так.

Кларисса вздрогнула, когда мачеха резко опустила жезл вниз, с громким стуком вонзив его в пирог. Кларисса смотрела на разбитую румяную корочку, а потом подняла руку,

чтобы вытереть сок, брызнувший струей из пирога и запачкавший ее лицо. Пирог был с какими-то ягодами или вишней, и – как ни слепа была Кларисса – она видела, что сок, сочащийся вокруг наполовину погруженного в пирог жезла, был густо-красным.

– Цитируя мою мать, скажу, – мрачно продолжила Лидия, – у тебя будет кровотечение. И тебе будет больно, как и следует ожидать. Но если тебе очень повезет, он закончит это быстро и оставит тебя одну плакать в одиночестве. Но я почему-то сомневаюсь, что лорд Моубри будет таким деликатным.

Оставив на столе беспорядок, который она устроила, Лидия повернулась к двери и открыла ее. Выходя, она сухо бросила:

– Наслаждайся своей первой брачной ночью.

Кларисса смотрела, как закрылась дверь, потом на ватных ногах шагнула к стулу у туалетного столика и села. Она, похоже, не могла оторвать взгляд от пирога. Едва подрумяненная, почти белая корочка была испачкана – и пропиталась – красным соком раздавленных фруктов. Жезл все еще торчал в нем, гордый и твердый.

– Черт! – выдохнула она. Кларисса поклялась себе, что не позволит Лидии расстроить ее, но это было... да, это действительно могло расстроить.

– Миледи?

Кларисса обернулась на голос Джоан и увидела, как смут-

ный силуэт ее служанки wpłyвает в комнату.

– Я видела, как миссис Крамбри выходит из вашей спальни. Все в порядке?

– Я... – Кларисса умолкла и откашлялась, потом быстро забыла, что собиралась сказать. Вместо этого она спросила: – У нас действительно есть девственная вуаль и мужчина действительно должен прорвать ее?

– Ну... – Кларисса услышала нерешительность в голосе девушки.

Она прикусила губу.

– Это правда, не так ли?

– Нуда. Но...

– И будет кровь и боль?

Джоан вздохнула:

– Миледи, вам не надо было позволять леди Крамбри запугивать вас. Первый раз болезнен для большинства женщин, но...

– Для большинства? – с надеждой перебила ее Кларисса. – Значит, это не всегда так?

– Я слышала, что некоторые женщины почти не чувствуют боли, – заверила ее Джоан.

– Слышала, – повторила Кларисса. – Слышала? Но ты действительно знаешь кого-то, кто не страдал от боли и крови?

– Ну... – Джоан помедлила, потом закрыла дверь спальни и с решительным видом приблизилась. – Не думайте об этом. Ну же. Я уверена, лорд Моубри сделает так, что для вас это

пойдет как можно легче. Теперь нам нужно вас одеть.

– Но...

– Миледи, – прервала ее Джоан, – вы хотите выйти за него или нет? Вы действительно предпочли бы выйти за лорда Прадомма или кого-нибудь вроде него? Потому что, уверяю вас, я не думаю, что лорд Прадомм вообще стал бы заботиться о вашем комфорте и благополучии.

– Не стал бы, – согласилась Кларисса и, вздохнув, встала. – Тогда давай собирать меня. Я должна сегодня выйти замуж.

Радостное предвкушение, с которым она проснулась, исчезло без следа. До разговора с Лидией она с нетерпением ждала предстоящей ночи; она думала, что это будет как та ночь в ее комнате, когда Эйдриан заставлял ее пальцы на ногах подгибаться и учащенно биться сердце и когда возбуждение струилось в ней, как вода в реке после сильного ливня. Теперь она знала, что это будет связано с болью и кровью, и вдруг ужасно пожалела, что родилась женщиной. Ведь, в конце концов, безусловно, лучше быть жезлом, чем пирогом.

Старый чопорный священник, судя по виду, был не больше рад находиться здесь, чем Кларисса. День оказался холодный и дождливый, совсем необычный для середины лета. Кларисса не могла отделаться от мысли, что это недоброе предзнаменование.

– Кларисса?

Она огляделась, испуганная шепотом Эйдриана, и нахмурилась. Кажется, все смотрели на нее. По крайней мере судя

по тому, что она могла видеть.

– Согласны ли вы... – начал священник усталым тоном, свидетельствовавшим, что он повторил это уже раз или два.

– Согласна, – быстро перебила его Кларисса, смущенная тем, что ее застали за мечтами в такой важный момент. Потом она осознала, что сказала, и вздохнула про себя. Честно говоря, она больше не была уверена, что хочет «соглашаться» на что-то. Особенно если это значит, что Эйдриан собирается проткнуть ее пирог.

Но слишком поздно волноваться об этом, подумала Кларисса. Она приняла свою судьбу, и теперь Эйдриан делал то же самое; тут уж ничего не исправишь. Она была леди Кларисса Монтфорт, жена графа Моубри. И ей не нужно спрашивать, хочет ли он протыкать ее. Казалось вполне очевидным, что он это сделает.

– Я объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать невесту.

Эти слова едва ли проникли в мозг прежде, чем Эйдриан заключил ее в объятия и поцеловал. Смущенная и растерянная, Кларисса оставалась напряженной в его руках. Всего восемь часов назад она была в восторге от мысли выйти за него замуж. Теперь единственное, о чем она могла думать и что видела, когда закрывала глаза, – это жезл, протыкающий пирог.

Эйдриан, должно быть, заметил ее холодность, потому что отстранился после поцелуя и озабоченно заглянул ей в ли-

цо. Кларисса выдавила из себя улыбку, пытаясь успокоить его; потом все вокруг вдруг пришло в движение. Нужно было подписать бумаги, потом посыпались поздравления, а потом она оказалась в карете, везущей ее домой. В дом ее отца, поправилась она. Больше это не ее дом. С этого момента ее дом там, где Эйдриан.

– Идем?

Кларисса резко подняла глаза от бокала, который сжимала в руке. Она знала, что ее зрачки расширены от тревоги. Настал момент, которого она страшилась с самого приезда в дом отца для свадебного бала.

Прикусив губу, Кларисса повернулась и окинула взглядом переполненный зал. Довольно удивительно, при том, что с момента приезда в Лондон ее избегали почти все, свадебный бал оказался очень многолюдным. Тут были, конечно же, леди Моубри и кузены Эйдриана, Мэри и Реджиналд, так же как и ее собственный отец и мачеха, но были также лорд и леди Хейвард, лорд и леди Ачард, лорд Прадомм и его матушка и несколько других людей, голоса которых она узнала, но не узнала бы на улице, если бы увидела, потому что никогда не видела их достаточно близко, чтобы разглядеть лица.

Осознав, что она так и не ответила на вопрос Эйдриана, Кларисса сглотнула, попыталась радостно улыбнуться... и не смогла. Ее голос превратился в писк, когда она спросила:

– Так скоро?

Ей показалось, что она увидела, как поднялись брови Эйдриана, но его голос был спокоен, когда он сказал:

– Уже довольно поздно, Кларисса. Почти полночь.

Она знала, что это совсем не поздно для бала, но это ведь был не обычный бал. Это была их свадьба. И все же она сделала отчаянную попытку:

– Да, но все еще здесь. Разве мы не должны остаться, пока все гости разъедутся? В конце концов, этот бал для нас.

– Кларисса, – терпеливо произнес Эйдриан, – существует традиция, что жених и невеста уходят первыми. Все ждут, когда мы уйдем.

– О, понимаю. – Не в силах придумать ничего другого, чтобы оттянуть их уход, Кларисса неохотно поставила свой бокал. – Мне нужно собрать вещи.

– Слуги уже забрали их во время церемонии, – мягко сказал он.

– О... Ну, Джоан...

– Джоан тоже там, – сказал Эйдриан. – Идемте, нам нужно попрощаться.

– О... – Вздыхая, Кларисса позволила ему подвести ее сначала к отцу и Лидии, потом к леди Моубри. Казалось, что все происходит ужасающе быстро. В следующий момент Кларисса осознала, что ее уже сажают в карету. Она села, напряженная и встревоженная, в уголок, поглощенная тем, что должно произойти.

Эйдриан в противоположном углу был так же молчалив,

но она чувствовала на себе его взгляд. Кларисса знала, что ее поведение беспокоит его, и лихорадочно искала, что бы такое сказать, чтобы разрядить обстановку. Хоть что-нибудь. Но перед глазами стоял жезл, вонзающийся в пирог, и брызжащий во все стороны красный сок.

Слуги Эйдриана – теперь и ее тоже, напомнил ей внутренний голос, – выстроились в ряд, чтобы встретить их, когда они приехали домой. Все улыбались и радостно кивали в знак приветствия, и Эйдриан официально представил ее каждому. Кларисса выслушала все имена, но забыла их все в ту минуту, когда он повел ее к лестнице.

Когда он начал подниматься, ведя ее, она чувствовала себя так, будто ее ведут на эшафот. Каждый нерв ее тела трепетал от страха и напряжения, и она пыталась смириться с тем, что должно случиться. Она едва не застонала, когда Эйдриан открыл дверь, ведущую в спальню.

Когда она замешкалась на пороге, он нежно подтолкнул ее внутрь. Дверь тихо закрылась позади нее, и Кларисса удивленно обернулась. Ее муж не вошел вслед за ней. Она почувствовала, как ее плечи опустились от облегчения. Значит, будет короткая отсрочка.

– Вот и вы!

Кларисса напряглась от радостного голоса Джоан и обернулась, чтобы увидеть смутный силуэт бегущей к ней служанки. Кларисса хотела спросить, чему она улыбается, но сдержалась.

– Свадьба была красивая? А бал после нее? Вы танцевали? Еда была вкусная? Кухарка и все слуги так старались, чтобы все было сделано идеально, – тараторила Джоан, начиная снимать с Клариссы одежду.

Кларисса, должно быть, что-то отвечала, но вряд ли потом смогла бы вспомнить, что это были за ответы. Ее голова кружилась, пока горничная занималась своим делом, и паника нарастала в ней с каждым снятым предметом одежды.

Вскоре, раздетая и вымытая, она лежала в кружевной очной сорочке под одеялом.

– Вот и все. Вы выглядите очаровательно, – заверила ее Джоан, как будто думала, что Клариссе это интересно. После этого горничная пожелала ей спокойной ночи и вышла из комнаты.

Кларисса неподвижно лежала в центре кровати, ее взгляд тупо скользил по темным теням вокруг. Она практически не видела дальше свечи, стоящей на прикроватном столике. Немного помедлив, она потянулась к маленькому мешочку, который достала, когда Джоан раздевала ее. Горничная положила его на прикроватный столик, и, открыв его, Кларисса нашла свои очки и водрузила их себе на нос. Она окинула взглядом то, что теперь было ее спальней.

Она уже видела ее вчера, когда Эйдриан показывал ей дом, но тогда был день. Тогда комната, выдержанная в красных и золотых тонах, показалась ей очень красивой. В свете свечи она выглядела совсем другой. Темной и мрачной –

красный цвет, выглядевший таким радостным днем, теперь казался ей цветом густой крови.

Вздыхнув, она вернулась взглядом к кровати, на которой сидела. Она была огромной, гораздо больше, чем кровать в ее доме. В доме ее отца, снова поправила она себя. Теперь она замужняя женщина, со своим собственным домом, штатом слуг и мужем. Последняя мысль заставила ее поморщиться, и Кларисса, сняв очки, снова спрятала их в мешочек. Потом она легла в постель, размышляя, не притвориться ли ей спящей, чтобы Эйдриан отложил осуществление брака до завтра.

Но это показалось ей трусостью, и, кроме того, если она так поступит, весь следующий день ей придется трястись от страха в ожидании неизбежного. За свою короткую жизнь она хорошо усвоила, что всегда лучше как можно скорее покончить с неприятными делами и забыть о них. К тому же не мешало бы знать, с чем теперь ей придется сталкиваться каждую ночь своей жизни – если ей придется сталкиваться с этим каждую ночь. Как часто мужа хотят вступать в брачные отношения? Если им не больно и они испытывают только удовольствие, какое она испытала той ночью, то Эйдриан может пожелать делать это часто.

Она нахмурилась от этой мысли: его жезл в ее пироге каждую ночь до конца ее дней?..

Так не может быть, вдруг решила Кларисса. Леди Хейвард и леди Ачард не стремились бы так к отношениям с лордом

Прадоммом, если бы каждый раз это было так. Возможно, боль причиняет только то, что связано с жезлом. Она уже знала, что существуют вещи, которые мужчина и женщина делают вместе и которые могут быть весьма приятны. Поэтому казалось разумным, что только финальная часть, «ключ в замке», причиняет боль.

Кларисса скорчила гримаску. Как глупо оканчивать такое наслаждение такой неприятностью! И она подумала, так ли уж необходимо терпеть боль ради удовольствия. И все же леди Хейвард и леди Ачард, похоже, с радостью предавались этому. Размышляя над этим, она поняла, что в стогах леди Хейвард в ту ночь не было ни намека на тревожное ожидание боли. Конечно, теперь Кларисса понимала, что лорд Прадомм делал под юбками дамы и почему она вздыхала и стонала...

Кларисса заморгала, когда ей пришло в голову, не издавала ли и она такие же звуки, когда Эйдриан делал с ней эти вещи. Она не помнила никакого шума, но все же, учитывая пожар и те ощущения, которые вызывал в ней Эйдриан, она была немного рассеянна. В следующий раз следует быть внимательнее, решила Кларисса и поморщилась при мысли о следующем разе. Он, несомненно, закончится не так приятно.

Одна мысль об этом заставила Клариссу нетерпеливо взглянуть на темный участок стены, где, как она помнила, находилась дверь, ведущая в смежную комнату Эйдриана. Было уже поздно, а день выдался долгий, напряженный и

утомительный. Кларисса хотела спать. Где же ее муж? Не может ли он проявить немного внимания и сделать дело быстро, чтобы она успела потом отдохнуть?

Действительно, теперь ей и правда казалось, что лучше как можно скорее покончить с этим. Она нетерпеливо поерзала в кровати, потом откинула одеяла и встала с постели.

Взяв свечу, Кларисса осторожно двинулась к стене, где, как она предполагала, находится дверь. Девушка чувствовала себя совершенно беспомощной без очков. Жизнь была бы гораздо легче, если бы ей не приходилось ждать, когда она сможет их надеть. Она, несомненно, надеялась, что муж быстро полюбит ее, так что она снова сможет носить очки. Действительно, если бы он понимал, как она готова страдать ради него, даже пройти через кошмар «жезла и пирога», он бы уже полюбил ее. Кларисса понятия не имела, как другие женщины примиряются с этим, но она уже знала, что это не будет радостной стороной ее брака.

Сдув прядь волос, упавшую на лицо, она вытянула вперед руку, чтобы не наткнуться на стену, и испытала облегчение, когда пальцы почувствовали твердую поверхность. Тогда она двинулась вдоль стены, пока не добралась до двери. Там Кларисса задержалась, чтобы сделать глубокий вдох и хоть немного набраться храбрости. Да, лучше поскорее покончить с этим неприятным делом, уверяла она себя. Ведь это же не займет много времени? Нужно только чуть-чуть потерпеть, а потом она сможет отдохнуть и выспаться. За-

ставив себя широко улыбнуться, она взялась за ручку двери и повернула ее.

Эйдриан перекатился на бок в кровати и печально вздохнул. Как только его камердинер, Кили, помог ему раздеться и принять ванну, он отослал его и сел, пытаясь решить, что делать. Инстинкт подсказывал ему идти прямо к Клариссе и осуществить их брак... и какой приятной была эта мысль!

К несчастью, с Клариссой, похоже, что-то было не так. Еще вчера она казалась совершенно счастливой и довольной предстоящей свадьбой, но сегодня, в тот самый момент, когда она вошла в церковь, он понял, что что-то случилось. Во время церемонии она была рассеянной и встревоженной, потом тихой и напряженной во время празднования и все время отступала на полшага, когда он приближался к ней. Создавалось впечатление, что она не может находиться рядом с ним. А потом она не хотела уходить с бала и ехать в свой новый дом.

Эйдриан не знал точно, в чем проблема, и боялся спрашивать. Он беспокоился, что она каким-то образом увидела его лицо и теперь ей было противно находиться рядом с ним. Это было в духе Лидии, которая могла взять чьи-нибудь очки, чтобы Кларисса надела их и могла увидеть в окно, за кого именно она выходит замуж. Если дело в этом, то счастье, которое он уже испытал и на продолжение которого рассчитывал в будущем, будет потеряно навсегда.

В последние несколько недель в голове Эйдриана постоянно кружились мечты и фантазии о счастливой семейной жизни. Дом, полный любви и смеха, с криками и радостным визгом детей, любящая его Кларисса, улыбкой приветствующая его по утрам, делящая с ним долгие дни и ночи...

Но теперь все это как будто ускользало сквозь пальцы, и сама мысль об этом пронзала болью его сердце. Хуже того, Эйдриан боялся спрашивать ее, что произошло. И боялся, что, когда он войдет к ней в первую брачную ночь, она с отвращением отвернется от него. Поэтому, поддавшись трусости, он решил оставить ее в покое этой ночью. Сегодня был трудный день, говорил он сам себе; лучше проявить заботу и дать ей выспаться, а потом утром узнать, как она. Если дело только в напряжении от свадебного торжества и переезда в новый дом, завтра Кларисса будет веселее, и, может быть, тогда он сможет подойти к ней. Но если нет...

Эйдриан молча проклинал ранение, обезобразившее его внешность. Он хотел бы быть красивым для нее, желал, чтобы, когда у нее снова будут очки, она продолжала смотреть на него с любовью, восхищением и влечением. Он всегда чувствовал себя выше ростом рядом с ней. До сегодняшнего дня.

Скрип двери прервал его горькие размышления, и Эйдриан в растерянности оглянулся через плечо. Его глаза расширились, когда он увидел, что дверь, соединяющая его спальню со спальней Клариссы, приоткрыта и сквозь щель стру-

ится свет свечи.

– Эйдриан? – Кларисса, щурясь, появилась на пороге. – Почему так темно? Вы здесь, муж мой?

Эйдриан открыл рот, чтобы сказать «да», но замер при слове «муж». Муж. Это был первый раз, когда она обратилась к нему так, и его сердце сжалось в груди от такого титула. Муж. Он ее муж.

А она его жена, осознал Эйдриан, с открытым ртом глядя на ее тонкую кружевную рубашку. Ткань была прозрачна, чертовски сексуальна и почти не скрывала ее тело. Ее волосы распустили и расчесывали, пока они не засияли. Теперь они блестящими волнами рассыпались по ее плечам.

– Эйдриан?

Прочистив горло, он сел в постели.

– Я здесь. Почему вы еще не спите? Я думал, что вы уже заснули.

К его огромному удивлению, Кларисса выглядела раздраженной.

– Сегодня наша первая брачная ночь, милорд, – сказала она, как будто это объясняло все.

Но Эйдриан совсем не был уверен, что это что-то объясняло. Все выглядело так, будто она пришла искать его, во что ему было трудно поверить после того, как она весь день вела себя.

– Я подумал, что вы устали и захотите сегодня выс паться без помех, – неуверенно сказал он.

– Что? – вскрикнула Кларисса, и в голосе ее прозвучала неподдельная ярость. – Вы бы заставили меня ждать еще целый день и вечер, прежде чем мы осуществим наш брак?

Эйдриан заморгал. Она говорила действительно расстроено.

– Ну, вы весь день были так напряжены и встревожены, что я подумал проявить немного предупредительности и...

– Я не желаю предупредительности, милорд. Я хочу закончить с этим.

Очень мило узнать, что она так жаждет этого, подумал Эйдриан, потом нахмурился, когда Кларисса пошла вперед, наткнулась на маленький столик у двери и опрокинула на пол незажженную свечу. Бормоча что-то себе под нос, Кларисса опустилась на колени, держа в одной руке зажженную свечу, а другой ощупывая пол.

Эйдриан помедлил, потом отбросил одеяло и встал с кровати. Он был совершенно наг, но ведь без очков она практически слепа. Не то чтобы его беспокоило, что он будет расхаживать перед ней совершенно обнаженным. Хотя его лицо уродовал шрам, тело его было безупречно и в прекрасной форме. И все же Эйдриан продемонстрировал бы уважение к ее невинности и не обнажался бы перед ней так скоро, если бы она могла нормально видеть.

– Вот, я подберу ее, – сказал он, пройдя через комнату и присоединяясь к ней.

Эйдриан протянул руку, намереваясь помочь ей встать, но

Кларисса только подняла голову, чтобы посмотреть на него. По крайней мере он подумал, что она собирается сделать именно это, но ее взгляд так и не добрался до его лица. Он остановился на уровне его паха и замер там.

– Господь милосердный! – выдохнула она. – Ваш жезл огромен.

По крайней мере Эйдриан подумал, что она сказала именно это, хотя он едва слышал ее шепот и мог ошибаться. Но если она сказала то, что ему послышалось, Эйдриану оставалось лишь гадать, что она имела в виду.

Всякое участие и любопытство по поводу ее слов мгновенно улетучилось, когда она поднесла свечу ближе, видимо, чтобы лучше рассмотреть. Было очевидно, что у нее совершенно отсутствует ощущение пространства. Эйдриан чуть не обжег свое достоинство – и не горячей водой, как Реджиналд, и без всякого барьера из ткани, чтобы защитить его тело! Он выхватил у нее подсвечник и помог ей подняться.

– Тогда идемте. Если вы желаете заняться этим сегодня ночью, я буду более чем счастлив услужить вам, – заверил ее Эйдриан и повел к постели. Если бы она могла видеть, в его желании у нее не было бы никаких сомнений.

Когда Кларисса забралась в постель, он поставил свечу на прикроватный столик, обернулся и обнаружил, что она спит с кровати с другой стороны. Он непонимающе смотрел на нее, а она стояла с противоположной стороны кровати, теребя свои руки, словно они были мокрыми полотенцами,

которые она стирала.

– Вы должны лечь в постель, если хотите... Ну что ж, полагаю, это не обязательно должно происходить в постели, – неуверенно произнес Эйдриан. Но действительно, несмотря на ее заявление, что она хочет сделать это, казалось, она совсем не жаждет это делать. Склонив голову набок, он с сомнением смотрел на нее. Наконец он сказал: – Кларисса, что-то не так?

Его жена молча покачала головой и продолжила крутить руки, ее глаза были широко распахнуты и – по его мнению – полны тревоги.

Решив, что она, наверное, немного нервничает из-за постели, и что он должен вести себя осторожно и мягко, Эйдриан медленно направился к ней, желая поцеловать ее и этим рассеять ее тревоги. Но в момент, когда он огибал угол, она повернулась и снова забралась на постель.

Эйдриан слабо улыбнулся, думая, что она переменчива, как ветер. Он тоже стал ложиться, только для того, чтобы обнаружить, что она проползла по постели и спустилась с противоположной стороны.

Медленно выпрямившись, Эйдриан наблюдал, как она повернулась и стала смотреть на него через разделявшую их кровать, снова нервно ломая руки.

– Кларисса, – медленно произнес он. Но это было все, что он успел сказать, когда она выпалила:

– Я не думаю, что хочу, чтобы вы протыкали мой пирог

своим жезлом.

Эйдриан замер и моргнул. Вот, опять этот жезл, а он понятия не имеет, о чем она говорит. Проткнуть ее пирог его жезлом? В этом не было никакого смысла.

– Боюсь, я понятия не имею, о чем вы говорите, жена.

Кларисса вздрогнула от этого последнего слова, потом сказала:

– Я хочу сказать, я не хочу, чтобы вы протыкали мою вуаль своим ключом.

Вместо того чтобы помочь ему понять, она запутала его еще больше.

– Что?

– Мой замок слишком мал для вашего жезла.

– Вы говорите на каком-то особом языке? – спросил Эйдриан. – Кларисса, я понятия не имею, что...

– Лидия все объяснила.

И Эйдриан окаменел, его вдруг осенило. Он должен был догадаться раньше.

– Лидия, – повторил он.

Кларисса пылко кивнула:

– Вы сказали спросить ее о том, почему это будет неудобно. Я не спрашивала, но она все равно объяснила.

– Понятно. – Он вздохнул. Ее странное сегодняшнее поведение приобрело смысл: Лидия до смерти запугала ее, и последние десять часов она провела, в ужасе ожидая предстоящей ночи. И все это его собственная вина, признался

он. Он действительно велел ей спросить Лидию, вместо того чтобы рассказать ей про девственную вуаль самому.

Устало взъерошив рукой волосы, Эйдриан спросил:

– И Лидия сказала, то я проткну ваш пирог своим жезлом?

Кларисса кивнула:

– Она сказала, что ее мать объясняла ей, что мужчина – это ключ, а женщина – замок, и что он должен вставить ключ в замок, но что все это была ложь. Это все гораздо грязнее и к тому же больно, а потом она взяла маленький серебряный жезл и воткнула его в вишневый пирог и сказала, что верхняя корочка – это вуаль, которую мужчина должен пронзить своим жезлом. И я, конечно, не уверена, поскольку у меня нет очков, но судя по тому, что я видела, у вас, кажется, очень большой жезл, милорд.

Последнее было произнесено таким горестным тоном, будто это действительно было плохо, и Эйдриану пришлось спрятать улыбку. Хотя во всем этом не было ничего смешного; Лидии удалось сильно усложнить ему задачу. Но все же он испытал облегчение, узнав, что это не имеет никакого отношения к тому, что она каким-то образом увидела его лицо и питает к нему отвращение.

– Кларисса?

– Да? – Она смотрела настороженно, как олениха, глаза были расширены и полны тревоги, грудь быстро поднималась и опускалась, потому что ее дыхание стало неглубоким и учащенным.

– Вам нравятся мои поцелуи? – терпеливо спросил он.

Выражение ее лица стало еще более настороженным, как будто она чувствовала в его вопросе какую-то ловушку. Однако после недолгого замешательства Кларисса кивнула и сказала:

– Да, милорд. Мне очень нравятся ваши поцелуи.

– А вам нравится, когда я трогаю и ласкаю вас?

Кларисса переступила с ноги на ногу, как будто собираясь убежать, но кивнула.

– И вам понравилось то, что я делал с вами в вашей комнате?

Кларисса прикусила губу, но снова кивнула.

– Тогда что, если мы просто сделаем это снова?

– Только поцелуи и прикосновения и... – даже в неясном свете пламени он увидел, что ее лицо залилось румянцем, остальное?

– Да, – солгал Эйдриан. У него были все намерения пойти гораздо дальше этого, но сначала он должен успокоить и подготовить ее. Говорить ей заранее, что именно он собирается сделать, было бы неразумно.

Кларисса немного расслабилась.

– Вы не против, если мы не будем...

– Протыкать ваш пирог? – сухо подсказал Эйдриан, когда она замешкалась. – Нет, я совсем не против.

Кларисса облегченно вздохнула и улыбнулась одной из тех широких сияющих улыбок, от которых он чувствовал се-

бя самым привлекательным мужчиной в мире. Она даже не потрудилась ответить на его вопрос словами, а вместо этого забралась на кровать и устроилась под одеялами, потом повернулась к нему и выжидательно улыбнулась.

Эйдриан сам с облегчением вздохнул, уверенный, что худшее позади, потом откинул одеяла и осторожно лег рядом с ней.

Глава 13

Кларисса почувствовала, как кровать прогнулась рядом с ней, когда Эйдриан скользнул под одеяло, и сразу же бросилась к нему. Ее муж издал приглушенный звук удивления, когда она прильнула к его груди и стала лихорадочно целовать его лицо, щеки, нос и лоб.

– Спасибо, спасибо, спасибо, спасибо, – бормотала Кларисса между поцелуями. Она осыпала поцелуями все, до чего могла дотянуться. – Спасибо, что были таким терпеливым и понимающим. Вы самый лучший муж на свете. Правда, милорд, я счастливейшая из женщин.

Его дыхание коснулось ее уха, когда с его губ сорвался тихий смешок.

– Я счастлив, что вы довольны.

– М-м! – Кларисса улыбнулась, обняв его за шею, когда он одной рукой подхватил ее под спину, а другой зарылся ей в волосы. – Пожалуйста, поцелуйте меня, милорд муж.

– Как пожелаете, моя очаровательная леди.

Его губы накрыли ее рот, и Кларисса немедленно ответила на поцелуй, тихий стон удовольствия вырвался из ее горла, когда он положил ее на спину и перекатился на нее так, что оказался сверху. Вот это ей нравилось. Этим она наслаждалась. Его губы касаются ее губ, он прижимается к ней всем телом, и ее с ног до головы охватывает радостная дрожь. Кла-

рисса подумала, что им всегда следует делать только это. Она не видела абсолютно никаких причин вообще протыкать пирог. Если только это не нужно, чтобы иметь детей, осенило ее. Она предположила, что, если дело в этом, в конце концов протыкания пирога им не избежать.

Рука Эйдриана нашла ее грудь сквозь тонкую ткань рубашки, и способность рассуждать оставила Клариссу. Открыв рот под его поцелуем, она выгнулась навстречу его прикосновению, ее руки впились в его плечи, когда он стиснул ее сосок двумя пальцами. Он нежно крутил и пощипывал, посылая по ее телу волны возбуждения.

Кларисса беспокойно двигала ногами, и, как будто в ответ на ее неосознанное требование, Эйдриан повернулся на бок и поймал рукой ее бедро. Повернув ее вместе с собой на бок, он скользнул коленом между ее ног. Это прикосновение казалось самым эротичным, что когда-либо испытывала Кларисса. От этого задралась ее рубашка, но Клариссе было все равно. Это было так приятно, что она вновь принялась перебирать ногами, чтобы помочь ему. Потом она сдвинула их, когда его бедро достигло центра ее возбуждения и стало давить с мягкой настойчивой силой. Это было так хорошо, что она осознала, что сама прижимается к нему.

Она чувствовала, что ее тело извивается в попытке получить как можно больше от ласк Эйдриана, но только в подсознательной, безотчетной попытке. Большая часть ее внимания была сосредоточена на возбуждении и наслаждении,

которое он дарил ей.

Эйдриан оборвал их поцелуй, и она со вздохом запрокинула голову и крепче прижалась к нему, желая большего, но не зная точно чего. Но ее новый муж, похоже, знал. Его рот проложил обжигающую дорожку поцелуев по ее щеке к уху, потом спустился вниз к основанию шеи, где ненадолго задержался, пока его руки занимались ее рубашкой.

Кларисса услышала звук рвущейся ткани, но в следующее мгновение мозолистая рука мужа снова накрыла ее грудь, и она вскрикнула. Так было во много раз лучше! Его грубая кожа на ее чувствительной плоти заставила ее изогнуться в его объятиях от шока и возбуждения.

Потом его губы оставили ее шею и двинулись по ключице вниз, пока не нашли дорогу к ее груди. Кларисса застонала, когда его рот сомкнулся, горячий и влажный, на ее плоти; потом у нее перехватило дыхание, и она дернулась, когда он нежно прикусил сосок. Она почувствовала, что ее колено ударилось обо что-то твердое между его ног, и услышала его стон. В тот же миг он словно окаменел.

– Простите, милорд, – выдохнула Кларисса. – Я сделала вам больно?

Эйдриан некоторое время молчал. Он выпустил ее сосок и зажмурил глаза, на его лице отразилась боль. Кларисса прикусила губу, боясь, что ударила его слишком сильно и он не захочет больше продолжать.

– Хотите, я поцелую, где больно, и станет лучше? – спро-

сила она. Слова вырвались у нее сами собой. Так говорила ее родная мать, когда она в детстве обдирала коленку или разбивала руку. Но вопрос, похоже, причинил Эйдриану еще больше страданий, потому что он неподвижно замер и открыл глаза. Он был так близко, чтобы она могла увидеть вспыхнувший в них огонь; потом он скользнул к ней и жадно впился в ее губы.

Это был не нежный поцелуй, не осторожное исследование; это было поглощение, требование, жажда, которая вызвала немедленный ответный голод в Клариссе и такой сильный, что она поцеловала его в ответ с такой же необузданной страстью и желанием. Поцелуй стал почти битвой, и когда Эйдриан наконец оборвал его и Кларисса немного опомнилась, она поняла, что опять лежит на спине, а он переместился и устроился между ее ног, устранив таким образом опасность, что она снова нечаянно заденет его коленом.

Она учащенно дышала, но замерла, затаив дыхание, когда Эйдриан стал нежно целовать ее веки. Кларисса, моргнув, медленно открыла глаза и посмотрела на него, обнаружив, что он достаточно близко, чтобы она могла видеть его прекрасное лицо. Даже шрам на щеке не мог испортить его совершенство. Кларисса нежно улыбнулась, чувствуя, как сердце сжимается в груди от одного взгляда на этого дорогого мужчину. Он нашел ее несчастной и одинокой и сделал все, чтобы она почувствовала себя счастливой.

– Я... – начала Кларисса и остановила себя, осознав, что

была готова сказать «Я люблю вас».

Она смущенно заморгала, глядя на него, и попыталась разобраться в своих чувствах. Разумеется, она не может любить его. Пока нет. Все это было слишком скоро, слишком сильно, слишком легко. Может ли любовь быть такой легкой?

Ее мысли отвлеклись, когда его руки снова начали блуждать по ее телу, и она сфокусировала взгляд на нем, когда он встал на колени между ее ног, выйдя из фокуса и превратившись в туманное пятно. Все еще стоя на коленях, он пробежал руками по ее животу и вверх, чтобы накрыть ладонями груди. Кларисса посмотрела на себя и увидела, что ее рубашка превратилась в пояс на талии, оставляя обнаженными ее бедра и грудь. Эйдриан воспользовался этим. Она чувствовала, как он пожирает ее глазами, в то время как руки скользили по ее нежной белой коже. Он ласкал ее, и она знала, что при этом он смотрит ей в лицо.

Испытывая стеснение под его взглядом, Кларисса старалась не выгибаться, стремясь к его рукам, и кусала губу, чтобы не издавать звуков; но когда он снова занялся ее сосками, из ее горла вырвался низкий стон. Она почувствовала себя брошенной, когда он перестал ласкать ее грудь, но его руки просто опустились ниже, чтобы обхватить ее бедра. Кларисса беспокойно вертелась в постели, желая, чтобы он поцеловал ее снова или... ну, сделал что-нибудь.

Едва она успела подумать об этом, как рука Эйдриана

нырнула между ее ног и коснулась там влажной плоти. Кларисса зажмурила глаза и дернулась от его прикосновения, ее пальцы вцепились в простыни. Она чувствовала, как скрипят ее стиснутые зубы, когда возбуждение взлетело до почти невыносимого уровня. Потом ее глаза распахнулись, когда Эйдриан, склонившись к ее животу, едва касаясь, провел по нему рукой сначала в одну сторону, потом в другую, как будто вытирая лицо о ее плоть. Наконец он спустился ниже, его губы легко касались ее кожи, скользя по внутренней стороне бедра.

Кларисса знала его намерения и все же резко вздрогнула и замерла, словно окаменев, когда его голова оказалась между ее ног. Это было слишком. Слишком сильно. Она не сможет вынести этого, подумала Кларисса, и услышала тихие вздохи и стоны, вырывающиеся из ее горла. Смущенная, она хотела остановить их, хотела собрать остатки воли, чтобы прекратить эти звуки. Как будто зная о ее попытках и твердо желая, чтобы они провалились, Эйдриан, скользнув рукой по ее телу, сжал ее грудь, и Кларисса отказалась от битвы, позволив своим стонам стать громче.

Она начала извиваться под его ласками, ее голова металась по подушке, руки рвали простыни, пятки то зарывались в матрас, то сжимали его бока. И когда Кларисса уже думала, что больше не выдержит, Эйдриан скользнул пальцем внутрь ее и усилил давление, так что она отпустила простыни и схватилась за спинку кровати над головой. Кларисса тя-

нула ее так сильно, что почти оттащила себя от него, даже когда ее бедра оторвались от кровати, стремясь к его ласкам.

С зажмуренными глазами, в агонии возбуждения, Кларисса даже не заметила, когда Эйдриан переменял позу и поднялся над ней. Когда его рот накрыл ее губы в поцелуе, она поцеловала в ответ. И в следующее мгновение Кларисса вскрикнула, когда что-то большое и твердое вошло в нее.

Они оба замерли и какое-то время оставались совершенно неподвижными. Потом Эйдриан медленно оторвался от ее губ, и она ясно увидела, что он с беспокойством вглядывается в нее.

– Вы в порядке? – Его голос был хриплым от напряжения.

Кларисса сглотнула, потом попробовала подвигать нижней частью тела, только чтобы понять, что они полностью соединены. Он вставил ключ в замок.

– В-вы проткнули мой пирог?

Это был вопрос. Она подумала, что, должно быть, именно это и произошло, но она почти не почувствовала боли, и поэтому была не уверена. И хотя она была потрясена этим вторжением, оно определенно и близко не походило на то, что описывала Лидия. Эйдриан округлил глаза, но его голос был серьезен.

– Да. Я проткнул ваш пирог. – Он закрыл глаза, потом сделал глубокий вдох и сказал: – Простите, я подумал, что лучше покончить с этим. Вы в порядке?

Кларисса медленно кивнула, глядя в его напряженное ли-

цо. Из них двоих он, похоже, страдал больше. По крайней мере так это выглядело. В этот момент на его лице отражалось определенно не наслаждение, и она спросила:

– А вы в порядке?

– Да. – Сквозь стиснутые зубы это звучало не очень убедительно. – Все еще больно?

Кларисса покачала головой и призналась:

– Честно говоря, милорд, начать с того, что это вообще было не больно.

– Но вы кричали.

– Я испугалась, – призналась она. Эйдриан помедлил, потом спросил:

– Как ощущения?

– Странные, – честно ответила Кларисса. Она криво улыбнулась. – И немного разочаровывающие.

Эйдриан удивленно поднял брови:

– Разочаровывающие?

– Ну, я была... – Покраснев, Кларисса опустила глаза к его груди и призналась: – Мне нравилось то, что мы делали, милорд. И хотелось бы испытать... э... завершение этого, как было в тот раз, когда случился пожар. Но теперь я просто чувствую... Что вы... О! – У Клариссы перехватило дыхание от удивления, когда он перенес свой вес на одну руку и другой скользнул между ними, чтобы ласкать ее. – Вы... О, муж! – выдохнула Кларисса.

Ее бедра начали двигаться сами по себе, когда он ласкал

ее, и возбуждение захлестнуло ее с новой силой.

– Это... это... это... О-о-о! – Она застонала, ее руки обхватили его плечи и крепко сжали.

Эйдриан усмехнулся и наклонился, чтобы поцеловать ее. Кларисса пробормотала свои восторги в его губы. Она удивленно открыла рот, когда он убрал руку и немного вышел из ее тела. Но прежде чем она могла пожаловаться, он снова вошел в нее так, чтобы его тело скользило по месту, которое он только что ласкал.

Кларисса стонала, ее бедра и ноги инстинктивно двигались, чтобы усилить эту ласку. Ее ногти вонзались в его спину, побуждая его продолжать, и он опять вышел, чтобы погрузиться снова.

Это, с удивлением подумала она, были жезл и пирог, замок и ключ, мужчина и женщина. Его тело наполняло и доставляло наслаждение ее телу, одновременно доставляя наслаждение и себе, – по крайней мере она надеялась, что он тоже испытывает наслаждение. Это было трудно сказать: Эйдриан не выражал себя так, как она, – он не издавал тихих горловых звуков, которые она, похоже, не могла удержать.

Она вдруг поняла, что, пока он целовал и ласкал ее, она всего лишь прижималась к нему, как будто он был спасительной соломинкой в бурных водах. Она пыталась придумать способ, как доставить ему больше удовольствия, гадая, следует ли целовать и ласкать соски Эйдриана, как он ласкал ее, но потом возбуждение достигло высшей точки, и ей

стало трудно думать о чем-либо. В конце концов Кларисса оставила эти мысли и просто схватилась за Эйдриана, как за якорь, единственную вещь, которая удерживала вместе ее тело и душу, когда он довел их обоих до края мира и столкнул с него.

– Вот вы где!

Кларисса сдернула с носа очки, сунула их в карман в складках юбки и быстро обернулась на голос мужа.

– Я проснулся, а вас не было, – проворчал он, прежде чем завладеть ее губами в быстром поцелуе.

Кларисса вздохнула от удовольствия и обхватила его за шею. Она проснулась на рассвете и выскользнула из его постели, чтобы вернуться в свою комнату и одеться. Джоан там еще не было, а она была слишком нетерпелива, чтобы ждать, поэтому оделась сама. У Клариссы был план, которым она хотела заняться, пока весь дом еще не проснулся.

Она хотела поискать в библиотеке какую-нибудь книжку о том, как жена может доставить наслаждение мужу. Одевшись, она схватила очки, выскользнула из комнаты и незамеченной направилась вниз, в библиотеку. Последний час она провела в поисках.

К несчастью, Кларисса не нашла ничего на эту тему. В большинстве книг говорилось, что она лучше всего угодит мужу, если будет безупречно вести хозяйство и хорошо распорядиться бюджетом. Но это было совсем не то, на что рас-

считывала Кларисса.

Ее мысли улетучились, когда Эйдриан вдруг подхватил ее на руки и направился к двери. Кларисса удивленно открыла рот.

– Муж мой, вы не одеты, – прервала она их поцелуй, удивленная тем, что не почувствовала ничего под тонким шелком его халата.

– И вы тоже сейчас не должны, – заявил он. Неся ее к двери, он добавил: – Мы только что поженились. Подразумевается, что мы не выйдем из спальни как минимум неделю.

– Да? – ответила она.

– Да. Это закон – или должен быть, – с улыбкой добавил Эйдриан и направился через холл к лестнице.

– Чепуха! Как бы мы смогли навещать счастливую пару, если бы они решили остаться в постели? – раздался чей-то голос.

Эйдриан резко остановился, и они с Клариссой оба обернулись к говорившему. Реджиналд Гревилл стоял у парадной двери вместе с дворецким Эйдриана, Джессопом. Оба мужчины, похоже, улыбались, и Кларисса вдруг очень обрадовалась, что она по крайней мере одета.

Когда она дернула ногами, Эйдриан нахмурился, но понял ее немую просьбу и опустил ее на землю. Кларисса поцеловала его в щеку, чтобы не огорчать его своим бегством, и с улыбкой повернулась к лорду Гревиллу.

– Вы первый гость в моем новом доме, – объявила она,

идя через холл, чтобы приветствовать его.

– Первый из многих, я уверен, – весело сказал Реджиналд.
– Честно говоря, я это знаю. Тетя Изабел и Мэри собираются заехать сегодня попозже. И нет сомнений, что ваш отец появится здесь, чтобы посмотреть, как вы поживаете. Если честно, я уверен, что половина светского общества приедет к вам, желая узнать, как прошла первая брачная ночь.

Кларисса оглянулась через плечо на Эйдриана, который прорычал что-то неразборчивое. Она прекрасно его понимала. Она тоже была бы счастлива избежать такой толпы посетителей на другой день после свадьбы, поскольку ей вдруг пришло в голову, что люди наверняка догадаются, чем они с Эйдрианом занимались почти до самого утра. Возможно, не во всех подробностях, но они определенно поймут, что брак был осуществлен. Мысль о том, что так много людей знает что-то настолько личное, была ужасающей.

– Джессоп, – резко бросил Эйдриан.

– Да, милорд? – Дворецкий, казалось, немного выпрямился, удивленный его тоном.

– Распорядись, чтобы приготовили и подали обе кареты. Потом пошли к нам Джоан и моего камердинера. Через час мы уезжаем в Моубри.

Глаза Клариссы расширились, когда ее муж решительно направился к лестнице и схватил ее за руку, чтобы тащить за собой.

– Но как же лорд Гревилл? – спросила она, когда он потя-

нул ее по лестнице. – Он же пришел с визитом. Мы не можем просто оставить его здесь и...

– Он не пришел с визитом, – спокойно заверил ее Эйдриан.

– Разве нет? – спросила она и неуверенно посмотрела на дверь и туманную фигуру, стоящую там.

– Нет. Мой кузен никогда не встает так рано. Он сейчас возвращается домой спать и был достаточно добр, чтобы по пути зайти к нам и предупредить, что, если мы останемся здесь, нас будут донимать визитеры.

– Да? – удивленно спросила Кларисса.

– Да, – заверил ее Эйдриан. – Спасибо тебе, Редж. До свиданья.

– Да, спасибо вам, лорд Гревилл! – воскликнула Кларисса.

– Всегда пожалуйста, кузены! – рассмеялся Реджиналд Гревилл и вышел из дома. Эйдриан с Клариссой поднялись по лестнице и направились по коридору в свои комнаты.

Теперь, когда он знал, что к ним ожидается нашествие гостей, Эйдриан быстро принялся за дело. Он привел Клариссу в ее комнату и нежно втолкнул внутрь с приказом написать письмо ее отцу, объясняющее, что они решили поехать в Мубри, чтобы отдохнуть после свадьбы. Эйдриану нравился ее отец, и он не хотел заставлять его беспокоиться из-за их неожиданного отъезда.

По той же причине он также посоветовал Клариссе пригласить лорда Крамбри заехать к ним в гости по пути домой,

куда, как знал Эйдриан, он собирался примерно через неделю. Эйдриан надеялся, что к этому времени достаточно насытится своей молодой женой и будет готов принимать гостей. Он также надеялся – чрезвычайно сильно, – что отец Клариссы будет возвращаться домой один, без мачехи Клариссы. Эта женщина была опасна, к тому же она являлась одной из тех, чью шею он был бы не прочь свернуть. Он хотел избегать ее любой ценой.

– Да, муж, – пробормотала Кларисса. Потом она спросила: – Что я должна приказать Джоан упаковать?

– Все, – быстро ответил Эйдриан.

Ее глаза расширились от удивления.

– Все? – изумленно переспросила она.

Он нахмурился. Сам Эйдриан ненавидел Лондон и надеялся еще очень долго не возвращаться сюда. Но теперь у него была жена, и он должен был учитывать и ее желания.

– Вы хотели остаться в Лондоне на сезон? – неуверенно спросил он.

– О нет, – ответила она так быстро, что Эйдриан понял, что она говорит это не только для того, чтобы угодить ему. Он почувствовал облегчение. Она добавила: – Боюсь, я похожа на мою мать и не очень люблю светское общество.

– Очень хорошо. – Эйдриан улыбнулся и поцеловал ее за эти слова, потом выпрямился и повторил: – Значит, прикажите ей упаковать все.

Кивнув, Кларисса хотела войти в свою комнату и едва не

споткнулась о ножку стула, стоящего у двери. Эйдриан нахмурился, поймал ее и удержал. Ему пришло в голову, что они так и не заказали ей новые очки, и он на мгновение подумал, что нужно отложить отъезд, чтобы сделать это... но потом отбросил эту мысль. Может быть, они смогут заказать ей очки в деревне рядом с поместьем. Ему все еще не хотелось, чтобы она увидела его так скоро. Прошлая ночь была хорошим началом для брака, но Эйдриану требовалась еще хотя бы пара недель, чтобы укрепить их отношения, прежде чем она увидит его шрам.

Упрекнув себя за эгоизм, Эйдриан нахмурился и, закрыв дверь ее комнаты, направился к себе. Он вынужден был признать, что жизнь Клариссы была бы гораздо легче имей она очки. Не говоря уже о том, что безопаснее. А так ей постоянно грозило свалиться с лестницы или что-нибудь подпалить. Но он так боялся, что ей будет неприятен его шрам...

Рука Эйдриана рассеянно прошлась по этому самому шраму, когда он вошел в свою спальню. Еще только пара недель, пообещал он себе. Потом он обязательно достанет Клариссе очки, чтобы она могла читать и безопасно передвигаться. А тем временем он будет читать ей сам, чтобы она не скучала по книгам. Эйдриану было все равно, если она будет проливать еду на одежду, так что с этим проблемы не возникнет; и он позаботится, чтобы слуги в Моубри, все до единого, были оповещены о ее слепоте и тщательно следили за безопасностью своей хозяйки. Он даже сделает это их

главной задачей.

Довольный своим решением, Эйдриан бросил халат на кровать и, подойдя к шкафу, начал доставать одежду. Он был полуодет, когда Кили, его камердинер, вошел в комнату. Он тут же бросился помогать ему одеваться, но Эйдриан отмахнулся и приказал начать паковать вещи и позвать на помощь кого угодно, только чтобы покончить с этим как можно скорее.

Когда Эйдриан зашел к Клариссе, она как раз закончила писать письмо. Джоан торопливо собирала вещи. Сказав служанке, что пришлет кого-нибудь помочь ей, Эйдриан повел Клариссу вниз и передал ее письмо Джессопу, который должен был отправить посыльного к лорду Крамбри. Потом он проводил ее в столовую. Как и ожидалось, кухарка уже приготовила им завтрак, и они оба с удовольствием поели после энергичных занятий прошлой ночи.

Слуги еще паковали вещи, когда они закончили завтракать, но Эйдриан ожидал этого и приказал Джессопу погрузить и привязать сундуки во вторую карету, когда они будут готовы. Джоан и Кили поедут во второй карете вместе с багажом, в то время как они с Клариссой отправятся в первой. Потом он поспешно вывел ее и усадил в карету, прежде чем поговорить с кучером.

– Боже мой, – выдохнула Кларисса, когда минуту спустя он присоединился к ней, – как быстро вы делаете то, что задумали!

Эйдриан улыбнулся ее изумленному выражению лица, наклонился и поцеловал кончик ее носа. Он почувствовал мгновенный укол совести.

– Вы не против так скоро покинуть город? Я знаю, что вам нравится проводить время с отцом.

– И я смогу проводить с ним время, когда он приедет в Моубри, – пробормотала Кларисса. Потом она заверила его: – Нет, милорд. Я действительно не против. Боюсь, сегодня любое общество было бы для меня в тягость.

Ее румянец свидетельствовал о том, что ее дискомфорт имел отношение к тому, чем они занимались прошлой ночью, и Эйдриан снова улыбнулся и усадил ее к себе на колени. Кларисса взвизгнула от удивления и схватилась за его плечи, когда он повернул ее лицом к себе.

– Вам сегодня больно? – хрипло спросил Эйдриан, целуя ее в лоб, а потом в глаза.

– Нет, – прошептала Кларисса. – А должно?

– Не знаю, – признался Эйдриан. Он нежно поцеловал ее в губы и улыбнулся, когда она прильнула к нему. Потом он прошептал: – Кларисса?

– М-м-м? – пробормотала она, наклоняя голову, когда он легко прикусил мочку ее уха.

– Вы помните ту поездку в карете, когда спрашивали меня о позициях, которые мужчина и женщина могут использовать для...

– Да, – перебила его Кларисса, очаровательно краснея.

– Ну... – Эйдриан замолчал и приник губами к ее шее, наслаждаясь трепетом, волны которого пробежали по ее телу. Он вызывал этот трепет возбуждения и мог вызвать нечто гораздо большее. Прошлой ночью Кларисса кричала от наслаждения, когда он во второй раз занимался с ней любовью. Он был награжден самой отзывчивой и чувственной женой и понимал, как ему повезло. Кларисса все еще была робкой и невинной, но, когда он возбуждал ее, она забывала о большинстве запретов и отдавалась чувствам.

– Ну? – повторила она, побуждая его закончить мысль. Улыбаясь, Эйдриан скользнул рукой под ее юбку и наклонил голову, чтобы поцеловать выпуклость груди над вырезом платья. Другая его рука схватилась за край выреза и потянула вниз, обнажая грудь. Он улыбнулся, когда увидел, что сосок уже напряжен – так же, как и он.

– Ну... – пробормотал Эйдриан, наклоняясь к обнаженной плоти. Он умолк, чтобы лизнуть ее, прежде чем продолжить. – Я вспоминал, как вы говорили, что путешествия в карете вам кажутся слишком скучными.

– Вряд ли можно заскучать, когда вы рядом, милорд, – с легким смехом сказала Кларисса и застонала, когда он поймал губами ее сосок и прикусил его зубами.

– М-м! – выдохнул Эйдриан, не отрываясь от ее возбужденной плоти, и улыбнулся, когда она содрогнулась и выгнула спину. Потом он добавил: – Я подумал, не захотите ли вы провести время здесь, в карете, испытывая позицию, кото-

рую я показывал вам?

Дыхание Клариссы стало затрудненным, и она подвинулась на его коленях, шире раздвигая ноги, когда его рука поползла вверх по ее бедру.

– Которую из них, милорд? – задыхаясь, спросила она, напомним ему, что он действительно показал ей две позиции, прежде чем карета остановилась, сбросив их на пол.

Эйдриан не ответил. Он сомкнул губы на ее соске, медленно посасывая его, в то время как его пальцы наконец добрались до ее центра.

– О муж! – Кларисса застонала, сжимая его голову, и Эйдриан застонал, когда она шевельнула бедрами в ответ и ее ягодицы прижались к его напряженному естеству. – Которую? – повторила она более настойчиво, ее руки запутались в его волосах.

Эйдриан отпустил ее грудь и убрал руку, которая была между ее ног. Потом он занялся декольте ее платья, пока не высвободил обе груди.

– Обе, – выдохнул он, накрывая их ладонями. – Обе позиции и, возможно, другие. Это долгая поездка.

– О! – простонала Кларисса. – Милорд, я верю, что эта поездка понравится мне гораздо больше, чем та, когда я ехала в Лондон вместе с Лидией.

– Я очень на это надеюсь, жена. – Эйдриан усмехнулся. – В конце концов, у меня есть преимущества перед вашей мачехой.

– У вас много преимуществ перед ней, – заверила его Кларисса, ее голос был хриплым. Она нежно поцеловала его в губы и спросила: – Но о каком вы говорите?

– М-м-м... – Эйдриан улучил момент, чтобы поцеловать ее, потом протянул руку и задернул занавески на окнах кареты, сначала с одной, потом с другой стороны. – У меня есть ключ к вашему замку.

Кларисса заморгала, потом тихо хихикнула, но ее смех замер, когда Эйдриан наклонился, чтобы снова завладеть ее губами.

Глава 14

Эйдриан смотрел сверху вниз на хрупкую женщину, лежащую в его объятиях, на его губах играла улыбка. Кларисса сидела верхом на его коленях, ее обнаженные груди и лицо прижимались к его такой же обнаженной груди. Она спала, совершенно изможденная, и все это была вина Эйдриана. Он явно изнурил ее, занимаясь с ней любовью.

Он смотрел на ее шелковистую безупречную кожу, на ее вздернутый носик и на слегка приоткрытые губы и чувствовал, что сердце переворачивается у него в груди. Один взгляд на Клариссу заставлял Эйдриана желать обнять ее, а объятия заставляли его желать большего. К несчастью, они уже скоро приедут в Моубри, и сейчас совсем не время будить ее для еще одного эксперимента, какая позиция лучше подходит для длительного путешествия в карете.

Кларисса вздохнула во сне, и сердце Эйдриана сделало еще один оборот. Она такая милая, подумал он, поднимая руку, чтобы легко провести пальцем по ее щеке. Его леди жена немедленно нахмурилась и раздраженно пробормотала что-то во сне, отбрасывая его руку.

Покачав головой, он прижал ее к своей груди и на мгновение закрыл глаза, не в силах поверить в свою удачу. Эйдриан был твердо уверен, что ему досталась самая невероятная жена на свете.

Сейчас лиф ее платья был смят и стянут до самой талии. Юбка тоже была задрана, и их тела почти склеил высыхающий пот. Но неужели это не беспокоило ее? Волновалась ли она из-за состояния ее платья, которое он умудрился порвать в порыве страсти? Нет. Клариссу это настолько не интересовало, что она заснула.

Разумеется, Эйдриан понимал, что и он не в лучшем состоянии. Его бриджи запутались на лодыжках, а рубашка распахнута, и половина пуговиц на ней оторвана. И ему тоже было все равно, как он выглядит. По крайней мере так было до тех пор, пока вдруг не раздался крик кучера. Когда Эйдриан отдернул занавеску, он с ужасом увидел, что они подъезжают к Моубри.

Эйдриан был так потрясен осознанием того, что они уже приехали – и это когда они были меньше всего готовы встретиться с кем-либо, – что немного дернулся вперед и уронил жену на пол.

– О, Кларисса! Простите, – пробормотал он, снова опуская занавеску и наклоняясь, чтобы помочь ей. Его милая жена сонно бормотала что-то недовольное и пыталась выбраться из вороха ткани, в котором запуталась.

Эйдриану удалось поднять ее, но ее платье быстро соскользнуло и оказалось на полу кареты. Нахмурившись, он устроил Клариссу на сиденье рядом с собой и нагнулся, чтобы поднять платье. Он подал его ей, настойчиво говоря:

– Мы приехали. Мы должны одеться. Быстро.

– Что? – в замешательстве спросила она. – Что это значит – мы приехали?

– Я хочу сказать, что мы здесь, в Моубри. – Эйдриан отдернул занавеску, чтобы показать ей, потом понял, что она все равно ничего не увидит без очков, поэтому объяснил: – Мы уже проехали половину подъездной дорожки. Мы должны одеться, и быстро.

Кларисса не стала тратить время на вопросы. Она немедленно начала сражаться с платьем, стараясь разобраться в спутанной ткани.

Чувствуя облегчение от того, что она поняла серьезность их положения, Эйдриан занялся собственной одеждой. Он быстро натянул бриджи на ноги и привстал, возвращая их на талию, только для того, чтобы рухнуть, когда карета дернулась и остановилась. Протянув руку, ему удалось удержать Клариссу от падения на пол. Они съехали вперед и потом были снова отброшены на мягкое сиденье.

Сражаясь со складками платья, Кларисса пробормотала что-то очень похожее на «Черт, черт, вот черт!» и продолжила борьбу. Эйдриан оставил на время свои бриджи и попытался помочь ей, ища в ярдах материи ее голову. Ему казалось, что она не может найти ворот. Но в тот момент, когда он нащупал ее макушку, дверца кареты начала открываться. Эйдриан быстро отпустил Клариссу и повернулся, чтобы остановить это.

Он оглянулся и увидел, что ее голова вынырнула из пла-

тъя. Теперь Кларисса отчаянно пыталась просунуть руки в рукава.

Оставив ее разбираться с этим, Эйдриан быстро управился с бриджами и запахнул рубашку на груди, застегивая оставшиеся пуговицы. Закончив, он взглянул на Клариссу. С некоторым удивлением он увидел, что она должным образом надела платье и даже застегнула его и теперь безуспешно пыталась разгладить мятую юбку. Она ощупала свои волосы и спросила:

– Я выгляжу нормально? Они ведь ни о чем не догадаются, правда?

Эйдриан прикусил язык, не желая признаваться, что ее волосы торчат во все стороны и что они – вместе с ее порванным и мятым платьем – определенно выдадут ее.

Откашлявшись, он решил сделать рыцарский жест – он солгал:

– Они никогда ни о чем не догадаются.

– О, хорошо!

Кларисса вздохнула и, прежде чем он успел сказать еще хоть слово, потянулась к двери и распахнула ее, едва не разбив голову дворецкому, который, видимо, подошел к карете, чтобы узнать, что случилось.

К счастью, несмотря на свой возраст, Киббл отличался большим проворством и успел увернуться. Он так же быстро снова подскочил к карете, чтобы подхватить свою новую хозяйку, когда Кларисса запуталась в подоле своего платья и

упала лицом вперед.

Она с криком приземлилась на его тощую грудь, потом смогла встать на ноги и прищурилась на бульдожье лицо дворецкого, стараясь разглядеть его черты. Со своей стороны дворецкий тоже смотрел на нее, открыв рот. Его глаза с ужасом смотрели на ее распухшие от поцелуев губы, растрепанные волосы и смятую одежду.

Проклиная себя за то, что оказался недостаточно быстр, чтобы выйти первым и помочь ей спуститься, Эйдриан торопливо последовал за ней. Он взял ее за руки повыше локтей и притянул спиной к своей груди. Потом, обняв ее за плечи, он гордо посмотрел на своих слуг.

– Кларисса, это мои слуги. Джентльмен, спасший вас от падения, – это мой дворецкий, Киббл. Когда я был мальчишкой, он был моим гувернером, но взял на себя роль дворецкого, когда дворецкий моих родителей, Фицвильям, умер.

– Здравствуйте, Киббл. Спасибо, что не дали мне упасть, – смущенно сказала Кларисса, улыбаясь седовласому старику.

– Мне было приятно, миледи, – заверил ее Киббл, демонстрируя редкие для него шарм и любезность.

– А это моя – наша – экономка, миссис Лонгботтом, – продолжил Эйдриан, чуть повернув ее так, чтобы Кларисса посмотрела на женщину, которую в детстве он тайно называл Лонгфейс¹. Действительно, это имя ей больше подходило. Женщина была невысокой и круглой, но с вытянутым ли-

¹ *Longbotlom* – длинный зав, *Longface* – длинное лицо (англ.).

цом.

– Миссис Лонгботтом. – Кларисса улыбнулась и кивнула женщине, прежде чем Эйдриан снова повернул ее, на этот раз к шеренге слуг, имена которых он быстро перечислил.

– Это Мария, Бесси, Антуанетт, Люси, Жан, Джейми, Фредерик, Джек и Роберт, – объявил он.

– Здравствуйте, – робко произнесла Кларисса, и Эйдриан ободряюще сжал ее плечи. Он помолчал, вдыхая ее аромат. Проклятие, она всегда так замечательно пахла!

Моргнув, чтобы стряхнуть с себя наваждение, Эйдриан продолжил:

– Не беспокойтесь, я знаю, что имен очень много, но вы со временем запомните их все.

– Уверена, так и будет. – Кларисса решительно расправила плечи.

Эйдриан снова сжал ее и добавил:

– Несколько слуг сейчас здесь нет, но вы познакомитесь и с ними тоже. А тем временем... – Он окинул взглядом небольшую толпу. – Друзья мои, это моя жена, леди Кларисса Монтфорт, новая графиня Моубри.

– Графиня? – Кларисса резко обернулась в его сторону.

– Жена графа – это графиня, – мягко заметил Эйдриан и улыбнулся, веселясь ее испугу. Очевидно, его жена не думала о том, что приобретает в социальном отношении, выходя за него замуж.

– Да, но... О! – воскликнула Кларисса, вдруг осознав все,

и его улыбка стала шире.

Нет, она действительно не думала о его титуле, когда выходила за него замуж, понял Эйдриан. Какое счастье! Какое чудо! Его жена вышла за него ради него самого. Если раньше еще могли быть вопросы, теперь от них не осталось и следа. Он действительно был счастливейшим из смертных.

К несчастью, его реакция шокировала слуг.

– Это была улыбка? – спросил Киббл, на его бульдожьим лице было написано удивление. Он повернулся к экономке: – Неужели наш лорд улыбается?

– По-моему, да, – с улыбкой ответила миссис Лонг-боттом.

– Что же могло стать причиной, как вы думаете? – спросил Киббл.

– Ну, я уверена, что все дело в этом маленьком свертке в его объятиях. Вот кто заставил нашего лорда так улыбаться, Киббл.

– Нет. Такая фитюлька, как она? Укротила дикого зверя? – продолжил дворецкий. – Разве такое может быть?

– Я бы улыбался, если бы она была моей леди, – громко заявил Фредерик.

За что получил от Люси затрещину.

– Полагаю, вы правы, миссис Лонгботтом, – решил Киббл и вдруг упал на колени перед Клариссой, схватил обеими руками ее руку, галантно поднес к губам и запечатлел на ее пальцах благоговейный поцелуй. – Вы, должно быть, ан-

гел, потому что только ангел мог превратить нашего лорда из мрачного и угрюмого Гаса, которым он был, в этот образец веселья. С этого момента, миледи ангел, вам принадлежит моя вечная преданность. Моя жизнь ваша.

Эйдриан застонал и округлил глаза. Когда-то Киббл был его гувернером, и Эйдриан воспринимал его как родителя, почти такого же, как его собственные отец и мать. К сожалению, это дало дворецкому несколько возвышенное положение; не совсем родственник, но и не просто слуга, ужасно занудный и слишком высокого мнения о себе. К тому же он любил немного поиграть на публику, что только ухудшало дело.

– Очень хорошо, Киббл, – сухо сказал Эйдриан. – Достаточно. Ты напугаешь Клариссу.

Киббл только иронично поднял бровь. Его взгляд был добрым, когда он посмотрел на улыбающееся лицо Клариссы.

– Вы, должно быть, хотели сказать, что я пугаю вас, потому что леди ничуть не выглядит испуганной.

Эйдриан улыбнулся и наклонился, чтобы поцеловать жену в лоб, после чего развернул ее к двери.

– Это было долгое путешествие. Уверен, Кларисса хотела бы принять ванну и немного отдохнуть перед ужином. Люси, ты не покажешь ей ее комнату?

– Разумеется, милорд. – Маленькая блондинка широко улыбнулась и повернулась к двери.

– Пожалуйста, Люси, возьми ее за руку, – распорядился Эйдриан. – Боюсь, очки Клариссы разбились, а я не хочу, чтобы она споткнулась и упала, пока мы не сможем заменить их.

– Конечно, милорд. – Девушка вернулась, чтобы быстро взять свою новую хозяйку под руку, и, уже медленнее, повела ее к лестнице и вверх по ступенькам.

Эйдриан провожал их взглядом, пока две женщины не добрались до лестничной площадки и не исчезли в холле, потом обернулся и увидел, что вся челядь сгрудилась за его спиной, тоже наблюдая за их уходом. Он сердито посмотрел на них, но они не обратили на него никакого снимания, поэтому он раздраженно откашлялся. Киббл искоса взглянул на него:

– Вы страдаете от простуды, милорд?

Эйдриан вздохнул. В этом проблема со слугами, которые живут в доме с твоего рождения, которые видели тебя бегающим по двору в подгузниках, сползающих до колен, – никакого уважения. Проигнорировав явное отсутствие должного почтения, Эйдриан направился к двери гостиной.

– Я хочу поговорить со всеми здесь, пожалуйста.

– Это относится к вашей жене и Люси тоже? Мне пойти, привести их обратно? – с надеждой спросил Фредерик.

– Просто входите сюда, – отрезал Эйдриан, остановившись у двери гостиной и сердито наблюдая, как слуги проходят мимо него в комнату. Он вошел вслед за последним из

них и закрыл дверь. – Кто-нибудь из вас передаст эту информацию Люси, когда она вернется, но я не хочу, чтобы вы упоминали об этом разговоре Клариссе. Точнее, я уволю каждого, кто будет болтать о том, что я вам сейчас скажу, даже друг с другом. Я не хочу, чтобы моя жена случайно услышала об этом от кого-то из вас и стала беспокоиться. Это понятно?

– Исключая, разумеется, того из нас, кто сообщит об этом Люси, – заметил Киббл.

– Да, да, за этим исключением, – со вздохом пробормотал Эйдриан. Киббл всегда считал для себя обязательным поправлять его. По мнению дворецкого, этот разговор был чрезвычайно важен, и чрезвычайно важно было сделать все правильно.

– Очень хорошо, милорд, – сказал дворецкий и принял расслабленную, но внимательную позу. – Пожалуйста, продолжайте.

Эйдриан поджал губы. Фразу «Пожалуйста, продолжайте» Киббл всегда использовал раньше, когда хотел, чтобы Эйдриан прочитал по памяти или объяснил что-то, чему он обучал его. Эта фраза всегда заставляла его чувствовать себя десятилетним мальчишкой, стоящим перед гувернером, каковым, конечно, он и был. По крайней мере когда-то Киббл был его гувернером.

Вздохнув, он приказал себе отбросить эти мысли и сказал: – Во-первых – как вы слышали, когда я говорил Люси, – очки Клариссы разбились, а без них она очень плохо видит.

Из-за этого она подвержена разным случайностям, и в городе с ней произошло уже несколько несчастных случаев.

– Каких несчастных случаев? – спросил Фредерик. Эйдриан колебался, потом решил, что лучше рассказать им, чтобы они знали, с чем им придется столкнуться.

– Она ставила на колени чашки с чаем, принимая их за стол, падала с лестницы, поджигала свечой парики и все в таком же духе.

– Господь милосердный! – пробормотала миссис Лонгботтом, озабоченно морща лоб. – Нам придется приглядывать за девочкой, пока не привезут ее новые очки.

– Да, вот именно, – сказал Эйдриан. – Предполагается, что ее горничная должна присматривать за ней, но девушка не всегда может быть рядом. Кларисса иногда устает от ее опеки и становится нетерпеливой, когда с ней приходится нянчиться. Поэтому я хочу, чтобы вы все приглядывали за ней. Эта задача будет для вас самой главной до тех пор, пока она не получит очки. Я не хочу, чтобы она пострадала.

– Будет сделано, – твердо сказал Киббл. – Сколько времени потребуется, чтобы доставить новые очки?

Эйдриан неуютно поежился, не в силах встретиться с ним взглядом, и пробормотал:

– Я сейчас этим занимаюсь.

Глаза Киббла сузились, и Эйдриану показалось, что дворецкий почувствовал его замешательство; он всегда мог распознать его ложь. Прежде чем Киббл смог продолжить рас-

спросы, Эйдриан заговорил снова.

– Это не единственная проблема, – быстро произнес он, возвращая себе часть недавней уверенности. – Возможно, есть кто-то, пытающийся навредить Клариссе.

На лицах его слуг появилось удивление, и он продолжил:

– Некоторые из несчастных случаев могли быть вовсе не несчастными случаями.

– Что вы хотите этим сказать, милорд? – спросила миссис Лонгботтом.

Эйдриан задумался, но потом решил, что лучше им знать, с чем придется иметь дело. Конечно, он не думал, что здесь Клариссе может грозить какая-то опасность. Он был уверен, что, кто бы ни пытался навредить ей, он не станет пытаться делать это сейчас, когда она вышла за него замуж и была надежно спрятана в его загородном доме. Однако, поскольку Эйдриан понятия не имел, почему кто-то вообще стремится причинить ей зло, его одолевали сомнения. Поэтому он быстро рассказал о ее падении с лестницы, о том, как ее толкнули под экипаж, о падении в фонтан и о пожаре, когда дверь ее спальни оказалась заперта.

Пока слуги осмысливали его слова, стояла абсолютная тишина; наконец Киббл спросил:

– И давно она без очков?

– Некоторое время, – уклончиво ответил Эйдриан, потом откашлялся и сказал: – Итак, как вы видите, я беспокоюсь за нее и буду признателен, если вы все станете вниматель-

но следить за всеми незнакомцами, появляющимися в поместье, и за тем, что может причинить ей вред.

– Я буду смотреть за ней днем и ночью, милорд, – поклялся Фредерик, которого история страданий Клариссы, очевидно, глубоко растрогала.

– Уверен, в этом не будет необходимости, Фредерик, – сухо сказал Эйдриан. – Но я буду благодарен, если вы все проявите бдительность, когда сможете.

– Очень хорошо, милорд, мы будем очень тщательно приглядывать за ней, – согласился Киббл. – Если это все, то, может, нам стоит вернуться к работе?

– Да, это все, – сказал Эйдриан. Устраиваясь в кресле у камина, он слышал шорох одежды и шарканье ног выходящих слуг, потом вздрогнул, когда до его слуха донесся звон стекла со стороны столика на колесах, где стоял бренди. Ушли все, кроме Киббла, который теперь наливал бренди в два бокала. Вернув стеклянную пробку в графин, дворецкий принес бокалы и протянул один Эйдриану, прежде чем устроиться в мягком плюшевом кресле рядом с ним.

Эйдриан ничуть не удивился. Это был привычный ритуал, когда Киббл хотел поговорить с ним. Его тревожило только, что именно слуга мог желать обсудить.

– Она не видела вашего лица, – сказал дворецкий. Это был не вопрос.

Рот Эйдриана напрягся, и он уставился в холодный камин, не желая отвечать.

– Вы сказали, что ее очки разбились. Почему вы не купили ей новую пару до того, как привезти ее сюда, в Моубри?

Эйдриан обиженно пожал плечами и поднял свой бокал, чтобы сделать добрый глоток бренди.

– Вы боитесь, что ваше лицо будет ей отвратительно. – И опять слова дворецкого не были вопросом.

– Я планирую достать ей новые очки через неделю или около того, – проворчал Эйдриан, чувство вины заставляло его злиться.

Киббл помолчал, его взгляд был задумчивым. Он тоже неподвижно смотрел в пустой камин. Потом он спросил:

– У нее нет собственных денег?

– Что? Да, конечно, есть. – Эйдриан нахмурился. Он знал, что у Клариссы есть деньги; его мать упоминала по дороге после примерки, что она купила бутылочку духов. Тогда он узнал, что она получает небольшую сумму из ее наследства с тех пор, как ей исполнилось двадцать. Разумеется, все это было улажено в день их свадьбы, и некоторые бумаги из тех, что им пришлось подписать в тот день, были о переводе денег на счет, к которому у нее был доступ. Об остальном нужно было узнавать. – Почему ты спрашиваешь об этом?

Киббл пожал плечами:

– Просто интересно, милорд.

Встав, дворецкий опрокинул в рот остатки бренди, отнес пустой бокал и поставил его на столик, прежде чем выйти из комнаты.

– Вы не можете держать ее слепой вечно, – были последние его слова, когда за ним закрылась дверь. Это было замечание, которое Эйдриан уже начинал всем сердцем ненавидеть.

Он зло посмотрел на пустой камин и допил остатки бренди, потом встал и подошел к столику, чтобы налить еще. Ему совсем не нужно было, чтобы дворецкий растревлял его совесть; она и сама уже доставляла ему достаточно страданий. Она кричала ему, что Кларисса, несомненно, будет в большей безопасности, если сможет нормально видеть. К тому же совесть утверждала, что, зная о том, что кто-то, возможно, хочет навредить ей, Кларисса будет настороже и сумеет защитить себя. Но у него были возражения по каждому пункту. Несомненно, несколько пар глаз лучше, чем только ее собственные. И он приказал всей челяди следить за ней, так что ей ничто не угрожает.

Конечно, зная она о возможной опасности, она вела бы себя осторожно, но жила бы в постоянном страхе. Эйдриан совсем не хотел, чтобы она тревожилась или боялась. Теперь, избавившись от мачехи, Кларисса просто расцветала. Он не желал, чтобы это изменилось, чтобы она вновь превратилась в робкое, испуганное существо.

Оба аргумента вполне убедительны, говорил себе Эйдриан, неся еще бренди к своему креслу. Но он не мог лгать себе. Он знал истинную причину, по которой не хотел, чтобы она носила очки.

Вздыхнув, он снова плюхнулся в кресло и устался в свой бокал, размышляя о несправедливости жизни. Он нашел идеальную женщину, ту, которую он любил, желал и с которой обожал проводить время. Ту, которая заставила его смеяться и – по его мнению – сделала его лучше, нежнее. К тому же Кларисса не отворачивалась в ужасе от одного взгляда на него. Но он боялся, что это только потому, что она не может видеть его. В то время как ее присутствие делало его терпеливее и добрее к другим, оно также делало его жестоким к ней, к той, кого он любил. Потому что, несомненно, жестоко держать ее слепой, когда она могла бы видеть, красть у нее возможность читать, жить полной жизнью и наслаждаться ею, – и все это только из-за его эгоистичных побуждений.

Вздыхнув, Эйдриан поставил на стол полный бокал и смиренно встал. Он должен сделать так, чтобы Кларисса получила новые очки. Ему придется забыть о своем шансе на счастье, чтобы дать счастье ей.

Качая головой, Эйдриан вышел из гостиной и направился наверх. Сейчас он скажет ей, что отвезет ее завтра в деревню, чтобы узнать, могут ли там заказать для нее очки. Так он не оставит себе путей к отступлению и не сможет передумать.

Он поднялся только на третью ступеньку, когда услышал приглушенный шум, донесшийся от парадной двери. Остановившись, он повернул назад и подошел к двери, чтобы распахнуть ее, и удивленно поднял брови при виде второй каре-

ты, остановившейся на подъездной дорожке. Пока он смотрел, дверца открылась, из кареты вышел усталый Кили, повернулся и подал руку горничной Клариссы. Как Эйдриан и предполагал, Джоан выглядела совершенно измотанной путешествием.

– Это и есть горничная леди Клариссы? – спросил Киббл, появляясь рядом с ним и глядя на пару, идущую теперь по дорожке к дому.

Эйдриан кивнул.

– Они наверняка устали после поездки, Киббл. Покажи Джоан ее комнату и пусть поест и отдохнет. Приступить к работе она может завтра. То же самое касается Кили.

– Очень хорошо, – пробормотал Киббл, потом скаал: – Люси помогла леди Клариссе раздеться и принять ванну, но теперь она внизу. Мне послать ее опять наверх, чтобы она помогла леди Клариссе собраться к ужину?

– Нет. Я сам помогу ей, – сказал Эйдриан и направился к лестнице. – Пришли еду в комнату моей жены на подносах. Мы поужинаем там и рано ляжем спать.

Широко распахнув глаза за стеклами очков, Кларисса перевернула страницу книги, которую читала, и продолжила поглощать историю о неверной жене и наказании, которого потребовал ее муж. Сперва ей показалось, то эта книга может быть полезной, но когда она проскользнула вниз, чтобы совершить набег на библиотеку Моубри, у нее не было времени смотреть внимательнее.

Да, Кларисса спросила Люси, есть ли в Моубри библиотека и где она находится, пока они шли в ее новую комнату. И когда Люси закончила показывать ей спальню и побежала вниз приказать приготовить ей ванну, Кларисса надела очки и последовала за ней. Она решила, что у нее есть всего несколько минут, и, боясь быть пойманной, поспешила назад наверх. Ей удалось вернуться в комнату и спрятать книгу под подушку как раз перед тем, как вернулась Люси.

Горничная помогла ей раздеться и распустить волосы, пока несли воду для ванны. Потом Кларисса отпустила её, заверив девушку, что предпочитает принимать ванну одна. Когда служанка ушла, Кларисса достала очки и книгу и опустилась в ванну, чтобы почитать.

Кларисса перевернула еще одну страницу и продолжила чтение, наслаждаясь романом, написанным Марией де Зайас. Женщина! Это все еще было редкостью в обществе, а ведь книга была написана очень много лет назад. Как выяснилось, она оказалась не очень полезной в смысле идей, как доставить наслаждение мужу, но в остальном она была интересной, и Кларисса читала с удовольствием. За последние недели она стосковалась по печатному слову и теперь впитывала его, как цветок дождевую воду после долгой засухи.

Кларисса как раз переворачивала страницу, когда услышала звук поворачиваемой ручки двери. Ее охватила тревога, она сорвала очки и прижала их вместе с книгой к груди, глядя через плечо на дверь. Ее рот уже открылся, чтобы ска-

зять Люси, что она не желает, чтобы ее беспокоили, когда узнала темные волосы и гораздо более крупную фигуру своего мужа.

В панике Кларисса, даже не думая, просто сунула руку с книгой и очками в воду. Она придавила уличающие ее предметы ногой и лихорадочно соображала, что делать дальше.

– Как ванна? – спросил Эйдриан, и она услышала улыбку в его голосе, когда он подошел.

Рот Клариссы открылся и закрылся, пока она пыталась придумать, как бы удержать его подальше от ванны. Если он приблизится, он, без сомнения, захочет помочь ей мыться; потом эта помощь превратится в препятствие, когда он будет целовать и ласкать ее, а потом он либо окажется в ванне вместе с ней, либо вытащит ее оттуда. В обоих случаях книга окажется на виду.

Единственным правильным решением, казалось, было не подпускать его к ванне. Чтобы устроить это, Кларисса сделала первое, что пришло ей в голову. Эйдриан был на полпути к ней, когда Кларисса вдруг встала из воды.

Как она и надеялась, он замер и, похоже, просто стоял и смотрел на нее с открытым ртом. Вода струилась по ее телу и с плеском стекала в ванну. Кларисса чувствовала его горячий взгляд, скользящий по ее обнаженной плоти, и знала, что краснеет, но отчаянные случаи требуют отчаянных мер.

Прежде чем ее муж успел собраться с мыслями, она вышла из ванны и преодолела короткое расстояние, разделяв-

шее их. Кларисса не сказала ни слова; она даже не делала ничего, просто шла к нему. Когда она оказалась на расстоянии руки, Эйдриан схватил ее и заключил в объятия. Его губы накрыли ее рот, руки блуждали по ее телу, а потом он повернулся и, продолжая целовать, повел ее к постели.

Когда ее ноги коснулись Кровати, Эйдриан оторвался от ее губ и пробормотал:

– Я думал, вы могли слишком устать после путешествия.

Улыбаясь, Кларисса запечатлела нежный поцелуй в уголке его губ, села на кровать и протянула руки, чтобы расстегнуть его бриджи.

– Я подозреваю, что никогда не устану от вас, муж мой, – заверила его Кларисса. Помогая ему избавиться от одежды, она говорила себе не забыть при первой же возможности забрать книгу и очки из ванны... и лучше, если это случится до того, как кто-то заметит их там.

Глава 15

– Вы уверены, что не предпочли бы...

– Нет, – быстро прервала Кларисса Киббла, потом заставила себя быть терпеливее и выдавила улыбку. – Я бы хотела просто немного полежать. Короткий сон – вот все, что мне нужно.

– Вы ведь не больны, миледи? – участливо спросил дворецкий.

Клариссе удалось сдержать сердитый взгляд. Честно говоря, челядь в Моубри тряслась над ней как над младенцем – даже молодые мужчины. То один, то другой, а иногда и сразу несколько постоянно следовали за ней все эти четыре дня. А если она пыталась ускользнуть в свою комнату, чтобы немного побыть одной, они ужасно расстраивались.

– Я в порядке, – твердо сказала она. – Просто в последнее время я мало спала и хочу вздремнуть.

– Понимаю. – Киббл нахмурился. – Ну, если вы не больны...

– Я не больна. Пожалуйста, проследите, чтобы никто меня не беспокоил. Скажите Джоан, что она мне пока не понадобится. – Пока она дошла до своей двери, дворецкий все время следовал за ней по пятам, а за ним еще и лакей. Кларисса заставила себя улыбнуться им и скрылась в своей комнате, плотно закрыв дверь. Внутри она со вздохом прислонилась

к косяку.

«Господь милосердный», – раздраженно подумала Кларисса; потом она вытащила книгу из складок юбки, где прятали ее, и бросила на кровать. Тряхнув головой, она нырнула рукой в маленький разрез сбоку юбки и нащупала мешочек, висящий на талии. Кларисса достала его, вытащила очки и надела их, чтобы осмотреть комнату. Стул был только один. Он стоял перед туалетным столиком. Преисполнившись решимости, она подтащила его к двери и подперла им дверную ручку.

Удовлетворенная тем, что никто не сможет неожиданно проскользнуть внутрь с этой стороны, Кларисса повернулась к двери, ведущей в комнату Эйдриана. Для этой двери не было стула, и мгновение она думала просто оставить все как есть, но страх, что Эйдриан войдет и застанет ее в уродливых очках, заставил ее изменить решение.

Соображая, чем бы подпереть эту вторую дверь, она наконец остановила выбор на стоящем рядом комод. Упираясь в него сбоку, Кларисса стала двигать тяжелый деревянный комод, морщась от скрипа дерева по твердому деревянному полу. Ругаясь себе под нос, Кларисса удвоила усилия, надеясь, что скорость компенсирует громкий звук.

– Миледи? – раздался приглушенный дверью встревоженный голос Киббла. – Все в порядке?

Остановившись на полпути, Кларисса округлила глаза.

– Да, Киббл, я в порядке.

– Мне показалось, я слышал странный звук, как будто передвигали что-то тяжелое, – сказал дворецкий. В его голосе звучало явное неодобрение.

Кларисса сдула прядь волос, упавшую на лицо, и сказала:

– Да, я сейчас передвигала кое-что. Устраиваюсь поуютнее.

Наступила долгая тишина, и Кларисса уже начала надеяться, что он принял этот ответ и ушел, когда он сказал:

– Вы не можете на минутку открыть дверь? Просто чтобы я мог убедиться, что все в порядке?

Кларисса проворчала что-то себе под нос и пошла к двери в коридор. Она убрала стул, сняла очки и спрятала их в складках юбки, потом открыла дверь.

– Видите? Я в порядке.

Киббл медленно окинул ее взглядом, его глаза подозрительно сузились, как будто он боялся, что она может говорить неправду; он принялся осматривать комнату.

Кларисса прикусила губу, надеясь вопреки всему, что он не заметит комод... но он, конечно же, заметил.

– Вы заблокировали вход из комнаты его сиятельства! – Дворецкий был потрясен, насколько это вообще было возможно в таких обстоятельствах.

– Да, я это сделала, – тихо сказала Кларисса. – Это временно, Киббл. Я хочу несколько минут отдыха, всего лишь немного уединения, и подумала, что так никто не сможет беспокоить меня.

Киббл молча обдумывал ее слова, потом снова оглядел комнату. Она была достаточно близко, чтобы видеть, что его мозг работает за этими невероятно умными глазами, и почувствовала, что начинает нервничать. Когда его взгляд вдруг остановился на чем-то в комнате, Кларисса не могла не обернуться и посмотреть, что он там нашел. Разумеется, без очков она не увидела ничего, кроме размытых пятен.

– На вашей кровати лежит книга, – объявил Киббл, и у Клариссы упало сердце. Она совсем забыла о книге, которую несколько минут назад бросила на постель. Стараясь сохранить безразличный вид, она повернулась к нему.

– Неужели? Наверное, Джоан оставила ее там.

– Без сомнения, – согласился Киббл, потом добавил: – Мне отнести ее назад в библиотеку, чтобы она вам не мешала?

– Нет, все в порядке, – быстро ответила Кларисса, потом добавила: – Это всего лишь книга. Я положу ее на прикроватный столик, а Джоан потом сможет ее забрать.

– Она может захотеть почитать ее, пока вы отдыхаете, – заметил дворецкий. – И потом, вы же сказали, что она должна взять полдня выходного.

Кларисса скрипнула зубами, видя, как ускользает ее возможность провести немного времени за чтением. Лихорадочно пытаясь придумать способ оставить книгу у себя, она наклонила голову и услышала, что кто-то зовет с нижнего этажа.

Киббл обернулся, чтобы посмотреть в холл, потом извинился и прошел к лестнице. Перегнувшись через перила, он спросил:

– Что такое?

Кларисса обнаружила, что ее слух стал лучше с тех пор, как она осталась без очков. Как будто ее тело пыта-лось возместить утрату одного чувства усилением другого. Она слышала настолько хорошо, что разобрала слова Фредерика о том, что к дому подъезжает карета.

Киббл нечаянно подтвердил то, что она слышала, обернувшись к ней и сказав:

– Простите, миледи. Похоже, у нас будут гости. После этого Кларисса увидела, как его туманная фигура исчезла на лестнице.

Закрывая за Кибблом дверь, она взглянула на свои заштопанные окна. Неожиданные гости? Кто бы это мог быть? Надев очки, Кларисса подошла к окну, чтобы посмотреть вниз на подъездную дорожку.

Действительно, по ней ехала карета, но только когда она остановилась почти напротив парадной двери, Кларисса узнала герб на дверце и тут же бросилась к двери. Она уже открывала ее, когда вспомнила об очках. Сорвав их с лица, она сунула их в карман и торопливо прошла к лестнице. Она спускалась очень осторожно, все время держась рукой за перила. Она крепко усвоила урок, когда в Лондоне упала с лестницы, и не имела желания повторять тот опыт.

Киббл стоял в открытом дверном проеме, глядя на карету, из которой вылезал первый пассажир. На лице дворецкого застыло подозрительное выражение. Клариссу осенило, что он понятия не имеет, кто это. Чтобы разрешить проблему, она бросилась мимо Киббла со словами:

– Папочка! Мы не ожидали вас так скоро. – Ее отец обернулся и заключил Клариссу в свои медвежьи объятия. Тут же она услышала, как Киббл выкрикивает приказы приготовить комнаты и предупредить кухарку, что к ужину будут гости.

– Как моя девочка? – спросил лорд Крамбри, отпуская ее и оглядывая с головы до ног. – Ты выглядишь здоровой и счастливой.

– Так и есть. – Кларисса широко улыбнулась ему. – Но мы не ждали вас раньше конца этой недели. Что-то случилось?

– Нет-нет, – заверил он ее. – Я просто закончил дела скорее, чем ожидал, и подумал провести побольше времени с тобой и твоим новым мужем. Кстати, где он? – Отец с любопытством огляделся.

– Эйдриан поехал проверить загон, который нужно отремонтировать, – объяснила Кларисса, беря его за руку. – Он должен скоро вернуться.

Боковым зрением Кларисса заметила движение и повернулась, чтобы увидеть размытую фигуру женщины на подножке кареты. Лидия тоже приехала, поняла она и сразу же убрала руку.

– Простите. Я тут совсем заговорила вас, а Лидия все еще

ждет, чтобы ей помогли выйти из кареты.

Джон Крамбри вернулся к карете и, бормоча извинения, взял жену за руку, чтобы помочь ей спуститься.

Кларисса медлила, когда Лидия ступила на землю и стала отряхивать свое дорожное платье. Вежливость подсказывала, что ей следует в знак приветствия поцеловать и обнять эту женщину, как она приветствовала своего отца, но Лидия никогда не одобряла такие проявления чувств, поэтому Кларисса и колебалась. Наконец она решила, что – нравится это Лидии или нет – она часть семьи и обращаться с ней надо как с таковой. Выпрямившись, Кларисса подошла к женщине, поцеловала ее в щеку и обняла.

Лидия окаменела в ее объятиях, и Кларисса физически почувствовала ее удивление. Она отпустила ее, потом взяла за руку отца и мачеху и повела их к парадной двери.

– Идемте, вы должны познакомиться с Кибблом и со всеми остальными. Как долго вы собираетесь пробыть?

– Я думаю, нам удастся погостить почти неделю, прежде чем придется ехать домой. Если твой муж не против, – быстро добавил лорд Крамбри.

– Ее муж совсем не против.

Кларисса остановилась и посмотрела в сторону, откуда приближался Эйдриан, возвращаясь из конюшен. Она нежно улыбнулась, когда он поприветствовал ее отца и мачеху и пригласил их в Моубри; потом они все прошли в дом.

– Надеюсь, вы не против нашего присутствия здесь?

Эйдриан взглянул на мужчину, скачущего верхом рядом с ним, – лорда Джона Крамбри. Это было утро после приезда Крамбри, и отец Клариссы поехал вместе с ним осматривать имение.

– Нет, конечно, нет, милорд. С чего бы вам думать по-другому?

Джон Крамбри пожал плечами, но улыбка на его лице была кривой. Прошла минута, когда он признал:

– Ну, я прекрасно понимаю, что вы двое только что поженились и наверняка хотите проводить как можно больше времени друг с другом.

Эйдриан слабо улыбнулся. Хотя изначально он рассчитывал, что отец Клариссы отложит свой визит до тех пор, пока он не насытится своей молодой женой. Эйдриан начинал понимать, что этого может не случиться еще очень долгое время. Он вряд ли мог надеяться держать ее при себе ближайшие два или три десятилетия.

– У нас впереди еще целая жизнь. Вряд ли я могу скупиться из-за визита в несколько дней.

Джон Крамбри улыбнулся и сказал:

– Ты любишь мою дочь.

Эйдриан замер в седле. Он до сих пор не мог понять, что чувствует к Клариссе. Каждый день с ней был приключением. Сегодня утром он проснулся и обнаружил свою милую юную жену ласкающей его возбужденный член. В последние несколько дней она постоянно удивляла его такими агрес-

сивными действиями. Казалось, она жаждала дарить ему такое же наслаждение, какое он дарил ей, и это согревало его сердце каждый раз, когда она проявляла такие намерения. Это заставляло его надеяться, что она сможет когда-нибудь полюбить его так, как ему хотелось бы.

– Я могу сказать, что ты любишь ее, – объявил лорд Крамбри и добавил: – Вот почему я не понимаю, почему у нее до сих пор нет очков.

Эйдриан окаменел, потом заставил себя расслабиться.

– Они уже едут. Мне пришлось посылать за ними в Лондон. Но это сюрприз, поэтому я был бы благодарен, если бы вы не говорили Клариссе.

Лорд Крамбри явно почувствовал облегчение и кивнул:

– Как пожелаешь.

Эйдриан поморщился. Если бы все действительно было так, как он хотел, у Клариссы никогда не было бы очков. Однако, поддавшись терзающей его совести, он наконец решился купить ей очки. В конце концов, Эйдриан не сказал Клариссе о своем плане и не взял ее в деревню, как первоначально намеревался, – Клариссе удалось отвлечь его от этого, когда он пришел в ее комнату, а она встала, обнаженная, из ванны. К тому времени когда он снова вспомнил об этом предмете, он решил заказать их сам. Не объясняя, зачем он хочет это знать, Эйдриан спросил Клариссу, где она заказывала свою последнюю пару очков, и отправил в город посыльного с деньгами, чтобы купить новую пару. Все без ее ведома.

Эйдриан говорил себе, что все это из-за того, что он хочет сделать ей сюрприз. Однако он подозревал, что правда в другом. Поскольку она не знает, что очки должны вот-вот привезти, он может не отдавать их ей сразу.

Вздохнув, Эйдриан пришпорил коня и послал его рысью, увидев впереди дом. У него больше не было желания говорить.

Когда Эйдриан и его тесть вошли, в доме стояла тишина. Они нашли Лидию читающей в гостиной, но слуг нигде не было видно. Эйдриан не сомневался, что они стараются избегать Лидии. Она могла быть очень требовательной и неприятной в общении. Очевидно, Кларисса была не единственной, кого ей нравилось тиранить; она, похоже, выбирала тех, кто слабее ее, кого она считала ниже себя. Его слуги, видимо, попадали в эту категорию.

Оставив лорда и леди Крамбри, Эйдриан направился наверх, чтобы снять забрызганную грязью одежду. Он переодевался около гардероба, постоянно поглядывая на дверь в комнату Клариссы, и думал, где она и что делает. Он часто думал об этом, когда они были не вместе.

«Я могу сказать, что ты любишь ее», – оказал тогда лорд Крамбри, и Эйдриан начинал бояться, что это правда. Он уже стал заботиться об удовольствии своей жены больше, чем о своем собственном; отсюда и причина, почему он заказал очки. Похоже, это верный знак, что он действительно любит ее, и Эйдриан обнаружил, что наслаждается этим чув-

СТВОМ.

Клариссу было легко полюбить, это несомненно, но его удивляло не только это. Эйдриан ожидал, что найти жену будет очень тяжело – тяжело даже без дополнительной задачи заботиться о ней и любить ее. И все же с Клариссой с самого начала все было относительно легко.

Честно говоря, единственной настоящей проблемой, с которой он столкнулся, была Лидия, а она, похоже, являлась проблемой для большинства людей. Сама Кларисса была открыта для Эйдриана с самого начала.

– Вот вы и готовы, милорд, – сказал Кили, когда закончил одевать Эйдриана. – Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо, Кили, – ответил Эйдриан, но когда камердинер хотел выйти из комнаты, он спросил: – Ты не знаешь, где моя жена?

– Полагаю, она сейчас в своей комнате, милорд. Один из лакеев в холле наблюдает за ее дверью, а это ясное указание на то, что она находится с другой стороны.

– Спасибо. – Когда слуга вышел, Эйдриан направился к спальне жены. Он, как всегда, жаждал увидеть ее и не стал утруждать себя стуком в дверь. Но когда он попытался открыть ее, он обнаружил, что дверь заблокирована.

Дверь открылась совсем чуть-чуть и уперлась во что-то. Нахмурившись, он попробовал снова. Когда произошло то же самое, он уставился на дверь и позвал:

– Кларисса?

Ему ответила тишина.

– Кларисса? – снова позвал он, постучав. – Кларисса? Вы здесь? Что-то мешает открыть дверь.

Не получив ответа, Эйдриан развернулся и поспешил в коридор. Там он заметил сидящего в засаде Фредерика.

– Леди Моубри в своей комнате? – спросил он.

– Да, милорд. – Фредерик расправил плечи, вставая по стойке «смирно».

– Она одна? – спросил Эйдриан. Он подошел к ее двери и повернул ручку. Дверь приоткрылась внутрь всего на полдюйма и во что-то уперлась.

– Да, милорд. Я наблюдаю за ней с того момента, как она вошла, и никто не входил и не выходил. – Фредерик нахмурился и подошел ближе, когда увидел, что Эйдриан не может открыть дверь. – Что случилось?

– Дверь во что-то упирается, – пробормотал Эйдриан и ударил по дереву. – Кларисса? Если вы слышите меня, отзовитесь!

Оба мужчины молчали и ждали; потом Эйдриан нетерпеливо развернулся и поспешил назад в свою спальню. Он был уверен, что дверь между комнатами поддавалась лучше – определенно больше, чем дверь в коридоре. Попробовав открыть ее снова, он использовал весь свой вес, и дверь слегка поддалась.

– Никто не входил, милорд, – заверил его Фредерик, его голос звучал обеспокоенно. – Я ни на секунду не отводил

взгляд от двери.

Эйдриан ничего не сказал. Все его усилия были сосредоточены на двери, которую он медленно, но уверенно заставлял открываться. Скрип дерева по дереву подсказал ему, что на пути его стоит какой-то тяжелый предмет мебели. К несчастью, в то время как по периметру комнаты был голый пол, большую часть пола покрывал ковер и мешал толкать вперед баррикаду. Если бы Эйдриан мог отодвинуть мебель в сторону, у него бы не было проблем. Однако это было невозможно.

– Могу я помочь, милорд? – встревоженно спросил Фредерик. – Возможно, если мы оба наляжем...

Эйдриан взглянул на слугу – на самом деле мальчишка, не старше шестнадцати, к тому же тощий как жердь, – но он тревожился, а сейчас любая помощь будет кстати, поэтому он мрачно кивнул:

– Упрись плечом в дверь и толкай, когда я скажу.

Фредерик встал рядом с ним, прижался плечом к деревянной поверхности, и, когда Эйдриан скомандовал «толкай», они оба с силой навалились на дверь. На этот раз дверь поддалась еще на несколько дюймов, и Эйдриан смог заглянуть в комнату. Кларисса лежала на кровати и, казалось, спала, но ее лицо было невероятно бледным.

– Еще раз! – прорычал Эйдриан, и они толкнули изо всех сил, на этот раз отодвинув дверь – и то, что, как он теперь видел, было комодом – настолько, что он подумал, что смог

бы проскользнуть внутрь.

Фредерик в тревоге смотрел, как Эйдриан протискивался в комнату. Они оба с облегчением выдохнули, когда он наконец оказался внутри.

– Она в порядке? – спросил Фредерик, тоже протискиваясь в дверь, когда Эйдриан бросился к кровати.

– Кларисса? – Эйдриан схватил Лицо жены и повернул к себе, его сердце остановилось в груди. Кларисса была белой как полотно и совершенно бесчувственной.

– Она в порядке? – повторил Фредерик, подходя к постели.

– Беги за помощью, – рявкнул Эйдриан, проводя дрожащей рукой по лицу Клариссы.

– Да, милорд. – Фредерик снова бросился к двери в смежную спальню, но Эйдриан вернул его.

– Отодвинь стул от двери в холл и иди через нее, – приказал он, посмотрев, что блокировало вход. Его взгляд пробежал по комнате, но все остальное, похоже, было в порядке. И внутри больше никого не было.

Выбегая из комнаты, Фредерик оставил дверь открытой, и Эйдриан слышал, как он бежит по коридору, зовя на помощь. С надеждой, что помощь придет скоро, Эйдриан вернулся к Клариссе.

Она выглядела такой маленькой и хрупкой. Он поднял ее с постели и прижал к своей груди, не в силах больше смотреть на ее безжизненное лицо. Казалось, она почти не дышит, и

он с ужасом представлял, что будет, если она умрет у него на руках. Эйдриан не мог допустить этого, не мог. Кларисса была его, и он не потеряет ее. Она была слишком важна. Она была для него всем.

Господь милосердный, он действительно любил ее – так сильно, что скорее бы умер, чем стал доживать свою жизнь без нее, с одними только воспоминаниями о ней.

– Останься со мной, Кларисса, – бормотал он, беспомощно глядя ее по спине. – Не покидай меня. Ты нужна мне.

– Милорд?

Эйдриан взглянул надверь и увидел вбегающего Киббла. Следом за дворецким появились отец Клариссы и несколько слуг.

– Фредерик сказал, что ее сиятельство больна. Что случилось? – спросил Киббл, обходя кровать туда, где на краю сидел его хозяин.

– Я не знаю. Она бледна и не просыпается, – объяснил Эйдриан срывающимся голосом.

– Дайте мне посмотреть, – сказал Киббл. Когда Джон Крамбри сел с другой стороны кровати, Эйдриан аккуратно положил Клариссу на спину, и они втроем склонились над ее бледным телом.

– Господи, она бледная как смерть, – сказал лорд Крамбри.

– Почти серая, – согласилась миссис Лонгботтом, подошедшая к остальным, сгрудившимся вокруг кровати, пока

Киббл поднимал веки Клариссы и заглядывал ей в глаза, а потом понюхал ее рот.

Эйдриан в замешательстве смотрел на действия своего дворецкого, когда тот вдруг выпрямился. Тревога на лице Киббла была самым ужасным, что Эйдриан видел в своей жизни.

– Нам нужно промыть ей желудок. Ее отравили.

– Что? – воскликнули лорд Крамбри и Эйдриан, но Киббл уже не слушал; его внимание было сосредоточено на прикроватном столике и недоеденном куске пирога. Все смотрели, как он нагнулся, чтобы понюхать его.

– Яд был в пироге.

– Но мы все ели его вчера вечером, – возразил Эйдриан.

– Не этот кусок, – пробормотал Киббл. Он огляделся. – Мне нужно что-то, чтобы вставить ей в горло.

– Что? – в тревоге воскликнул Эйдриан.

Дворецкий с мрачным видом повернулся к нему:

– Возможно, вам с лордом Крамбри лучше уйти.

– Нет. Я остаюсь, – решительно произнес Эйдриан.

– Тогда спасайте ее – если сможете, – заявил Киббл и хотел идти к двери.

– Нет! Киббл, вернись! Ты нам нужен, – резко сказал Эйдриан.

– Тогда вам придется уйти, – потребовал дворецкий, возвращаясь. – Я не могу заниматься ею, если вы будете прерывать меня и отвлекать своими вопросами. Вы будете только

мешать мне.

Эйдриан колебался, отчаянно нуждаясь в помощи Киббла и в то же время не находя сил уйти от жены, когда лорд Крамбри тронул его за руку.

– Он прав, идем. Нам тут не место. Давай не будем ему мешать и спустимся вниз.

– Но что, если она... – Эйдриан не закончил мысль. Он хотел сказать «что, если она умрет?». Он не хотел, чтобы Кларисса была одна, если это случится. Но в то же время он совсем не хотел, чтобы это случилось.

– Либо уходите вы, либо я, милорд, – безжалостно сказал Киббл.

Плечи Эйдриана обреченно поникли. Киббл был умнейшим человеком из всех, кого он знал. Прежде чем стать дворецким в Моубри, Киббл был не только учителем. В действительности после того, как Эйдриан вырос и больше не нуждался в опеке, он вступил в армию. Он участвовал в сражениях в странах, названия которых Эйдриан не мог даже произнести, и большую часть этого времени провел, перевязывая, ухаживая и спасая раненых.

По мнению Эйдриана, Киббл, вероятно, знал о лечении раненых и больных больше, чем большинство докторов. Так они и встретились снова: Киббл спас его жизнь после сражения, которое изуродовало его лицо. Тогда он согласился сопровождать Эйдриана домой, чтобы ухаживать за ним, а когда тот поправился, просто остался, заняв место Фицвилья-

ма. Если бы Эйдриан и доверил кому-то Клариссу, то только Кибблу.

– Я позову вас, как только будут какие-то перемены, – сказал Киббл, смягчаясь, когда увидел согласие на лице Эйдриана. – Любые перемены в любую сторону – и я сразу же позову вас.

Эйдриан коротко кивнул и позволил лорду Крамбри вывести себя из комнаты. Двое мужчин молчали, идя по коридору к лестнице, напрягая слух, чтобы услышать приказы, которые Киббл отдавал резко, как сержант.

– С ней все будет хорошо, – спокойно сказал лорд Крамбри, но Эйдриан услышал страх в его голосе и понял, что Кларисса была его единственной дочерью, плодом любви к его ненаглядной Маргарет. Он должен был быть напуган не меньше, чем Эйдриан.

Заставив себя встряхнуться, Эйдриан смог пробормотать что-то в ответ и провел отца Клариссы в гостиную, думая, что глоток бренди пойдет им обоим на пользу. Но когда он распахнул дверь и вошел в комнату, он замер, увидев леди Крамбри, спокойно, с безразличным лицом сидящую на диване.

– Ну, что теперь? Она подожгла и этот дом тоже? Или, может быть, она споткнулась и ушибла палец? – спросила мачеха Клариссы.

Эйдриан почувствовал, как кровь закипела в его теле, но ответил ей лорд Крамбри. Встав рядом с Эйдрианом, он с

открытой неприязнью посмотрел на жену:

– Ее отравили. А поскольку вы единственный человек, который ненавидит ее достаточно, чтобы совершить такое, я бы не сидел с таким довольным видом. Если она умрет, вас повесят.

Глава 16

Кларисса медленно открыла глаза и посмотрела на пустую кровать рядом с собой. Очевидно, Эйдриан уже проснулся и ушел. Это было необычно. Чаще всего, если он просыпался первым, он будил ее поцелуями и ласками. Это был очаровательный способ начинать новый день.

Однако, подумала Кларисса, сегодня ей это не понравилось бы так сильно, как обычно; она чувствовала себя немного усталой, и почему-то у нее болели горло и живот. Надеясь, что она ничем не заболела, Кларисса вздохнула, перевернулась на спину и чуть не вскрикнула, увидев склонившееся над ней старое морщинистое лицо.

– Киббл. – Она изумленно открыла рот, испуганно прижимая простыни и одеяла к груди и глядя на него широко распахнутыми глазами. – Что...

– Как вы себя чувствуете? – спокойно прервал ее дворецкий.

– Я... – Кларисса заморгала, ее мозг окончательно проснулся и начал функционировать. Последнее, что она помнила, – это что леглась отдохнуть после обеда, но свет в комнате говорил о том, что сейчас еще далеко до полудня. Нахмурившись, она задумалась, и в ее памяти стали всплывать отрывочные воспоминания о миссис Лонгботтом и Киббле, поддерживающих ее и бормочущих утешения, когда ее

тошноло. – Я была больна, – медленно проговорила она.

– Да, – подтвердил Киббл.

– Вы и миссис Лонгботтом ухаживали за мной.

– Вместе со всеми остальными слугами, – тихо сказал Киббл. – Мы все очень волновались, миледи.

– О... – Кларисса нахмурилась. – Что случилось? Это был грипп?

– Что вы помните? – спросил дворецкий.

Кларисса прикусила губу и задумалась.

– Я пришла в мою комнату, чтобы избежать Ли... я хотела сказать, чтобы побыть немного наедине, – быстро поправилась она. Хотя ее мачеха была тяжелым испытанием, Кларисса не хотела говорить об этом со слугами. Она была рада, что ее отец и муж хорошо поладили, и была счастлива, когда они выезжали верхом вместе; к несчастью, Лидия оставалась дома и мучила ее коварными замечаниями о том, каким тяжелым испытанием должна быть ее брачная постель и как ужаснется Кларисса, когда наконец увидит уродливое лицо своего мужа, – если он вообще когда-нибудь позволит ей снова носить очки. Он ведь может навсегда оставить ее слепой, намекала Лидия.

С усилием сдержавшись и не раскрыв тайну, что у нее уже есть очки, Кларисса сбежала в свою комнату, чтобы почитать. Она, как обычно, заблокировала обе двери и устроилась с книгой на кровати. Но об этом Кларисса не рассказала Кибблу. Ей все еще не хотелось показывать свои очки.

– Я пришла в свою комнату, чтобы немного отдохнуть, – сказала Кларисса. – На моем прикроватном столике лежал кусок пирога.

– Вы не сами принесли его? – спросил Киббл.

– Нет. Я подумала, что это, наверное, Фредерик оставил для меня. Он, кажется, все время ходит за мной по пятам и делает мне маленькие подарки. – Она пожала плечами. – Я была не голодна, но мне не хотелось ранить его чувства, не попробовав пирога, и я откусила пару кусочков.

– Слава Богу, что вы не были голодны, – со вздохом пробормотал Киббл, и Кларисса удивленно посмотрела на него:

– Почему?

Киббл колебался, потом сказал:

– Неважно. Пожалуйста, продолжайте рассказывать, что случилось.

Кларисса хотела было настоять, чтобы он объяснился, но потом решила, что все равно скоро все узнает, и пожала плечами:

– А это все. Я съела пару кусочков и легла на кровать. Я помню, что у меня начал побаливать живот, так что я решила поспать. Я подумала, что короткий сон все исправит.

Киббл молчал некоторое время, а потом вдруг поднял что-то. Кларисса сначала не могла определить, что это было. Потом он надел их ей на нос, и она поняла, что это ее очки.

– Они запутались в одеяле, когда я передвигал вас, – заявил он. – Так же, как и книга из библиотеки.

Кларисса прикусила губу и опасно взглянула на него, но лицо дворецкого было бесстрастно: ни обвинения, ни злости.

– Вот почему вы все время запирали дверь, – сказал он. – Лорд Моубри не знает, что они у вас есть.

Это не было вопросом, но Кларисса все равно ответила:

– Нет. Он не знает. – Она повесила голову. Киббл кивнул.

– И как давно они у вас?

– Со дня перед свадьбой, – робко призналась она.

– Я стал подозревать это, когда вы все время ускользали в свою комнату, – сказал ей Киббл. – У меня не укладывалось в голове, что вы, имея собственные деньги, не могли купить себе очки.

– Сначала я действительно не могла! Только не дома. Лидия постоянно была со мной. Но я ускользнула от нее в день перед свадьбой, пока портниха занималась леди Моубри, – призналась Кларисса.

Киббл кивнул.

– Почему вы не сказали Эйдриану?

Кларисса заметила, что слуга не упомянул титула ее мужа, но знала, что между этими двумя мужчинами особые отношения, почти как у отца с сыном, так что не слишком удивилась. И ей совсем не хотелось отвечать на его вопрос.

Поскольку она молчала, Киббл спросил:

– Это потому, что не хотите смотреть на своего мужа? И опять в его голосе не было ни осуждения, ни порицания, но

Кларисса ужаснулась.

– Нет! Конечно, нет! – воскликнула она. – Эйдриан прекрасен! Его шрам вообще не влияет на его внешность. У него самые глубокие, самые прекрасные глаза и самые нежные губы, и...

Поняв, что она говорит, Кларисса умолкла и почувствовала, что заливается краской.

– Вы любите его, – с удовлетворением сказал Киббл.

– Да. Думаю, люблю, – робко призналась она.

В очках Кларисса без труда увидела улыбку, преобразившую теперь лицо дворецкого. Киббл, несомненно, тоже любил Эйдриана, и ему было приятно знать, что и молодая жена любит его.

Несколько мгновений они улыбались друг другу, потом Киббл нахмурился и сказал:

– Но почему вы прячете от него свои очки? – Когда Кларисса прикусила губу и отвела взгляд, он спросил: – Это ради него?

– Да, – с несчастным видом ответила она – хотя на самом деле это было ради них обоих. Кларисса не хотела, чтобы он смотрел на нее в уродливых очках, она боялась, что из-за этого она может потерять ту небольшую его привязанность, которую она завоевала.

Киббл нахмурился:

– Но вы не понимаете, что будет лучше дать ему знать, что вы на самом деле можете видеть его и все равно любите, чем

позволять ему думать, что вы не знаете, как он выглядит?

Смущенная, Кларисса подняла на него взгляд:

– Что?

Киббл нахмурился и спросил:

– Вы прячете свои очки не потому, что он будет себя неловко чувствовать под вашим взглядом?

– Ему неловко под моим взглядом? – в замешательстве переспросила она. – Нет. Почему ему должно быть неловко под моим взглядом? Я люблю его таким, какой он есть. Я считаю его красивым, и умным, и милым, и...

– Тогда почему вы не носите их и не говорите ему об этом? – прервал ее Киббл.

Кларисса заморгала, думая, что дворецкий, должно быть, туго соображает. Жалея его, она объяснила:

– Потому что очки меня уродуют.

Киббл удивленно заморгал, и теперь настала его очередь спросить:

– Что?

Кларисса вздохнула.

– Лидия говорит, что они меня уродуют. А когда леди Моубри услышала, что моя запасная пара очков разбилась, она сказала, что Эйдриан обрадуется. Я боюсь, что в них он не будет считать меня привлекательной.

Киббл дернулся назад, как будто она ударила его. Он потрясенно смотрел на нее, а потом сказал:

– Вы отказываетесь носить очки, потому что боитесь, что

Эйдриан сочтет вас непривлекательной?

– Да, – призналась несчастная Кларисса и замерла, когда дворецкий вдруг разразился хохотом. Бросив на него хмурый взгляд, она резко сказала: – Что тут такого смешного?

– О, миледи, если бы вы только знали! – выговорил он в промежутках между хохотом и судорожными вдохами. – О, вы двое такие милые. Каждый так сильно влюблен и боится отказа от другого.

Кларисса сердито посмотрела на него, совсем не довольная весельем слуги.

– О, дорогая...

Кларисса обернулась и увидела на пороге леди Моубри, на ее лице было написано раздражение. Качая головой, она вошла к комнате и присоединилась к ним.

– Прошу прощения, но я подслушивала в коридоре. Кларисса, боюсь, вы неправильно поняли меня.

– Леди Моубри, – удивленно произнесла Кларисса. – Когда вы приехали сюда?

– Около часа назад, – призналась мать Эйдриана. – Я решила приехать в гости и посмотреть, как вы с моим сыном живете. Я бы приехала еще вчера вечером, но у кареты сломалось колесо. Нам пришлось остановиться на ночь в гостинице, пока его чинили.

Она устроилась на свободной стороне кровати и похлопала Клариссу по руке.

– Если бы я знала, что вы больны, я бы нашла наемный

экипаж и продолжила путь.

– В этом не было необходимости. Со мной все хорошо, – пробормотала Кларисса, но ее тронули такие заверения.

– Нет, моя дорогая. Совершенно ясно видно, что с вами не все хорошо, – возразила леди Моубри. – Вы действовали исходя из неправильных представлений.

Кларисса удивленно подняла брови:

– Неправильных представлений, миледи?

Мать Эйдриана открыла рот, но остановилась. Когда она все-таки заговорила, Кларисса была уверена, что слова были не те, которые она первоначально собиралась сказать.

– Я была бы очень рада, если бы вы называли меня «мама», Кларисса. Мне всегда хотелось иметь дочь, но после Эйдриана я не могла больше иметь детей. Я была бы счастлива, если бы могла заполнить пустоту, оставленную смертью вашей матери. Мне кажется, Лидия не... ну, у нее никогда не было своих детей, возможно, поэтому она не слишком подходит для этой роли, – снисходительно сказала леди Моубри.

Улыбаясь, Кларисса сжала руку матери Эйдриана и прошептала:

– Спасибо... мама.

Леди Моубри просияла, ее глаза блеснули, как подозревала Кларисса, от слез. Но прежде чем они успели сказать что-то еще, Киббл кашлянул.

Завладев их вниманием, он предложил:

– Возможно, вы могли бы разъяснить это недоразумение,

леди Моубри, чтобы леди Кларисса все правильно поняла и могла что-то исправить?

– Да, конечно. – Леди Моубри вздохнула и снова сжала руку Клариссы. – Моя дорогая девочка, когда я сказала, что Эйдриан будет рад узнать, что ваши очки разбились, это не потому, что они не нравятся ему или что он сочтет вас в них непривлекательной. Дело в том, что он боится, что, когда у вас будут очки, вы можете отвернуться от него.

– Что? Почему он думает такое? – удивленно спросила Кларисса.

– Его шрам, дорогая, – ответила леди Моубри.

– О, чепуха, – пробормотала Кларисса, махнув рукой, показывая, насколько ей безразличен этот шрам. – Он очарователен даже с ним. Да без него, наверное, на его красоту было бы просто больно смотреть!

Леди Моубри кивнула и признала:

– Он был прекрасен, как греческий бог. Прекрасен как ангел. И по моему мнению, он и сейчас такой же. Но... – Она вздохнула. – Светские дамы требуют совершенства во всем и смотрят на него как на падшего ангела.

Кларисса обнаружила, что ее глаза сузились от гнева.

– Конечно, сначала рана была гораздо хуже. Он появился в свете сразу же после этого, когда она была распухшей и покрытой корками. Тогда это действительно искажало его лицо, и светские дамы – даже решившие доказать свою «деликатность» – падали в обморок при виде его. – На ее лице от-

разилось отвращение. – Это началось с юной Луизы Фрамpton. Она много лет испытывала к Эйдриану нежные чувства и была искренне расстроена и действительно упала в обморок, когда увидела, что с ним сделало сражение. Но никто ее заранее не предупредил, к тому же она была слишком сильно затянута. – Леди Моубри сухо добавила: – Наша Луиза была немного полновата и, услышав, что Эйдриан вернулся, приказала горничной очень туго зашнуровать ее. Потом бедная девочка чувствовала себя очень глупо из-за того, что упала в обморок, а потом ей стало еще хуже, когда она узнала, что другие девушки взяли за правило делать это, чтобы доказать, что они такие же утонченные, как она.

– О Господи! – пробормотала Кларисса. Леди Моубри печально кивнула и добавила:

– Я знаю, что с леди Джонсон тоже что-то случилось, хотя точно не знаю, что именно, но все это вместе заставило его вернуться домой. Эйдриан упаковал вещи и сразу же приехал в Моубри. И он остался здесь. – Она с грустью заглянула в прошлое. – Не важно, как часто я или Мэри посещали его и говорили, что его шрам стал гораздо лучше и что ему следует вернуться в свет, Эйдриан ничего не слушал. В конце концов я поняла, что мне придется стать суровее с ним, иначе он останется здесь навсегда. Я начала его пилить.

Кларисса прикусила губу, чтобы скрыть улыбку, готовую появиться на ее лице. Дрожь в голосе леди Моубри свидетельствовала о том, как она относится к этому вынужденно-

му «пилению».

– И я была неумолима до тех пор, пока он наконец не сдался и в этом году выехал в свет.

– Я от всего сердца благодарна вам за это, – твердо сказала Кларисса, сжимая руку леди Моубри. – Иначе я никогда бы не встретила с ним.

Леди Моубри улыбнулась:

– Это правда. Если бы я не заставила его приехать в Лондон в этом году, вы двое могли никогда не встретиться.

– Да. – Кларисса нахмурилась, когда подумала о такой возможности: никогда не познакомиться с ним, никогда не танцевать с ним, никогда не целовать его, никогда... Боже, в эту самую минуту она могла быть замужем за Прадоммом, вдруг осознала она, и, вполне возможно, уже была бы готова броситься со скалы! Она содрогнулась от одной мысли о морщинистом старике, прикасающемся к ней так, как это делал Эйдриан. Господь милосердный!

– Что ж, – пробормотала леди Моубри, – позвольте мне сделать еще кое-что и посоветовать вам сейчас признаться ему, что у вас есть очки. Ему нужно знать, что вы можете видеть и все равно любите его. А вы убедитесь, что он будет любить вас, не важно, в очках вы или нет. – Леди Моубри похлопала ее по руке, потом грациозно встала на ноги. – Ну а теперь мне лучше пойти в мою комнату. И мы оставим этот маленький разговор только между нами. Я почему-то сомневаюсь, что моему сыну будет приятно узнать, что я ви-

делась и разговаривала с вами раньше его. Он, несомненно, всю ночь мерил шагами гостиную, ожидая и тревожась.

Брови Клариссы взлетели вверх от этой новости, и она вопросительно взглянула на Киббла.

Бульдожьи черты дворецкого превратились в гримасу, и он кивнул:

– Я заставил его сиятельство уйти, пока мы занимались вами, леди Кларисса. Он, разумеется, не хотел уходить, но он подвергал сомнению каждый мой приказ и просто постоянно вертелся под ногами. Мне пришлось быть твердым.

Глаза Клариссы расширились. С трудом верилось, что кто-то может заставить Эйдриана сделать что-то против его воли.

– Однако, – продолжил Киббл, – я также пообещал позвать его, когда что-то изменится. Я сейчас приведу его, но сначала мне бы хотелось сказать, что леди Моубри права. Вам действительно следует сказать ему, что вы знаете, как он выглядит, и что вы любите его таким, какой он есть. Он так же стесняется своей внешности, как вы своих очков.

Киббл сопровождал леди Моубри прочь из комнаты, оставив Клариссу в недоумении. Неужели это правда? Неужели она мучилась без зрения напрасно?

От этой мысли Кларисса нахмурилась. Сам факт, что Эйдриан ни разу не заговаривал о покупке новых очков, убедил ее, что она правильно поняла ситуацию и что он не думает, что они будут хорошо смотреться на ней. Однако его мать

и Киббл пролили новый свет на это дело. Если то, что они говорили, правда, ее муж стесняется своей внешности.

Она покачала головой. Со шрамом или нет, Эйдриан был красивейшим мужчиной в свете. Клариссе былоруд но поверить, что он не понимает, насколько привлекателен. Он все время казался таким внушительным и верейным в себе...

Мысли Клариссы разбежались, когда дверь ее комнаты начала открываться. По привычке она сорвала с носа очки и сунула их под подушку. Она так привыкла прятать их, что сейчас сделала это неосознанно.

– Кларисса.

Она узнала своего мужа, когда он вошел и направился ней. Ей показалось, что он дрожит от волнения.

За ним вошел второй человек, потом третий, и, хотя Кларисса догадывалась, что второй – это ее отец, она предположить не могла, кто третий. Эйдриан упал на край постели и притянул ее к себе.

– Слава Богу, вы в порядке, – сказал он, крепко прижимая ее к своей груди и глядя по волосам. – Мы ужасно беспокоились.

– Да, мы беспокоились, – подтвердил ее отец, глядя ее по спине. – Мы не спали всю ночь, ожидая, когда ты очнешься.

– Простите, что заставила вас так волноваться, – пробормотала Кларисса, обнимая Эйдриана и протягивая руку отцу.

– Нет. Это не твоя вина, – сказали хором оба мужчины, и

все трое заулыбались; потом Эйдриан отпустил Клариссу и отстранился, чтобы заглянуть ей в лицо. Он был так близко, что она могла видеть морщинки тревоги вокруг его глаз.

– Примерно к полуночи стало ясно, что вы будете жить, но Киббл не мог сказать нам, очнетесь ли вы без последствий для вашего здоровья и не будет ли как-то поврежден ваш рассудок.

Кларисса выдавила улыбку:

– Думаю, со мной все в порядке.

Эйдриан улыбнулся и нежно поцеловал ее в нос.

– Мы рады, что вы здоровы, – сказал третий мужчина.

Кларисса наморщила лоб, ей показалось, что она узнала этот голос, но не могла вспомнить, где слышала его раньше.

– Надеюсь, вы сможете рассказать нам о том, что случилось, – добавил он.

Ее глаза расширились.

– Мистер Хедли, – удивленно произнесла Кларисса, когда его имя вдруг всплыло в ее памяти. – Что вы делаете здесь?

– Я посылал за ним, – сказал Эйдриан. – Он приехал час назад.

– О!

– Вы чувствуете, что можете отвечать на вопросы? – заботливо спросил ее муж.

– Да, конечно. Со мной все в порядке, правда, – заверила она, сжимая его руку.

– Тогда не могли бы вы рассказать нам, что именно про-

изошло? – повторил Хедли.

Кларисса удивилась, почему вопросы задает он. И вообще, зачем он здесь. Но поскольку все трое, похоже, с нетерпением ждали, что она скажет, она решила сначала ответить, а потом начать свои расспросы.

Кларисса быстро повторила то, что уже говорила Кибблу: как она пришла в комнату немного побыть в одиночестве и съела кусочек пирога, как у нее заболел живот и она заснула. Когда она закончила, в комнате некоторое время стояла тишина; потом Эйдриан пробормотал:

– Киббл сказал, что-то, что вы съели только маленький кусочек, возможно, спасло вас от гораздо более серьезных последствий.

– Значит, хорошо, что я не была голодна, – с кривой усмешкой сказала она.

– Действительно, – согласился Хедли.

– Ты могла умереть, – отрывисто сказал ее отец, очевидно расстроенный тем, что Кларисса, по-видимому, так легко отнеслась к происшедшему.

– Это, несомненно, было спланировано, – пробормотал Хедли.

– Киббл не думает, что в пироге была смертельная доза яда, – успокаивающе сказал Эйдриан. – Даже если бы Кларисса съела весь кусок, он сомневается, что она бы умерла. Он подозревает, что болезнь просто протекала бы тяжелее.

– Яд? – в тревоге воскликнула Кларисса. – В пироге?

Она видела, как они переглянулись, но никто, похоже, не рвался отвечать.

– Вы хотите сказать, что меня отравили? – Когда они опять промолчали, она спросила: – Что происходит? Зачем кому-то желать мне смерти?

Эйдриан незаметно вздохнул, потом сказал:

– Кларисса, я уже спрашивал вас об этом раньше, но вы действительно уверены, что нет никого, кто мог бы желать вам зла?

Кларисса пристально посмотрела на него. Она действительно помнила, как он спрашивал, нет ли у нее врагов, кого-нибудь, кто мог бы хотеть причинить ей вред. Это казалось таким естественным в том разговоре после занятия любовью, что она не придала этому большого значения. Кларисса думала, что они просто болтали. Теперь она поняла, что он подозревал, что кто-то старается причинить ей зло. Но почему?

– Нет, конечно, нет, – решила она. – Зачем кому-то вредить мне? Я никогда в своей жизни не делала никому ничего плохого. Может быть, они пытались отравить вас, а я съела это по ошибке.

– Меня? – удивленно спросил Эйдриан. – Почему вы думаете, что кто-то пытается убить меня?

– Ну, милорд, а почему вы думаете, что они пытаются убить меня? – ответила Кларисса, немного раздражаясь. – В конце концов, это вы не слушаетесь вашу матушку, когда она

вам что-то говорит. Возможно, есть другие, кого вы не слушаете и кто пытается привлечь ваше внимание.

Губы Эйдриана искривились в усмешке, но он сказал серьезно:

– Никто не пытается убить меня, Кларисса. Пирог предназначенся вам.

– Откуда вы знаете? – спросила она.

– Ну, во-первых, меня даже не было в доме. И я не из тех, кто отдыхает после обеда, – так делаете вы. Кроме того, – заметил Эйдриан, – это была ваша комната.

На это нечего было возразить, и Кларисса состроила недовольную гримаску; потом ее глаза сузились.

– Но вы спрашивали меня, не пытается ли кто-то навредить мне, несколько дней назад. Вы уже тогда подозревали, что кто-то пытается причинить мне зло? А если да, то почему?

Эйдриан помедлил и вздохнул.

– Кларисса, с момента приезда в Лондон на сезон вы пережили слишком большое количество несчастных случаев.

– Это потому, что у меня не было очков, – заметила она.

Кларисса не думала; что он согласится с таким объяснением, но он не стал спорить. Он вообще ничего не сказал. Повернув голову, он смотрел на Хедли.

Прежде чем Кларисса успела произнести что-то еще, Эйдриан поцеловал ее в лоб и встал.

– Мне нужно переговорить с моим человеком. Я скоро

вернусь.

Они вышли из комнаты, и ее отец занял место Эйдриана на краю кровати, но его внимание было сосредоточено на двери. И Кларисса, и лорд Крамбри слышали приглушенные голоса в соседней комнате.

Зная, что ее отец хотел бы присоединиться к разговору, но не желает оставлять ее одну, Кларисса вздохнула и отпустила его:

– Идите. Идите к ним. Я все равно хочу встать. Возможно, вы могли бы прислать мою горничную и приказать приготовить ванну?

– Да, да. – Лорд Крамбри с облегчением похлопал ее по руке и вышел. Кларисса слышала, как голоса на мгновение затихли, когда ее отец присоединился к тем двоим, а потом стали удаляться по коридору.

Встряхнув головой, Кларисса села и спустила ноги с кровати. Она стянула с себя грязную рубашку и натянула халат прежде, чем ее осенило, что ей нечего почитать, сидя в ванне. После всего пережитого у нее было настроение отмокать в ванне подольше, и она предпочла бы провести это время за чтением.

После недолгого колебания Кларисса направилась к двери. Она только проскользнет в библиотеку и возьмет что-нибудь почитать. Она сделает это быстро и – если ей очень повезет – ни на кого не наткнется. Клариссе требовалось о многом подумать, но сейчас она была не в настроении это де-

лать. Послетьо как она немного расслабится в ванне с книгой, она еще поразмыслит о том, что происходит, и о том, что она узнала от леди Моубри и Киббла.

Глава 17

– Я не понимаю, – сказано лорд Крамбри, следуя за Эйдрианом в его кабинет. – Так, значит, ты уже какое-то время подозреваешь, что кто-то пытается убить Клариссу, и ничего мне об этом не сказал? И ей тоже?

Эйдриан нахмурился, прошел к письменному столу и упал в кресло. Слова лорда Крамбри звучали как обвинение.

– Его сиятельство не хотел тревожить или расстраивать вашу дочь, лорд Крамбри, – сказал Хедли, когда Эйдриан ничего не ответил. – Он посчитал, что ей и так достаточно переживаний, связанных с приготовлениями к свадьбе, и всего прочего. А после этого он позаботился, чтобы за ней хорошо присматривали.

– Очевидно, недостаточно хорошо, – мрачно сказал лорд Крамбри. Он повернулся к Эйдриану: – И хотя я понимаю твоё желание защитить Клариссу, нет оправданий тому, что ты не предупредил меня. Я должен был знать.

– Да, должны были, – вздохнув, признал Эйдриан и взъерошил рукой волосы. Ему удалось все испортить. Опять. – Я прошу прощения. Похоже, я всегда делаю все неправильно, когда дело касается вашей дочери. Боюсь, мои умственные способности изменяют мне всякий раз, когда речь идет о ней.

Тронутый таким признанием, лорд Крамбри заметно

смягчился. Вздохнув, тоже запустил руку в волосы и сел в одно из кресел перед столом Эйдриана.

– Ты говорил о пожаре, случае с фонтаном и падении с лестницы. – Отец Клариссы нахмурился. – В своих письмах ко мне Лидия не упоминала ничего этого. Пожалуйста, расскажи мне... что за чертовщина тут происходит?

Кивнув, Эйдриан выпрямился, положил руки на стол и подробно рассказал обо всем, что случилось с момента его знакомства с Клариссой, включая и то, что слышал о событиях, происходивших до их встречи. Пока он говорил, Хедли прошел к столу у стены и налил три бокала бренди. Он подал лордам бокалы, оставил третий себе и устроился в кресле. Он молчал, пока Эйдриан не закончил рассказ.

– Господи... – пробормотал лорд Крамбри, кактоль-ко Эйдриан замолчал. – Кто может стоять за всем этим?

– Я не знаю, – мрачно сказал Эйдриан. – Кларисса, видимо, думает, что все это просто случайности, но...

– Нет. – Лорд Крамбри решительно покачал головой. – Если бы не инцидент с фонтаном, я бы тоже так подумал, но нет. Записка была не от тебя, и то, что Кларисса оказалась без сознания в воде, – все это зашло слишком далеко, чтобы быть чьей-то проказой или несчастным случаем.

Эйдриан молча согласно кивнул.

– Что мы будем со всем этим делать, сынок? – спросил лорд Крамбри.

Эйдриан вздохнул и посмотрел на Хедли, который прие-

хал в дом как раз когда Киббл спустился вниз с новостью, что Кларисса очнулась. Эйдриан, пока они торопливо поднимались по лестнице, коротко объяснил ему, что случилось, но он еще не услышал, почему он оказался здесь.

– Хедли работает на меня, – сказал Эйдриан. – В прошлом мистер Хедли разобрался для меня в нескольких ситуациях, и я надеюсь, что в этот раз он тоже может быть полезен. – Эйдриан повернулся к Хедли и вопросительно поднял бровь. – Я полагаю, вы здесь, потому что у вас есть новости?

– Да, у меня есть новости, – признался сыщик, выражение его лица было мрачным. – Однако боюсь, вам они не понравятся.

Эйдриан нахмурился. Снова откинувшись в кресле, он сделал знак Хедли продолжать.

– Я расследовал каждый инцидент, а потом я искал везде, где только мне приходило в голову искать, милорд. Почти у каждого есть свой скелет в шкафу, но...

– Что? – произнес Эйдриан.

– Оказалось, что каждая ниточка ведет в тупик, – сдвинув брови, сказал Хедли. – В прошлом вашей жены нет ничего, что могло заставить кого-то желать ей зла.

– А что Лидия? – спросил Эйдриан, бросив извиняющийся взгляд на своего тестя.

– Да, ну... – Хедли неловко взглянул на лорда Крамбри, потом ответил: – Мачеха, похоже, имеет зуб на леди Клариссу, но я не думаю, что она решилась бы на убийство. Я мог бы

последить за ней, если хотите... – Он пожал плечами.

– Я уже сказал моей жене, – мрачно произнес лорд Крамбри, – что если это она стоит за всем этим, я сам лично сверну ей шею. Я не спущу с нее глаз.

Эйдриан сочувственно посмотрел на него, потом обратился к Хедли:

– А что о том деле с капитаном?

– Капитан Филдинг, да. – Хедли немного оживился. – Ну, я расследовал и это тоже. В конце концов, это практически единственное происшествие в жизни леди Клариссы, которое могло бы стать причиной для мести. Как бы то ни было, этот человек умер в тюрьме, поэтому ваш преступник не может быть им. Также узнал, что у него не было никаких родственников, кроме матери и сестры. Мать умерла от сердечного приступа, когда его в первый раз посадили в тюрьму, а сестра погибла вскоре после этого при пожаре в доме, где она снимала комнату.

– Понятно, – пробормотал Эйдриан. – Как вы и сказали, это вряд ли хорошие новости. Кто-то пытается убить мою жену, и при этом, по-видимому, нет никого, у кого бы был мотив.

– Ну, это пока. Я не сказал, что не нашел вероятного виновника, просто потому, что вам не понравится то, что я узнал.

Брови Эйдриана сошлись на переносице, губы сжались в суровую линию.

– Объяснитесь.

– Ну, как я сказал, я расследовал те варианты, которые вы предложили. И я также расследовал еще парочку других. По моему опыту, милорд, причиной убийства часто бывает жадность. Поэтому я был уверен, что такой мотив мог возникнуть и здесь... и я оказался прав.

Глаза Эйдриана сузились.

– Зачем кому-то убивать Клариссу из жадности? Единственный, кто выиграет от этого, – это я сам. Я ее единственный наследник, насколько я знаю. – Он моргнул. – Надеюсь, вы не намекаете, что...

– Нет-нет, конечно, нет, – быстро сказал Хедли. – Вы вряд ли бы наняли меня расследовать это дело, если бы сами пытались убить ее. Господи, все остальные воспринимали происходящее как несчастные случаи. Вы единственный, кто ищет человека, желающего навредить ей.

– Но тогда кто, дружище? – нетерпеливо спросил лорд Крамбри. – Кто же попал в ваше поле зрения?

– Лорд Гревилл.

Эйдриан заморгал, уверенный, что не так расслышал или не так понял.

– Что?

– Лорд Гревилл, ваш кузен, – твердо повторил Хедли.

– Реджиналд? – недоверчиво произнес Эйдриан. – Ради всего святого, что вас заставило думать, что он может причинить зло Клариссе?

– На данный момент он ваш наследник, – заметил Хедли.

– Нет, не он. Кларисса, – поправил его Эйдриан. – Она наследница с того дня, как мы поженились.

– Если она жива, – согласился Хедли. Когда Эйдриан начал качать головой, Хедли добавил: – Мне это кажется одним из самых вероятных мотивов.

– К черту мотив, это не может быть он. Прежде всего несчастные случаи начались задолго до того, как я вообще познакомился с Клариссой, – инцидент с каретой и падение с лестницы, например. А ее наследство вряд ли могло быть поводом для него причинять ей вред до того, как мы с ней встретились. Во-вторых, Реджиналд мой друг, а не только кузен. Он помогал мне ухаживать за Клариссой. И деньги не могут быть для него мотивом: он по меньшей мере так же богат, как я сам.

Лорд Крамбри серьезно кивал на каждый аргумент Эйдриана, соглашаясь со всеми. Хедли только покачал головой.

– Что, если те первые несчастные случаи были именно тем, чем были, – случайностями? Инцидент с каретой и падение с лестницы вполне могли быть таковыми. На самом деле нет ничего, что доказывало бы обратное. Если так, то мы могли просто воспользоваться этой цепочкой несчастных случаев.

Эйдриан нахмурился, размышляя над этим, и сказал:

– Почему он не напал на меня?

– Если он убьет вас первым, наследует Кларисса. Если он

убьет сначала ее, а потом убьет вас, наследует он, – заметил Хедли.

Эйдриан покачал головой и повторил:

– Он богат, и ему вряд ли нужны мои деньги.

– А вот это, понимаете ли, и есть новость, которую я узнал.

Похоже, лорд Гревилл совсем не так богат, как хочет казаться. На самом деле он почти банкрот. Кредиторы со дня на день могут бросить его в долговую тюрьму, если он не предпримет чего-нибудь. Однако если вы и ваша жена неожиданно умрете, все его финансовые проблемы будут решены.

Эйдриан нахмурился, застигнутый врасплох этой новостью, но все же открыл рот, чтобы возразить. Но Хедли остановил его, подняв руку.

– К тому же у него была возможность. Когда произошли пожар и случай с фонтаном, он все время был рядом, не просто в Лондоне, а в доме Крамбри.

Эйдриан расслабился.

– Но его не было здесь, так что он не мог отравить Клариссу. – Он решительно покачал головой: – Это не может быть Гревилл.

– Боюсь, что это именно он, – извиняющимся тоном возразил Хедли.

Эйдриан напрягся.

– Что вы хотите этим сказать?

– Когда вы вернулись в провинцию, Гревилл сделал то же самое. Со дня вашего приезда сюда он живет в соседнем име-

нии Уиндем. Оттуда всего полчаса верхом, и мне удалось узнать, что он почти все дни, а иногда и ночи уезжает «на охоту», – сообщил ему Хедли.

Эйдриан откинулся в кресле с чем-то очень похожим на стон, его лицо побледнело, когда он осознал убийственные новости. Хедли сочувственно кивнул:

– Боюсь, это он ваш преступник, милорд. Я бы поставил на это свою жизнь.

– Вы ставите на это жизнь Клариссы, – мрачно сказал лорд Крамбри.

Эйдриан качал головой, пытаясь осмыслить услышанное. Они с Реджиналдом были близки, как братья, и хотя они действительно не встречались последние десять лет, их дружба, казалось, вспыхнула вновь, как будто и не прекращалась. Эйдриан полагался на его помощь, когда ухаживал за Клариссой; он слушал его советы и принимал его утешения. Это не мог быть он.

– Я знаю, что в это трудно поверить, милорд, – сочувственно сказал Хедли. – Я знаю, что вы двое были очень близки. Но это было больше десяти лет назад. Почти двенадцать. В двадцать лет вы уехали на войну и вернулись через два года, раненым. Насколько я знаю, после этого вы сделали всего один набег на Лондон, а большую часть времени проводили здесь, занимаясь поместьем. Двенадцать лет – это долгий срок. Люди меняются. Меняются обстоятельства. Меняются приоритеты. – Он помолчал, давая Эйдриану подумать

об этом, потом добавил: – Вероятно, ваш кузен изменился.

Эйдриан нахмурился. Он просто не мог поверить в это.

– Нет, я знаю Реджиналда. Не он стоит за этим. Он никогда бы не сделал ничего дурного ни Клариссе, ни мне. Может быть, наши пути и разошлись, но наша дружба возобновилась, как только я вернулся в Лондон. И он просто не мог сделать этого.

Хедли, видимо, сомневался.

– Ваш кузен негодяй, милорд. Он обесчестил не одну невинную девушку. Его чувства никогда не оказывались слишком глубокими, насколько я понимаю.

Эйдриан отмахнулся от этого.

– Это все болтовня и сплетни. Реджиналд никого не обесчестил. Все женщины, с которыми он спал, были опытными. Несколько так называемых «хороших девочек», которые были опозорены, на самом деле были лгунями, пытавшимися заставить его жениться из-за того, что их застали с ним наедине в комнате. К несчастью для них, Реджиналд не видел причины разрушать свою жизнь из-за какой-то маленькой охотницы за состоянием.

– Боюсь, я должен согласиться с Эйдрианом, – сказал вдруг Джон Крамбри. – Убийство Клариссы кажется немного чересчур. Почему ему, например, не попытаться сначала рассорить их? Настроить Эйдриана против Клариссы или ее противлего? Это кажется... – Он замолчал, заметив, что выражение лица Эйдриана изменилось; тогда он спросил рез-

ко: – Он действительно пытался настроить вас друг против друга?

– Да. Нет. Не знаю. – Эйдриан нахмурился. – Реджиналд на самом деле пытался предупредить меня насчет нее в тот первый вечер на балу. Он рассказал мне, как она однажды чуть не обварила его, и что я должен быть настороже, приближаясь к ней. Но после этого он помогал мне увидеться с ней. Он сумел убедить леди Крамбри отпустить ее с ним на верховую прогулку в парк, только чтобы я мог увидеться с ней и немного почитать ей. И он пытался встретиться с ней, чтобы отвести на встречу со мной у фонтана...

Все трое некоторое время молчали, потом Хедли поднялся.

– Ну что ж, я продолжу расследовать это дело, милорд. Но, думаю, теперь здесь, потому что отравление произошло здесь. В городе я больше ничего не могу узнать. Однако, – спокойно добавил он, – я всерьез думаю, что это Гревилл. Он был там. Сейчас он здесь. И он знал о вас двоих, поэтому мог написать ту записку и поставить на ней ваши инициалы, и мог – совершенно справедливо – ожидать, что леди Кларисса помчится на встречу с вами.

– А что насчет Прадомма? – резко спросил Эйдриан. – Он тоже знал о нас с Клариссой.

Хедли покачал головой:

– Прадомм счастлив, занимаясь своими интрижками с замужними дамами в Лондоне. Он не мог отравить тот пирог.

Теперь мне придется сосредоточиться на людях, которые были в Лондоне, а теперь находятся здесь. Конечно, если вы хотите, чтобы я продолжал мое расследование, – добавил он.

– Да, конечно, – ответил Эйдриан. – Я попросил Киббла, когда он приходил сообщить, что Кларисса проснулась, приготовить для вас комнату. Он уже, наверное, может сказать, которая из них ваша.

Кивнув, Хедли повернулся и вышел, а Эйдриан с мрачным видом откинулся в кресле.

Они с лордом Крамбри несколько минут сидели молча, каждый был погружен в свои мысли; наконец отец Клариссы сказал:

– В одном он прав.

Обрадованный, что его размышления прервали, Эйдриан взглянул на Джона Крамбри:

– В чем же?

– Убийцей должен быть тот, кто был в Лондоне и теперь находится здесь.

Эйдриан кивнул.

– Может, мы составим список? – спросил отец Клариссы.

Эйдриан вздохнул.

– Реджиналд, конечно, будет в нем.

– И Лидия, – предложил лорд Крамбри. – Она была и там, и здесь, и – на самом деле – это она отобрала у Клариссы очки, сделав ее совершенно беспомощной.

– Вы знаете об этом? – удивленно спросил Эйдриан.

Отец Клариссы кивнул:

– Лидия заявила, что Кларисса разбила очки, и моя дочь не стала опровергать эту ее ложь, но я давно знаю, что Лидия не любит мою дочь. В моем присутствии она не осмеливалась проявлять к ней ничего, кроме уважения, но, разумеется, в Лондоне... – Он пожал плечами. – Я боялся, что в мое отсутствие она будет дурно обращаться с ней. В конце концов я решил, что мне лучше приехать в город, и постарался так организовать свои дела, чтобы побыстрее приехать, когда получил сообщение о вашей свадьбе. Вот почему я прибыл так быстро.

– А-а, – произнес Эйдриан. Ему не стоило удивляться этим новостям, и часть его не удивилась. Он давно пришел к заключению, что отец Клариссы был умным человеком.

Вздыхнув, Эйдриан продолжил составлять список.

– Полагаю, нам следует добавить и слуг. И Джоан, и Кили были и в Лондоне, и здесь.

– Кили – ваш камердинер, не так ли? – спросил Крамбри.

Эйдриан кивнул.

– До меня его не было в ее жизни, но если первые несчастные случаи были просто случайностями... – Он пожал плечами.

– К несчастью, ни у кого из слуг нет мотива, – устало произнес Крамбри. – У Лидии есть. Она ненавидит Клариссу.

– И есть еще Реджиналд, которому нужны деньги, если Хедли прав, – заметил Эйдриан.

– Ты сомневаешься в нем? – спросил Крамбри.

Эйдриан покачал головой:

– Нет. Он очень честный человек.

Крамбри кивнул и поднялся на ноги.

– Думаю, мне нужно пойти, поболтать с моей женой.

Эйдриан наблюдал, как за отцом Клариссы закрылась дверь, потом повернулся и стал смотреть в окно кабинета на холмы и зеленые поля своего поместья. Его мысли совершенно перепутались. Ему было трудно поверить, что Реджиналд мог кому-то причинить вред, но...

Он вздрогнул, когда краем глаза уловил какое-то движение. Резко обернувшись, он увидел, что на пороге теперь открытой двери в библиотеку стояла Кларисса. Ему было достаточно одного взгляда на ее лицо, чтобы понять, что она подслушивала.

– Как много вы слышали? – тихо спросил он, вставая и огибая стол.

– Думаю, почти все, – призналась она. – Я спустилась в библиотеку за книгой сразу после того, как мой отец пошел за вами. Я не собиралась подслушивать, но дверь в ваш кабинет была слегка приоткрыта. Я слышала все. Я не думаю, что Реджиналд может причинить мне зло, – продолжила она, когда Эйдриан встал перед ней и положил руки ей на плечи.

Он вздохнул и притянул ее к себе, прижавшись щекой к ее макушке.

– Я тоже так не думаю. Но кто-то хочет.

– Но почему? – жалобно спросила она. Эйдриан сжал ее чуть крепче, жалея, что не смог оградить ее от беды. Она говорила так растерянно и печально.

– Я не знаю, Кларисса. Но я узнаю, – поклялся он. Он отстранил ее, чтобы заглянуть в лицо. – А вы тем временем не должны вставать с постели.

Она пожала плечами:

– Я отдохнула и чувствую себя прекрасно.

– Кларисса, вчера я едва не потерял вас. Я бы хотел, чтобы вы оставались в постели как минимум еще день, чтобы поправиться, – твердо сказал Эйдриан. Когда она открыла рот, чтобы возразить, он добавил умоляющим тоном: – Если не ради вас, то ради меня. Клянусь, меня едва не хватил удар, когда я нашел вас без сознания лежащей на кровати. Я не хочу потерять вас.

Эйдриан был настолько близко, что Кларисса видела появившиеся от напряжения морщинки вокруг его глаз. Он на самом деле беспокоился, поняла она и почувствовала, как сжалось ее сердце. Может быть, он действительно начинает любить ее. Возможно, он не будет сильно возражать, если она начнет носить очки. Может быть, он все равно будет желать ее. Но она решила, что выяснит этот вопрос в другой раз.

Кларисса закрыла рот, отказавшись от возражений, и крепко обняла его, часто-часто моргая, чтобы не дать пролиться наполненным глаза слезам.

– М-м! – пробормотал Эйдриан. – Как приятно обнимать

вас! Совсем недавно я боялся, что никогда больше не смогу сделать это снова.

Кларисса вздохнула у его груди, наслаждаясь тем, как его руки гладят ее по спине, скользя по шелку халата. Он ласкал ее почти рассеянно, и она подозревала, что он даже не отдает себе отчет, что делает. Но когда его руки оказались по обеим сторонам ее груди, она осознала это, и – как всегда – ее тело ответило.

Нежно улыбаясь, она откинулась назад.

– Я заключу с вами сделку, муж мой. Я вернусь в постель... если вы присоединитесь ко мне.

Она видела, как он улыбнулся на это предложение. Взгляд Эйдриана скользил по ее телу. Он сказал хрипло:

– Как это ни соблазнительно, жена, вы пока недостаточно здоровы, чтобы заниматься такими вещами.

Кларисса удивленно подняла брови. Для него это было не просто соблазнительно. Она чувствовала его эрекцию и знала, что он просто пытается быть тактичным. Как обычно. Но сейчас ей хотелось не тактичности.

– Недостаточно здорова? – нежно спросила Кларисса. Лукаво улыбаясь, она отступила на шаг назад и развязала пояс халата. Чувствуя на себе его взгляд, она распахнула полы, чтобы открыть соски, уже твердые от желания. Она позволила ему вдоволь насмотреться, потом отпустила полы халата и положила его руки себе на грудь, чтобы он ощутил, как напряглись ее соски. – Мое тело не согласно с вами, муж. Оно,

похоже, думает, что я достаточно здорова.

– Кларисса! – предупреждающе прорычал Эйдриан. – Нет.

– Ваши губы говорят «нет», но ваше тело говорит «да», – проворковала она, скользя рукой вниз, чтобы провести пальцем по выпуклости на его бриджах.

В глазах Эйдриана вспыхнуло пламя, когда она стала ласкать его сквозь ткань. Его голос был хриплым, когда он сказал:

– С нашей первой брачной ночи вы стали бесстыдной, жена.

Кларисса прикусила губу и накрыла его всей ладонью. Склонив голову набок, она спросила:

– А вы против?

– Нет! – взревел он, шагая вперед.

Кларисса медленно отступила и, улыбаясь, повела его к дивану в библиотеке.

– Хорошо. Потому что я хочу подарить вам такое же удовольствие, какое вы дарите мне.

– И как вы планируете сделать это? – спросил Эйдриан. Явно забавляясь, он позволил ей провести себя по комнате.

– Я читаю книги, милорд, и ищу способы, которыми женщина может доставить наслаждение мужчине.

– Без очков? – спросил Эйдриан и предостерег: – Это еще сильнее испортит ваши глаза.

– Вы стоите того, милорд, – пробормотала Кларисса, не упоминая об очках. Сейчас она меньше всего на свете хотела

обсуждать эту тему.

– И что вы узнали из ваших книг? – спросил он, обнимая ее за талию. Она наткнулась на диван и остановилась, потом вздохнула, наслаждаясь прикосновением его рук к своей нежной коже.

– Я узнала, что могу услаждать вас так же, как вы меня.

– О?! – удивился он.

– Да.

Она улыбнулась и пробежала пальцами по его груди, тогда как руки Эйдриана скользнули на ее спину. Кларисса что-то возбужденно пробормотала, когда они опустились на ее ягодицы. Он прижал ее ближе, приподнимая к себе, так что их бедра оказались на одном уровне.

– Я люблю вашу силу, – прошептала она, проводя губами по его подбородку. – Я люблю ваше тело; я люблю ваш разум; я люблю наслаждение, которое вы дарите мне. Позвольте мне подарить наслаждение вам.

Из горла Эйдриана вырвался рычащий звук, и он накрыл ее губы своими. Его поцелуй был горячим и волнующим, и она обхватила руками его шею и застонала, для большего эффекта наклонив голову.

– Мы должны подняться наверх, – пробормотал Эйдриан, обрывая поцелуй.

– Все еще пытаетесь отправить меня в постель? – поддразнила она, когда он поставил ее на ноги. Когда он отпустил ее, она упала на колени перед ним и потянулась к его бридгам.

– Кларисса!.. – прорычал он, пытаясь поймать ее руки, но она оказалась проворнее и уже стащила с него бриджи.

– Да, милорд? – невинно спросила она, высвобождая его естество и чуть сжимая его в пальцах. Эйдриан с трудом вдохнул, всем телом подавшись вперед.

– О Господи, вы меня убьете! – простонал он.

– Я искренне надеюсь, что нет, муж мой, – пробормотала Кларисса, оценивая его достоинство и размышляя, как именно удовлетворить его. В одной из книг упоминалось что-то об этом, но все было ужасно метафорично и не давало конкретных инструкций, кроме заверений, что если он использовал рот, чтобы удовлетворить ее, она может делать то же самое с ним.

Мысленно пожав плечами, она наклонилась вперед и просто взяла его в рот. Это казалось лучшим способом начать. Он был длинный и твердый, и в то же время мягкий, точно обтянутый бархатом. Кларисса чуть помедлила, потом скользнула по нему губами... и решила, что все делает правильно, когда услышала, как он с трудом втягивает воздух сквозь стиснутые зубы.

– Господь милосердный... – Он с трудом вдохнул, запуская руку в ее волосы.

Кларисса восприняла это как указание продолжать и снова прошла губами по его члену. Это казалось таким естественным. Это было то же самое, что он делал, занимаясь с ней любовью, и выглядело так, будто ее рот просто заменил

ее тело.

– Кларисса, вы должны остановиться, – резко сказал Эйдриан, потом добавил: – Пожалуйста. – Когда она проигнорировала его, он выдал: – У нас в доме четверо гостей и две дюжины слуг, бегających туда-сюда. Кто-нибудь может войти.

Заметив, как напряглись мускулы на его бедрах, Кларисса пробежала рукой по его бедру, снова ведя ртом по его члену.

Эйдриан оставил попытки говорить и только прерывисто дышал, и ей показалось, что он стал еще тверже от ее манипуляций. Рука, на которую она опиралась для баланса, коснулась его стопы, и Кларисса, скосив глаза вниз, с удивлением увидела, что его пальцы поджаты. Похоже, она действовала на него так же, как и он на нее.

Все это было ново для Клариссы и поэтому очаровательно, но она подумала, что предпочитает, когда он занимается с ней любовью. Его тело тогда окутывало ее, его руки обнимали ее, его эрекция наполняла ее, его рот целовал ее. Это действительно нравилось ей больше всего – но ей также нравилась мысль, что она доставляет ему наслаждение, поэтому была ужасно разочарована, когда он вдруг нагнулся и схватил ее за плечи, заставив ее отстраниться.

– Муж, – запротестовала она, когда он быстро натянул бриджи. Собственно, это было все, что она успела выговорить, прежде чем он закончил застегивать брюки и подхватил ее на руки.

– Наверну, – выдохнул он, очевидно, все еще задыхаясь.

– Вы можете делать со мной что захотите, но наверху, где не нужно бояться, что нам помешают.

Успокоенная этим обещанием, Кларисса расслабилась в его объятиях и позволила ему вынести ее из библиотеки.

Глава 18

Кларисса молча смотрела, как слуги наполняют для нее ванну. Эйдриан пообещал приказать сделать это, когда ушел вниз, и сдержал слово. Ее смущало время дня, потому что она знала, что раннее утро самое занятое время для слуг, но она так и не приняла ванну вчера и теперь чувствовала, что она необходима ей после энергичных занятий вчера днем и ночью.

Эйдриан до этого провел бессонную ночь, которую нужно было компенсировать, и Кларисса, видимо, не настолько поправилась, как думала. Они больше спали, чем занимались любовью, хотя и то и другое было чудесно.

Когда в ванну вылили последнее ведро, слуги вышли из комнаты, оставив их вдвоем с Джоан. Когда дверь закрылась, Кларисса подошла к прикроватному столику, чтобы достать очки из лежащего там мешочка. Прошлой ночью, глядя на лицо спящего Эйдриана, она решила последовать совету леди Моубри и Киббла и начать носить очки. Но Кларисса так долго стеснялась их, что хотела начать это делать постепенно. Сначала она наденет их перед Джоан и посмотрит, как горничная отреагирует. Потом она, может быть, покажется в них перед другими слугами и, наконец, перед своими родственниками и мужем.

Выпрямившись с очками в руке, Кларисса помедлила, по-

том водрузила их на нос, спокойно достала книгу из ящика прикроватного столика и повернулась к ванне.

– Хотите, я... – Слова Джоан вдруг оборвались, и за ними последовал глухой стук, когда она уронила кусок мыла, который держала в руке.

Кларисса резко взглянула на горничную, пытаясь понять выражение ее лица. Ей не хотелось признавать это, но было похоже, что на лице Джоан отразился ужас. Как раз когда она пришла к этому выводу, горничная заставила себя отвести взгляд и выдавила сочувственную улыбку.

– Я... вы...

Кларисса жестом заставила ее замолчать. У нее не было желания обсуждать очки. Она вдруг почувствовала себя слишком расстроенной, чтобы слушать объяснения, и определенно не желала слышать никакие жалкие отговорки о том, что они выглядят «мило», после первоначальной реакции горничной.

Джоан помедлила, но не сказала ничего на эту тему, когда взяла Клариссу за руку и помогла ей залезть в ванну. Однако Кларисса заметила, что служанка постоянно поглядывает на очки.

Учитывая, что ее очки уже больше не были тайной, по крайней мере для Джоан, Кларисса не настаивала, чтобы ее оставили купаться одну, а позволила горничной помочь ей вымыть голову. Закончив, Джоан отошла, чтобы заняться одеждой, а Кларисса попыталась расслабиться и немного по-

читать. Но расслабиться оказалось трудно. Она все время ощущала, что Джоан продолжает тайком поглядывать на нее.

– Они настолько ужасны? – наконец спросила Кларисса, и Джоан виновато замерла.

– Что, миледи? – спросила горничная.

– Я так ужасно выгляжу в очках? – разъяснила Кларисса. – Вначале ты испугалась, а теперь продолжаешь таращиться на них.

– О нет, миледи, – торопливо заверила ее Джоан. – Я не испугалась. Они выглядят красиво. Я просто удивилась. Я не знала, что лорд Эйдриан посылал за новой парой. То, что вы увидели, было удивлением, а не ужасом.

– Гм-м... – с сомнением промычала Кларисса и пристально посмотрела на служанку. В последние несколько месяцев она видела эту блондинку каждый день, и ее лицо было знакомым, но все же теперь, в очках, она заметила то, на что раньше не обращала внимания. Джоан была довольно красива – на удивление хороша для служанки. Но потом Кларисса подумала, что нет причин, по которым горничная не может быть красивой. Ей просто казалось, что красивые женщины чаще получают лучшую работу – устраиваются продавщицами в магазине, например. Пожав плечами, Кларисса оставила эти мысли и вернулась к своей книге, но обнаружила, что теперь слишком взволнована, чтобы наслаждаться ею. Очки смущали ее больше, чем когда-либо смущала нагота перед служанкой.

Со вздохом отложив книгу, Кларисса принялась мыться, ни на минуту не переставая думать, что же делать дальше. Изначально она собиралась показаться в очках Джоан, и если все пройдет хорошо, надеть их перед остальными. К несчастью, все, по-видимому, пошло совсем не хорошо.

И все же когда-нибудь ей придется надеть их перед Эйдрианом или провести остаток жизни практически слепой, улучая иногда минутку-другую, чтобы, ускользнув в свою комнату, немного почитать.

Кларисса поморщилась от такой мысли. Все это казалось слишком несправедливым. Кроме того, если верить ее свекрови и Кибблу, Эйдриан боялся, что она сочтет его непривлекательным, если будет нормально видеть, и казалось жестоким оставлять его с этим мнением. Она знала, что в конце концов ей придется надеть перед ним очки. Конечно, она всегда это знала, но на самом деле оттянула бы это событие еще немного.

Но ненадолго, заверила себя Кларисса. Ей казалось, что Эйдриан на самом деле привязывается к ней. Он, несомненно, беспокоился о ней и, кажется, испытал облегчение, когда вчера ей стало лучше. Но все же...

– Трусиха, – пробормотала она себе под нос и встала в ванне. Наклонившись вперед, чтобы дотянуться до простыни, которую Джоан положила рядом, она остановилась, когда горничная подбежала, чтобы подать ее ей. – Спасибо, – сказала Кларисса. Быстро вытерев мягкой тканью верх-

нюю часть тела, она вышла из ванны, чтобы вытереть ноги, прежде чем последовать за Джоан к одежде, которую та приготовила для нее.

Полчаса спустя Кларисса была одета и спускалась вниз; ее волосы оставались еще чуть влажными, и она все еще была в очках. Она отчаянно храбрилась, но совсем не была уверена, что не сорвет их с носа, если наткнется на своего мужа.

Не все сразу, убеждала она себя. Все будет хорошо. Лидия сидела в столовой одна, когда туда вошла Кларисса, но пустые тарелки на столе говорили о том, что ее отец и Эйдриан, а возможно, и леди Моубри уже побывали здесь и ушли. Одного взгляда на лицо мачехи было достаточно, чтобы понять почему. Этим утром Лидия была мрачнее тучи. Кларисса вздохнула про себя, зная, что это ничего хорошего не предвещает. Она уже хотела повернуться и выскользнуть из комнаты, но тут Лидия заметила ее, и убежать уже не имело смысла.

– Вижу, у тебя теперь есть очки. – Лидия зло улыбнулась, когда Кларисса прошла к буфету, чтобы наполнить свою тарелку. – Они, должно быть, прибыли сегодня утром. Ты в них уже видела своего мужа? Теперь ты понимаешь, на что ты обрекла себя своим нелепым поведением? Теперь ты чувствуешь себя несчастной?

Кларисса не мешала вопросам сыпаться из нее, пока наполняла тарелку. Только после того, как она подошла к столу, села, развернула и расстелила на коленях салфетку и взя-

ла вилку, она наконец сказала:

– У меня эти очки со дня накануне свадьбы, Лидия.

После ее заявления столовую наполнила тишина, и Кларисса воспользовалась возможностью положить в рот кусочек-другой. Она уже в третий раз подносила вилку ко рту, когда Лидия наконец заговорила.

– Ты вышла за него, зная, как ужасно он выглядит? – спросила леди Крамбри. – Боже мой! Ты что, сошла с ума? Как ты можешь терпеть, когда он прикасается к тебе?

Вздыхнув, Кларисса опустила вилку.

– Вообще-то, Лидия, я не только вышла за Эйдриана, зная, как он выглядит; я знала, как он выглядит, даже до того, как он впервые поцеловал меня или занимался со мной любовью. Я видела его в первый же вечер на балу, когда он танцевал со мной. Каждый раз, когда он наклонялся, чтобы услышать, что я сказала, я видела его лицо. – Кларисса посмотрела мачехе прямо в глаза. – Я сочла его привлекательным тогда и считаю его привлекательным до сих пор. Мне жаль, что вы так не думаете. Но с другой стороны, ведь это не вы вышли за него замуж.

Она начала есть, сознавая, что Лидия снова уставилась на нее. Мачеха не отрывала от нее глаз, как будто она была шарадой, которую та не могла разгадать.

– Ты действительно счастлива с ним, – наконец удивленно произнесла Лидия. А потом, видимо совершенно сбита с толку, спросила: – Как ты можешь быть счастлива с ним?

Кларисса подняла голову и печально посмотрела на сидящую напротив нее женщину. Похоже, Лидия действительно не понимала.

– Потому что он хороший и добрый, – мягко объяснила она и продолжила: – Потому что он обращается со мной как с принцессой. Потому что он заставляет меня смеяться. Потому что он делает меня счастливой. Потому что он не поленится читать мне, когда я не могла читать сама. Потому что он кормил меня и подавал вино, когда я не могла есть и пить на балах. Потому что, когда он целует меня, у меня поджимаются пальцы на ногах, а когда он занимается со мной любовью, я не могу сдерживать мою страсть.

Как ни странно, при этих словах Лидия побледнела, как будто Кларисса ее ударила. Потом на ее лице появились и другие эмоции: злость, обида, зависть, смущение. Наконец вид у нее стал потерянным и удрученным.

Кларисса задумалась над ее реакцией, беря вилку и возвращаясь к еде. Прошло несколько минут, прежде чем Лидия оправилась достаточно, чтобы напасть снова; тогда она спросила:

– Он уже видел тебя в очках? Держу пари, что нет. Я что-то не заметила, чтобы ты носила их перед ним. Значит, они ему не нравятся?

Проглотив кусок, Кларисса положила вилку и нож по обеим сторонам тарелки. Потом она промокнула рот салфеткой, снова положила ее на колени, аккуратно сложила руки, под-

няла глаза на Лидию и сделала то, что должна была сделать еще несколько лет назад. Она спросила:

– Почему вы так сильно хотите видеть меня несчастной? Почему вы так меня ненавидите?

Вскочив со своего места, как будто ей дали пощечину, Лидия сказала:

– Не будь смешной. Ты моя падчерица. Я не ненавижу тебя.

– Но вы всерьез хотите, чтобы я была несчастной.

– Жизнь – это несчастье, Кларисса, – резко ответила мачеха. – Все твои мечты о детях и счастье? О любящем муже и доме? Забудь их. Фортуна – переменчивая стерва, и даже когда она дает тебе то, что ты, как тебе кажется, хочешь, вскоре ты понимаешь, что у тебя нет ничего. Лучше, пока ты еще молода, узнать, какой жестокой может быть жизнь, чем вырасти в любви и неге, а потом страдать от разочарований.

Кларисса молча смотрела на мачеху, чувствуя, что очень близка к пониманию. После паузы она спросила:

– Вас любили и баловали, Лидия?

– О да. – Она горько усмехнулась. – Я была избалована сверх всякой меры. Все, что я хотела, я могла получить. Все, что мне было нужно, тут же появлялось у меня.

– До того, как вы вышли за моего отца, – догадалась Кларисса.

Лидия устала на свою тарелку. После паузы она тихо сказала:

– Я захотела его с того момента, как в первый раз увидела. Я видела, каким он был с твоей матерью, и...

– Вы знали его, когда моя мать еще была жива? – удивленно спросила Кларисса.

Лидия кивнула, ее опущенный взгляд был почти пристыженным.

– Они так сильно любили друг друга. Я завидовала твоей матери. Когда она умерла, я подумала: «Великолепно! Теперь моя очередь». И я стала охотиться за ним. – Лидия коротко хохотнула. – О, не сразу же, конечно. Я была рядом, чтобы успокаивать и утешать его, говорить сочувственно о том, как трудно, наверное, тебе без матери. Что тебе нужен кто-то, чтобы руководить тобой в период взросления, особенно после скандала. И что растить ребенка одному и к тому же вести хозяйство, должно быть, ужасно тяжело.

– И он женился на вас, – тихо сказала Кларисса, на вспомнила, что в свой первый приезд в Крамбри Лидия была добра к ней. Они даже смеялись раз или два. А потом, постепенно, она начала вести себя отчужденно и равнодушно, потом стала холодна с ней, а потом стала относиться неприязненно. И не только к Клариссе, а ко всем остальным.

– Да. Он женился на мне, – печально произнесла Лидия. – Как я сказала, я всегда получала то, что хотела.

– Но на самом деле вы ведь не получили? – догадалась Кларисса. – Потому что на самом деле вы хотели не моего отца; вам были нужны те отношения, которые были между

ним и моей матерью.

– Да, – устало сказала Лидия и криво улыбнулась. – Ты всегда была умной девочкой. Если бы я была хотя бы вполовину так умна, я бы не испортила свою жизнь. – Вздохнув, она провела рукой по волосам, потом покачала головой. – О, он хороший и добрый, в своем сдержанном стиле, но я не чувствовала ничего, когда он целовал меня. Эти поджимающиеся пальцы и неконтролируемая страсть, о которых ты говоришь, неизвестны мне. Я винила его за это. Он женился на мне, чтобы я заменила тебе мать и вела его дом, и это было все, что его в действительности волновало. Ты была дочерью его драгоценной Маргарет, и он проявлял к тебе больше любви, внимания и заботы, чем когда-либо проявлял ко мне, своей жене. Но я могла жить с этим, – спокойно продолжила она. – Большинство браков – это просто деловые соглашения. Я могла бы смириться с его умеренной привязанностью и отсутствием интереса, если бы я родила собственных детей. Но этого не произошло. – Она сжала ручку чашки так сильно, что побелели костяшки пальцев, и Кларисса испугалась, что она сейчас сломает ее. – Я прожила с твоим отцом много лет без всякого намека на беременность.

Глаза Клариссы затуманились, несмотря на очки, и она поняла, что они наполнились слезами. Сморгнув, она прочистила горло и сказала:

– У вас была я. Я могла бы быть вашей дочерью.

– Я не хотела тебя, – резко бросила Лидия, и ее взгляд

стал жестким; потом она пристыженно отвела глаза. – Прости, Кларисса, но ты была уже взрослой, когда я приехала в Крамбри. Уже женщина, со сложившимся характером и своими взглядами... и к тому же точная копия своей матери, которой я так завидовала. – Она поморщилась и покачала головой. – Я хотела то, что имела твоя мать, – мужа, любящего и заботящегося обо мне, и своего собственного ребенка. Мою собственную дочь, похожую на меня, которую я бы нежила и баловала.

Кларисса медленно кивнула:

– А я уверена, что моя мать хотела бы иметь то, что было у вас.

Лидия растерянно заморгала:

– Что такое было у меня, чего не было у нее?

– Здоровье, – ответила Кларисса. – Мама всегда была хрупкой и болезненной. У нее мало на что хватало сил. Легкая простуда могла уложить ее в постель на многие дни. И вся наша любовь не могла сделать ее здоровой и сохранить ей жизнь.

Искры стыда сверкнули в глазах Лидии, и она отвернулась, поджав губы.

– Я говорю это вам не для того, чтобы унижить вас, – быстро произнесла Кларисса. – Я хочу сказать, что даже при том, что она имела то, что вы хотели, у нее не было всего. Наверное, это просто невозможно.

Лидия медленно повернулась, теперь на ее лице вместо

стыда проступило любопытство.

– Она была счастлива?

Кларисса вздохнула и заглянула в прошлое, вспоминая смех матери и ее улыбки. Маргарет Крамбри никогда не показывала, как тяжело ей порой приходится. Она никогда не унывала и даже во время болезни всегда улыбалась. Вот почему они так сильно любили ее.

– Думаю, часть ее, наверное, была ужасно несчастна, – сказала наконец Кларисса. – Я знаю, что меня бы такое точно расстраивало. Однако она никогда не показывала этого. Мама однажды сказала мне, что счастье – это выбор. Если ты выбираешь хандру и мрачное настроение, ты такой и будешь; но если ты хочешь быть счастливой и наслаждаться тем, что предлагает жизнь, тогда у тебя и будет это счастье. Она говорила, что ничто не бывает только плохим или только хорошим, что жизнь предлагает каждому смесь того и другого – хотя часто в своей жизни мы видим только плохое, и нам кажется, что остальные счастливее нас. Она говорила, что мы должны наслаждаться хорошим, несмотря на плохое, иначе жизнь может задавить нас и лишить надежды, а без надежды жить невозможно.

– Твоя мать, похоже, была очень мудрой, – тихо сказала Лидия. В ее глазах стояли слезы. – Жаль, что я не узнала ее, пока она была жива. Может быть, несколько вовремя сказанных мудрых слов – и я не превратила бы свою жизнь в непоправимый кошмар.

– Это действительно непоправимо? – спросила Кларисса.

Лидия горько усмехнулась.

– О, я не знаю, – сухо сказала она. – Ты мне скажи. Я старею и толстею – как матрона – и я замужем за человеком, который ненавидит меня, и с падчерицей, которая тоже меня ненавидит.

– Я не ненавижу вас, – тихо сказала Кларисса.

– Но твой отец – да.

– Он...

– Пожалуйста, – Лидия подняла руку, – не пытайся убедить меня, что это не так. Вначале я думала, что он просто равнодушен. Он любил твою мать, а она умерла, будучи еще молодой. Она всегда будет молодой и красивой в его глазах. Я никогда не могла соперничать с ней, ни тогда, ни сейчас. Но со временем пришло презрение. Думаю, я заслужила это. Я была несчастна в своем разочаровании и сделала вас все-тоже несчастными. Теперь я твоему отцу даже не нравлюсь. – Она решительно подняла глаза на Клариссу и сказала: – Я омерзительна ему настолько, что он готов поверить, что я пыталась убить тебя. – Лидия покачала головой, в ее глазах была боль. – Как мог он подумать такое? Я понимаю, что он не любит меня, но разве он совсем не узнал меня за все эти годы?

– Я уверена, что он на самом деле не верит в это, – сказала Кларисса, всем сердцем сочувствуя мачехе. Она никогда не видела Лидию такой уязвимой. Она никогда не осознава-

ла, насколько несчастна эта женщина. Или, если точнее, она считала, что Лидия, видимо, несчастна настолько, чтобы делать несчастными всех окружающих, но не понимала – или не утруждала себя пониманием – почему. Клариссе никогда не приходило в голову поинтересоваться, почему у нее нет братьев и сестер. Или спросить, какие мечты были у Лидии и превратились ли они в реальность. Похоже, у Лидии была волшебная жизнь в детстве и совсем не такая счастливая в зрелости.

– Он открыто обвинил меня в этом и предупредил, что, если с тобой что-то случится, он добьется, чтобы меня повесили. Я уверена, что он и правда думает, что это я стою за всеми этими несчастными случаями, – сказала Лидия. Она вздохнула. – И это тоже моя собственная вина, потому что я настояла и забрала у тебя очки.

– Я уверена, что на самом деле он не верит в это, – повторила Кларисса. – Просто мужчины решили, что это должен быть кто-то, кто сейчас находится здесь и кто был тогда в Лондоне, и этот список очень короткий.

– И я в нем, – пробормотала Лидия, со вздохом откидываясь на спинку стула. – Полагаю, теперь я уже никогда не увижу от твоего отца ничего, кроме ненависти.

Кларисса помолчала, потом сказала несмело:

– Лидия, если моя мать была права и мы можем выбирать, быть ли нам счастливыми... Я хочу сказать, если бы вы все время не хандрили и не пытались сделать несчастными всех

окружающих, может быть, папа нашел бы возможность по-любить вас.

Лидия некоторое время непонимающе смотрела на нее; потом ее взгляд прояснился.

– Кстати отом, чтобы сделать всех несчастными... почему ты так добра ко мне, когда я так ужасно обращалась с тобой?

Кларисса нахмурилась:

– Теперь я понимаю, что была эгоистичным ребенком, когда дело касалось вас. Боюсь, я считала, что вас нельзя изменить. Мне никогда не приходило в голову, что вы можете хотеть иметь собственных детей или что мой отец неидеален. Я знала, что вы несчастливы, но просто думала, что это ваш выбор. Я не давала себе труда даже поинтересоваться. – Она сдвинула брови и сказала искренне: – Я сожалею, Лидия. Мне жаль, что вам пришлось так тяжело, и мне жаль, что я ничего не понимала.

– Ты была ребенком, – сказала Лидия. – А я нет. Мне следовало лучше справляться с разочарованиями. Если я не могла иметь своих детей, мне следовало быть благодарной, что мне дан шанс быть матерью тебе. Я подслушала, как леди Моубри разговаривала с тобой в то утро, когда ты очнулась после отравления. Я спускалась из своей комнаты в гостиную и как раз проходила мимо твоей спальни. Я слышала, как она сказала, что, хотя она не могла иметь детей после Эйдриана, она всегда мечтала о дочери и теперь хочет быть матерью тебе. – Она нахмурилась. – Мне самой следовало воспользо-

ваться этой возможностью. – В ее взгляде было раскаяние, когда она продолжила: – Я сожалею, Кларисса. Хотела бы я... хотела бы я начать все заново. Если бы я могла, я сделала бы все по-другому. Я была бы тебе другом и матерью.

– Еще не поздно. Мы можем все начать заново и стать друзьями ми, – предложила Кларисса. – Я готова.

Лидия неуверенно улыбнулась:

– Правда? После всего зла, что я тебе причинила? Ты действительно можешь простить меня и начать все заново?

Кларисса успокаивающе махнула рукой:

– Все было не так уж ужасно, Лидия. Чаще всего вы бывали просто раздражительны, и поэтому я избегала вас. Только в Лондоне с вами стало действительно тяжело. Однако, – быстро добавила она, когда на лице мачехи появилось виноватое выражение, – в результате я встретила с моим будущим мужем, так что я вряд ли могу жаловаться, не так ли? Он сделал меня очень счастливой.

Робкая улыбка облегчения появилась на губах Лидии.

– Я рада, что ты счастлива, Кларисса. Я вижу, что ты действительно счастлива. И я также вижу, что он заботлив, добр и внимателен к тебе. Полагаю, это имеет большое значение, компенсируя этот его ужасный шрам.

Кларисса удивленно заморгала. Она искренне не понимала, почему все так заикливаются на его шраме. Это была просто часть его, как ухо или палец, и она считала, что он придает очарование его прекрасному лицу. И все же Лидия

явно считала этот шрам физическим недостатком.

Покачав головой, Кларисса сказала:

– Я думала о том, чтобы пойти сегодня прогуляться в деревню. Не хотите ли пойти со мной?

Лидия замерла, ее глаза расширились, как у ребенка, которому предложили неожиданное угощение.

– В самом деле?

– Да. – Кларисса рассмеялась. – Ну, раз нам предстоит стать друзьями, у нас должны быть общие дела, разве нет?

– Да, полагаю, должны, – медленно произнесла Лидия, просяив. – Когда мы пойдем?

– Прямо сейчас, если хотите, – предложила Кларисса. – Я уже закончила завтракать.

– О! – Лидия вскочила на ноги, на ее лице был написано радостное возбуждение. – Мне нужно подняться к себе взять деньги на случай, если мы найдем, что купить. – Она направилась к двери, потом обернулась, чтобы спросить: – Мы возьмем коляску или пойдем пешком?

– Я думала, что мы можем пройтись, – сказала Кларисса, вставая, чтобы присоединиться к ней. – Это не должно быть очень далеко. Однако если вы предпочитаете взять коляску...

– Нет-нет. Пешая прогулка – это замечательно. – Она повернулась и бросилась в коридор, радостно щебеча. Кларисса улыбнулась. Видя, как преобразилась Лидия, она почувствовала себя слегка виноватой за то, что не завела этот разговор много лет назад. Сделай она это, они давно были

бы лучшими друзьями.

– Кларисса.

Резко замерев от донесшегося сзади знакомого голоса, Кларисса сорвала с носа очки и сунула их в карман в складках юбки. Она видела испуганный взгляд, который на нее бросила Лидия, но оставила его без внимания и повернулась к Эйдриану:

– Да, муж мой?

– Куда вы собираетесь? – спросил он, его прищуренные глаза смотрели то на нее, то на ее мачеху.

– Я просто иду наверх взять кошелек, – пробормотала Лидия, удаляясь. – Я вернусь через мгновение.

Кларисса проводила ее взглядом, а потом опять повернулась к Эйдриану.

– Я просто собиралась прогуляться в деревню и посмотреть, что там есть.

– Но не с Лидией? – напрямик спросил он. Кларисса вздохнула, понимая, что ему это не понравится.

– Я знаю, вы считаете, что это она стоит за всеми этими покушениями, милорд, но сегодня утром мы с ней очень хорошо и долго разговаривали, и я правда не думаю, что это была она. Лидия несчастлива и поэтому старалась сделать несчастными других, но она никогда не пыталась убить меня.

– Кларисса... – мрачно начал Эйдриан.

Она прервала его:

– Вы должны доверять мне в этом. Лидия не преступница.

Я могу поставить на это свою жизнь.

– Вы действительно рискуете из-за этого своей жизнью, – бросил Эйдриан. – А я не позволю этого. Я запрещаю вам идти в деревню наедине с ней.

Кларисса прищурилась, стараясь разглядеть его охваченное паникой лицо, и улыбнулась. Поднявшись на цыпочки, она нежно поцеловала его в губы.

– Вам так идут властные манеры, милорд. Честно говоря, мне хочется отвести вас наверх и бросить на кровать.

Напряжение Эйдриана немного ослабло, и на губах появился намек на улыбку.

– Бросить меня на кровать, да? – Его руки скользнули на ее талию. – Я готов пожертвовать на это немного времени, если бы будете убедительны.

– Насколько убедительна? – спросила Кларисса, чувственно пробегая языком по нижней губе.

Эйдриан застонал. Обхватив рукой ее затылок, он не дал ей отступить и завладел ее ртом. Его язык скользнул между ее губами, и она застонала, выгибаясь, возбужденная его прикосновениями.

Руки Клариссы обвивали шею Эйдриана, и у нее перехватило дыхание, когда он обхватил ее сзади и, приподнимая, вплотную прижал к себе. Но при звуке шагов, раздавшихся на лестнице рядом с ними, они оба замерли. Эйдриан неохотно опустил ее на пол, и она прервала их поцелуй. Они оба обернулись к появившейся Лидии.

– Я готова, – радостно сказала та, потом замолчала, ее глаза расширились, когда она, похоже, поняла, что помешала им. – О, – неуверенно произнесла она, – может, мне...

– Я тоже готова, – решительно перебила ее Кларисса, выскальзывая из ослабших объятий мужа и присоединяясь к Лидии. – Идемте. Люси говорит, в деревне есть очаровательное маленькое кафе, в котором подают лучшие в округе кексы.

– Кларисса! – прорычал Эйдриан, но Кларисса просто распахнула дверь и подтолкнула Лидию наружу.

– Мы скоро вернемся, – беззаботно бросила она, следом за мачехой выходя из дома и закрывая за собой дверь. Потом она поспешила вместе с Лидией по подъездной дорожке, опасаясь, что Эйдриан погонится за ними. Правда, с ним было так трудно, когда дело касалось ее благополучия! Вытащив очки из кармашка под юбкой, она быстро надела их на нос.

– Я не могла не заметить, что ты сняла очки, когда появился твой муж, – вдруг пробормотала Лидия, когда они дошли до конца дорожки. Выйдя на аллею, они замедлили шаг. – Он не знает, что они у тебя есть, так?

– Да, – со вздохом призналась Кларисса.

– Почему?

Кларисса пожала плечами:

– Как вы сказали, в очках я выгляжу уродиной. Я не хочу, чтобы он видел меня в них.

– О, Кларисса! – печально воскликнула Лидия. – Ты не выглядишь уродиной в очках. Мне жаль, что я это говорила. Я просто была...

– Трудной? – весело подсказала Кларисса.

– Стервой, – возразила Лидия. Вздохнув, она покачала головой. – Я даже не знаю, о чем я думала, когда была в Лондоне. Я завидовала тебе. Ты такая прекрасная и юная, и у тебя впереди вся жизнь... в то время как я постарела и растолстела и у меня нет никаких шансов.

– О, Лидия, – Кларисса взяла ее за руку, – вовсе вы не постарели и не растолстели.

– Это все не имеет значения, – сказала Лидия, высвобождая руку и робко обнимая Клариссу за талию. Когда Кларисса не отстранилась, она немного расслабилась и почувствовала себя более непринужденно. – Дело в том, что очки тебя совсем не уродуют, и я прошу прощения, что когда-то говорила это.

– Извинения приняты, – сказала Кларисса. – А теперь хватит о том, что уже прошло; нас ждут магазины. Интересно, есть ли у них пекарь, умеющий делать те маленькие булочки с кремом.

Глаза Лидии расширились от удовольствия.

– Или те слоеные пироги с шоколадом и карамелью!

Улыбаясь, Кларисса обняла Лидию за талию.

– У нас всегда были одинаковые вкусы в еде.

– Ты хотела сказать, в сладостях, – рассмеялась Лидия.

– И в книгах, – добавила Кларисса. – Вы всегда читали книги, которые хотела почитать я, раньше, чем я успевала добраться до них. И в одежде, – добавила она. – Мне всегда нравился ваш вкус.

– Правда? – спросила Лидия. Она выглядела удивленной. Кларисса серьезно кивнула.

– У вас есть чувство цвета, и, похоже, вы всегда знаете, что будет хорошо смотреться на вас.

– Спасибо, дорогая. – Лидия просияла от удовольствия, и, продолжая болтать о моде, они пошли дальше.

Глава 19

Эйдриан с ужасом и изумлением смотрел, как за его женой закрылась дверь. Хотя перед свадьбой она говорила, что готова быть послушной женой, сейчас она пренебрегла его волей с такой беззаботностью... и в таком важном деле! Он не мог поверить в это. Выругавшись себе под нос, он резко развернулся и бросился по коридору, крича:

– Фредерик!

– Да, милорд? – Юноша всегда держался поблизости от своей госпожи и теперь появился из-за двери в холл.

– Возьми еще трех лакеев и следуйте за твоей хозяйкой и ее мачехой, – приказал он. – Не выпускайте их из виду ни на мгновение. И если вам покажется, что эта женщина собирается причинить Клариссе хоть малейший вред, я приказываю вам остановить ее любым способом, какой вы посчитаете необходимым.

Кадык Фредерика дернулся, когда он сглотнул и кивнул:

– Да, милорд.

Проводив парнишку взглядом, Эйдриан остался стоять в холле, сжимая и разжимая кулаки. Он хотел сам пойти за женщинами, но они с лордом Крамбри должны были встретиться с Хедли, чтобы наметить план действий. Может быть, ему все равно следовало пойти: план действий мало поможет, если Лидия уже убьет Клариссу.

Приняв такое решение, он устремился к выходу только для того, чтобы резко остановиться, когда в гостиную вошел Киббл.

– Это не леди Крамбри, – спокойно объявил он.

Эйдриан замер, склонив голову набок.

– Ты, похоже, очень уверен в этом.

– Да, уверен, – сказал Киббл. – Из того, что вы рассказали мне, и того, что я видел, когда приехали лорд и леди Крамбри, я пришел к выводу, что мачеха – самый вероятный подозреваемый. И поэтому я приставил двух лакеев следить за ней. Они ходили за ней по пятам с самого приезда, и она не приносила отравленный пирог в комнату леди Клариссы.

Почувствовав облегчение, Эйдриан прислонился к стене, потому что все силы, казалось, покинули его.

Он ни на мгновение не усомнился, что Киббл сказал правду. Также он не удивился, что дворецкий взял дело в свои руки. Киббл любил все держать под контролем, эта привычка выработалась у него еще в королевской армии.

– Я рад, что это не она, – сказал Киббл. – Леди Кларисса и ее мачеха очень хорошо поговорили сегодня утром. Я уверен, теперь они двое могут стать ближе. Это может помочь леди Крамбри наладить свою жизнь. Она очень несчастна.

– Ты подслушивал, – укорил его Эйдриан.

Киббл пожал плечами:

– Вы приказали нам присматривать за леди Клариссой. Я просто следовал инструкциям.

Эйдриан слабо улыбнулся. Киббл был бы отличным шпионом для армии его величества. Этот человек знал абсолютно все, что происходило в этом доме, или почти все, мрачно подумал Эйдриан. Было бы очень удобно, если бы он к тому же знал, кто положил отравленный пирог в комнату Клариссы.

Кивнув, Эйдриан повернулся и пошел по коридору в свой кабинет, зная, что Киббл последует за ним.

– Я так понимаю, мистер Хедли, лорд Крамбри и вы собираетесь обсудить план действий. Я хотел бы присутствовать, если вы не против, – сказал Киббл, когда Эйдриан сел за стол.

– Это было бы замечательно, – ответил Эйдриан, отворачиваясь, чтобы посмотреть в окно. – Мы устроим совет сразу же, как мистер Хедли вернется из деревни.

– Из деревни? – Киббл вопросительно поднял брови.

– Сегодня утром он получил записку и сказал, что ему за чем-то нужно в деревню, – пожимая плечами, объяснил Эйдриан. – Думаю, он должен скоро вернуться.

– Очень хорошо. – Киббл развернулся и направился к двери, потом остановился и обернулся, чтобы повторить: – Я знаю, что вы испытываете сильную антипатию к Лидии из-за того, как она обращалась с Клариссой, но, думаю, теперь эти двое найдут общий язык, и мне кажется, вам следовало бы дать этой женщине еще один шанс.

– Я приму к сведению твой совет, Киббл, – пробормотал

Эйдриан. Он ничего не обещал. В этом вопросе он одождет, чтобы посмотреть, как мачеха будет вести себя Клариссой, а потом примет решение.

– Очень хорошо, милорд. – Киббл кивнул.

Когда дворецкий вышел, Эйдриан развернул свое кресло к окну. Хотя он радовался, что Кларисса и Лидия поладили и что мачеха жены ей не враг, все равно было над чем поломать голову. Вычеркивая леди Крамбри из списка, он убирал самого вероятного подозреваемого: он предпочел бы, чтобы преступницей была Лидия. Теперь альтернатив оставалось совсем немного. Честно говоря, главным подозреваемым становился Реджиналд.

Недовольно нахмурившись, Эйдриан смотрел в окно, но не видел холмистых лужаек и окружающих их деревьев. Он видел Реджиналда, вспоминал, как они оба были детьми, как они вдвоем бегали по полям, смеялись и проказничали. Он видел Реджиналда молодым человеком с сияющими глазами, придумывающим какое-нибудь новое приключение, которое они могли испытать. Эйдриан видел его мужчиной и, возможно, убийцей, пытающимся лишить жизни его жену.

– Сынок! Что ты делаешь?

Взглянув на дверь, Эйдриан нахмурился, увидев леди Мобри, входящую в комнату.

– Что такое, мама? – спросил он.

– Я зашла, только чтобы сказать тебе, что уезжаю.

– Уезжаете? – растерянно переспросил Эйдриан. – Но вы

же только что приехали.

– Да, но, похоже, Кларисса и Лидия хорошо поговорили сегодня утром и теперь пытаются наладить отношения. Я не хочу вмешиваться и, возможно, осложнять им задачу. Я собираюсь немного погостить у Уиндемов, а потом вернусь, когда лорд и леди Крамбри уедут.

Эйдриан кивнул, его взгляд вернулся к окну, и в нем отразилось прошлое.

– Кто рассказал вам об их разговоре? Киббл?

– Нет. Кларисса.

Это привлекло его внимание, и Эйдриан удивленно повернулся к матери:

– Кларисса? Но она же только что ушла в деревню.

– Они ушли в деревню еще утром и уже почти час как вернулись. – Она нахмурилась. – Ты сидишь здесь молчаливый, как мышь, уже несколько часов.

Эйдриан заморгал, удивленный, что провел столько времени в размышлениях. Вздыхнув, он снова печально взглянул в окно. Время не прошло даром. Ему удалось принять решение. Реджиналд был ему как брат, и было трудно поверить, что он мог пытаться навредить кому-то, тем более Клариссе, но, так или иначе, пришло время выяснить это наверняка. Ему нужно как можно скорее поговорить с кузеном и узнать правду.

– Эйдриан, – тихо сказала леди Моубри, – надеюсь, ты тоже не будешь мешать их попыткам. Думаю, все это пойдет на

пользу и Лидии, и Клариссе. Это может даже помочь отношениям между Лидией и лордом Крамбри. Там много грустного, но нет ничего непоправимого.

– Я не буду вмешиваться, если Лидия не вернется к своим старым замашкам и не начнет опять расстраивать Клариссу, – машинально произнес он. Он не позволит никому навредить Клариссе. Даже своему любимому кузену.

– Все так, как должно быть, – удовлетворенно сказала его мать. Она немного помолчала, потом вдруг встала между ним и окном, заставляя его обратить на нее внимание. – Было бы очень мило, если бы ты проводил меня, – решительно предложила она, уперев руки в бока.

– О, конечно. Прошу прощения. – Резко встав, Эйдриан взял ее за руку, чтобы вести к двери. – Мне все равно надо уходить. Я составлю вам компанию.

Кларисса нервно ждала у парадной двери, когда услышала приближающиеся голоса своего мужа и свекрови. Изобразив на лице озабоченную улыбку, она попыталась не крутить нервно руки, когда они подошли к ней.

– Вот она! – Леди Моубри ободряюще улыбнулась, привлекая Клариссу в свои объятия. – Я буду скучать по вас, моя дорогая. Вы должны заставить Эйдриана привезти вас в Лондон, как только он закончите этим делом. Он будет сопротивляться – он просто ненавидит сезон, – но вы должны быть твердой. Я поведу вас по магазинам и проинструкти-

рую, на какие балы ходить, а на какие нет, и вы обязательно должны дать бал – ваш первый бал графини Моубри.

– Да, миледи, – с сомнением пробормотана Кларисса, совсем не обрадованная перспективой возвращаться в общество, путь даже и в очках. Выражение лица леди Моубри, кажется, говорило, что она понимает все это, но она просто еще раз ободряюще улыбнулась, ласково похлопала Клариссу по руке и снова повернулась к сыну.

– Поцелуй маму, дорогой, – весело пробормотала она.

Наклонившись, Эйдриан рассеянно поцеловал мать, похоже, даже не заметив фразу, обычно так раздражавшую его. Подняв брови, пожилая женщина вопросительно взглянула через плечо на Клариссу, но Кларисса тоже понятия не имела, почему он не отреагировал на поддразнивание. Она беспомощно пожала плечами.

Эйдриан выпрямился и, взяв мать под руку, повел ее к карете. Устроив ее внутри, он закрыл дверцу и дважды стукнул по стенке, прежде чем отступить. Кучер тут же шелкнул кнутом, и карета сорвалась с места. Огромные внимательные глаза леди Моубри озабоченно взглянули на Клариссу, когда карета проезжала по подъездной дорожке, выражение ее лица ясно говорило о том, что она уверена, что с ее сыном что-то не так.

Кларисса была вынуждена согласиться: что-то определенно было не так. Эйдриан вдруг повернулся и пошел в сторону конюшен. Он даже не заметил, что она была в очках.

Кларисса и леди Моубри спланировали это вместе как способ показать очки Эйдриану. Две женщины поговорили после возвращения Клариссы и Лидии из деревни, и именно тогда леди Моубри решила ненадолго уехать, пообещав вернуться через пару дней. Но она спросила Клариссу, готова ли та рассказать Эйдриану об очках до ее отъезда, чтобы она знала, что все развивается в правильном направлении. Кларисса неохотно согласилась, и они решили, что она должна в очках подождать у парадной двери, пока Эйдриан выйдет провожать мать.

И теперь этот глупец испортил все их планы. Эйдриан даже не заметил! Честно говоря, он, кажется, вообще не заметил ее присутствия, что было в высшей степени необычно. Он действовал ужасно рассеянно. Очевидно, он что-то задумал, и вряд ли что-то хорошее, если судить по выражению его лица. В его глазах светилась мрачная решимость, и это вселяло тревогу.

Нахмурившись, Кларисса подобрала юбки и поспешила за ним.

– Эйдриан?

– Да, любовь моя? – пробормотал он, не замедляя шаг.

Она удивленно заморгала, услышав ласковое слово, потом стряхнула удивление и спросила:

– Что-то случилось?

– Нет, ничего.

– Тогда куда вы едете? – воскликнула Кларисса.

Он дошел до конюшни и стал седлать своего жеребца.

– Я должен поехать к Уиндемам.

– К Уиндемам, – повторила она. – Это ваши соседи?

– Наши соседи, – поправил Эйдриан.

– Наши соседи, – послушно повторила Кларисса. – Зачем?

– Зачем – что?

– Зачем вы едете к Уиндемам? – нетерпеливо спросила она. Когда он стал медлить с ответом, Кларисса сжала его руку и потянула, заставляя повернуться к ней лицом. – Что произошло?

– Ничего, – сразу же ответил он, но, избегая ее взгляда, отвернулся к лошади.

Кларисса дернула его за руку.

– Тогда зачем вы едете на встречу с Реджиналдом? Эйдриан замер.

Он медленно повернулся, чтобы посмотреть на нее.

– Вы знали, что он там?

– Да.

– Откуда? – резко спросил он.

– Мы сегодня столкнулись с ним в деревне. Он объяснил, что гостит у Уиндемов.

– Боже мой, он мог убить вас, – в ужасе прошептал Эйдриан. – Кларисса, вы не должны больше ходить гулять одна.

– Я вряд ли была одна, милорд. Со мной была Лидия и как минимум четверо слуг, следовавших за нами до деревни и обратно, – сухо заметила она. – И не вздумайте обвинять

Реджиналда в этом. Я знаю, что Хедли подозревает его, но думала, что у вас больше здравого смысла. Реджиналд никогда никому не причинил бы зла.

Эйдриан нетерпеливо вздохнул.

– Киббл приставил людей следить за Лидией сразу, как она приехала. Если верить им, она не могла положить отравленный пирог в вашу комнату. Это оставляет всего одного подозреваемого.

– Реджиналда? – Она покачала головой. – Я не верю в это.

– Я тоже сначала не верил. Но – согласно Хедли – ему нужны деньги, и он действительно мой наследник, если вас нет... рядом. Он также единственный человек, кто был с нами и здесь, и в Лондоне. Уиндемы живут всего в получасе езды отсюда, достаточно близко, чтобы незаметно пробраться и оставить кусок отравленного пирога у вашей постели.

Отвернувшись, он стал подтягивать подпругу.

– Не уходите далеко от дома. А еще лучше оставайтесь в доме, пока я не вернусь. – И, не дожидаясь ее согласия, Эйдриан повел коня из конюшни, вскочил в седло и поскакал к поместью Уиндемов.

Кларисса смотрела ему вслед, сдвинув брови. Она ни на мгновение не верила, что Реджиналд стоял за всеми этими несчастными случаями. Для нее было очевидно, что Эйдриан сейчас не очень ясно мыслил. Он ведь даже не заметил ее очки! А теперь этот глупец собирался разрушить дружбу, которая была у них с самого детства. Она печально вздохну-

ла и направилась к дому.

Пока она шла, слова Эйдриана постоянно вертелись в ее голове.

«Он также единственный человек, кто был с нами и здесь, и в Лондоне». Именно об этом говорили мужчины, когда она подслушала их в библиотеке. Кто бы ни стоял за происшествием с фонтаном, пожаром и отравлением, это явно был кто-то, кто жил с ней в Лондоне и кто теперь находился здесь.

Конечно, еще оставалась Лидия. Честно говоря, Кларисса не страдала ни от каких несчастных случаев, пока не приехала Лидия. Но, по словам Эйдриана, Киббл приказал лакеям следить за ее мачехой, и выяснилось, что женщина была не причастна к отравлению. Не то чтобы Кларисса вообще могла поверить в ее виновность. И все же было хорошо иметь доказательства.

Реджиналд тоже был в городе и теперь оказался в соседнем поместье, но он никак не мог быть преступником. Это было невозможно. Он был очень добр к ней каждый раз, когда они встречались до свадьбы и даже сегодня в деревне.

Нет, подумала она. Должен быть кто-то еще. Кто-то...

Шаги Клариссы замедлились, и она вдруг остановилась, когда внезапная мысль осенила ее. Действительно, существовал кто-то другой, кто был и в городе, и здесь, с давлением поняла она. Но нет, сразу же подумала Кларисса, этого не может быть. Или может?

Нахмурившись, Кларисса вошла в дом и направилась в библиотеку. Ей нужно о многом подумать.

– Кузен! – Реджиналд вошел в гостиную, в которую провели Эйдриана, широкая гостеприимная улыбка играла на его лице. – Я думал, ты слишком занят своей молодой женой, чтобы наносить визиты, иначе я бы сам приехал в гости.

– У меня уже полон дом гостей, – сказал Эйдриан. – Еще одним больше – не важно.

– Вообще-то я знал это, – признался Реджиналд. – Я подумал, что тебе не нужен еще один.

– Откуда ты узнал?

Глаза Реджиналда расширились от резкого тона кузена.

– Начать с того, что тетя Изабел приехала всего за несколько минут до тебя и рассказала об этом. Честно говоря, я провожал ее в отведенную ей комнату, когда дворецкий лорда Уиндема пришел сообщить о том, что ты здесь.

Эйдриан нахмурился. Он уже думал, что поймал Реджиналда: если тот в последние несколько дней тайком пробирался в Моубри, то, конечно, знал бы, что сейчас там гости.

– Итак, что я могу для тебя сделать? – беззаботно спросил его кузен, усаживаясь в кресло рядом с Эйдрианом. – Тебе нужна помощь с женой? Совет, как ухаживать за ней, или что-нибудь в этом роде? Я, как всегда, к твоим услугам. – Он улыбнулся.

Губы Эйдриана сжались. Он не хотел верить, что этот че-

ловек мог пытаться убить Клариссу. Он должен отбросить последние сомнения.

– Ночь бала у Крамбри, – вдруг сказал Эйдриан, и брови Реджиналда удивленно поползли вверх.

– А что с ней? – спросил Реджиналд.

– Ты ведь не отдавал то письмо мальчишке, чтобы передать Клариссе?

– Конечно, нет. Я поехал на бал, чтобы поговорить с ней лично и послать к тебе, как и было запланировано. Зачем мне посылать записку? – Он замолчал и нахмурился. – Хотя, возможно, мне следовало подумать об этом. Так я мог бы не ездить туда. Тот бал на самом деле был довольно скучным, даже в то короткое время, что я пробыл там.

Эйдриан нахмурился и отвернулся, потом спросил:

– В котором часу ты уехал?

– Сразу после того, как поговорил с тобой. Ну, не совсем сразу. Мне потребовалось время, чтобы найти Дживерса. Но как только я нашел его и предупредил, что ухожу, я уехал. Я пошел к «Стодту» и потерял там небольшое состояние.

Эйдриан сжал губы. Дживерс был тем самым другом Реджа, которого пригласили на бал и которого Реджиналд сопровождал, чтобы иметь возможность поговорить с Клариссой. «У Стодта» был игорный дом, пользующийся дурной репутацией.

– Ты поехал один? – спросил он.

– К «Стодту»? – Реджиналд удивленно поднял на него гла-

за. – Вообще-то нет, по дороге я наткнулся на То-рогуда, и он поехал со мной. – Он нахмурился. – К чему все эти вопросы, Эйдриан? – Его рот превратился в жесткую линию, когда Эйдриан не ответил, и он медленно произнес: – Тетя Изабел рассказала мне, что позавчера Клариссу отравили. Я полагаю, это означает, что ты был прав насчет того, что некоторые из «несчастливых случаев» были покушениями на ее жизнь.

Эйдриан пожал плечами, избегая смотреть ему в глаза.

– Тетя Изабел сказала, что ты, Хедли и лорд Крамбри пытаетесь вычислить, кто может стоять за всеми этими «несчастливыми случаями». И вы все согласны, что это должен быть кто-то, кто был тогда в городе и кто сейчас находится здесь.

Эйдриан неловко заерзал в кресле.

– Как, например, я, – спокойно продолжил Реджиналд. Когда Эйдриан вздрогнул от этого замечания, он резко вскочил на ноги. – Ты действительно подозреваешь меня!

– Я не хотел делать этого, – быстро заверил его Эйдриан, – но, как ты сказал, Хедли настаивает, что это должен быть кто-то, кто был и в городе, и здесь, и... ну, я предпочел бы, чтобы это была Лидия, но выяснилось, что она невиновна и что остался...

– Я, – сухо перебил его Реджиналд. – Ну что ж, большое спасибо. После всех моих стараний помочь вам двоим быть вместе – не говоря о том, сколько лет мы знаем друг друга. И теперь ты решил, что я какой-то сумасшедший убийца?

– Не сумасшедший, – быстро сказал Эйдриан, но сразу понял, что этого не надо было говорить.

– Зачем, черт возьми, мне нужно убивать Клариссу? – спросил Реджиналд. – Этот Хедли хотя бы подумал, что у меня нет мотива?

– Ну, вообще-то, – признался Эйдриан, – он предложил мотив.

Реджиналд заморгал. Не веря своим ушам, он спросил:

– Что? Какой мотив может быть у меня, чтобы убить твою жену?

– Похоже, он услышал кое-какие сплетни, что ты в отчаянном финансовом положении.

Реджиналд фыркнул:

– Вот именно, это только сплетни. И распустил их я сам. Кроме того, это мотив убить тебя, а не твою жену.

– Ты не наследовал бы мне, если бы Кларисса была жива.

– Да, но я всегда мог бы жениться на Клариссе. Честно говоря, если бы я собирался осуществить такой низкий план, я бы, вероятнее всего, убил тебя и женился на ней. Она прелестная маленькая штука, что я заметил с самого начала, и совершенно очаровательная. Если бы я только потрудился узнать ее получше и понять, что она не из тщеславия отказывается носить очки, я мог бы жениться на ней вместо тебя. К несчастью, я не смог удрать от нее достаточно быстро после того, как она обожгла мое хозяйство.

Эйдриан нахмурился от намеков, что его кузен и Кларисса

могли пожениться, потом спросил:

– Ты сказал, что сам распустил сплетни о своих финансовых трудностях. Зачем?

Реджиналд поморщился, и теперь уже ему было трудно смотреть в глаза кузену. Наконец он вздохнул и признался:

– Я заинтересовался одной дамой, которая появилась в свете в этом сезоне. Однако мне намекнули, что она охотница за состоянием. Поэтому, чтобы проверить ее, я пустил слух, что я в отчаянном положении.

– Правда? – удивленно спросил Эйдриан. Ему было странно видеть кузена краснеющим от смущения. Это, видимо, говорило о том, что Реджиналд всерьез заинтересовался названной дамой. – Кто она?

Кузен нахмурился:

– Это не имеет значения. Давай вернемся к теме Клариссы и ее предполагаемого убийцы.

Эйдриан вздохнул и кивнул; об амурных делах кузена он может спросить и позже.

– Если это не Лидия и не я – а я уверяю тебя, что это не я... – Реджиналд замолчал, чтобы сурово посмотреть на него.

– Кстати, ты можешь спросить об этом Торогуда. Он может подтвердить, что меня и близко не было у дома Крамбри, когда начался пожар. И я также разрешаю тебе спросить моего поверенного о моем истинном финансовом положении.

– В этом нет необходимости, – сказал Эйдриан, смущенный тем, что допустил мысль о виновности кузена. Надо бы-

ло прислушаться к своей интуиции. Реджиналд по натуре не убийца.

– Хм-м... – недовольно промычал Реджиналд. – Похоже, что это все-таки необходимо, иначе ты не примчался бы сюда проверять, не я ли стою за всем этим.

– Послушай, – сказал Эйдриан, – я сожалею об этом. На самом деле я не думал, что это ты, но мне нужно было удостовериться. Кто-то пытается убить Клариссу, и я...

Реджиналд жестом заставил его замолчать.

– Давай займемся вопросом, кто это может быть.

Эйдриан закрыл рот и шумно выдохнул.

Реджиналд продолжил:

– В любом случае, как я сказал, если ты уверен, что это не Лидия, и знаешь, что это не я, кто у нас остается?

Эйдриан потер лоб.

– Остаются только слуги – или кто-то, о ком мы даже не знаем.

Реджиналд поджал губы.

– Слуги, говоришь?

– Да. – Эйдриан нахмурился. – Но ни у кого из них нет мотива.

– Ну, у меня тоже не было, но ты же решил, что это я, – парировал Реджиналд.

– Не злись на меня за это. Тебя никто не просил заявлять, что ты банкрот.

Реджиналд снова надулся, потом сказал:

– Вернемся к слугам.

Эйдриан покачал головой:

– Как я уже сказал, нет никаких причин, заставляющих думать, что кто-то из слуг желает смерти моей жене. Кроме того, здесь, в поместье, у меня один штат слуг, а в городе другой. Никто из них не мог бы устраивать покушения в обоих местах, за исключением Кили и Джоан.

– Кили и Джоан? Джоан – это горничная Клариссы, не так ли? – Реджиналд нахмурился.

Эйдриан пристально взглянул на него:

– Что? Я узнаю это выражение, Редж. Что-то пришло тебе в голову. О чем ты думаешь?

Его кузен покачал головой, на его лице появилась неуверенность.

– Возможно, это ничего не значит. Может быть, я ошибаюсь.

– В чем, Реджиналд? – нетерпеливо спросил он. – Все, что ты знаешь, или думаешь, что знаешь, может помочь нам в этом деле. Просто скажи мне, не важно, как глупо это может показаться.

Реджиналд поморщился.

– Это просто... в вечер бала у Крамбри, когда я вернулся в дом...

Эйдриан кивнул.

– Ну, как я уже сказал тебе, мне понадобилось некоторое время, чтобы найти Дживерса.

Эйдриан снова кивнул:

– Да-да. И?..

– Наконец я нашел его, объяснил, что ухожу раньше, и вышел в коридор. В это самое время Кларисса и ее горничная спускались по лестнице, возвращаясь на бал. – Он снова замялся, потом вздохнул и сказал: – Ее горничная напомнила мне кое-кого, вот и все – но это не могла быть она.

– Не могла быть кто? Кого она напомнила тебе? – спросил Эйдриан.

– Актрису, которую я несколько раз видел на сцене, – наконец сказал Реджиналд. – Но это не может быть она. Я слышал, что она погибла при пожаре.

– При пожаре? – Эйдриан почувствовал, как по спине пробежал холодок, в памяти начали всплывать воспоминания. – Как звали ту актрису?

– Молли Филдинг, – ответил Реджиналд.

Рука Эйдриана с грохотом опустилась на подлокотник кресла, и в следующее мгновение он был уже на ногах и спешил к двери.

– Эй! – бросился за ним Реджиналд. – Куда ты помчался?

– Ты не помнишь имя человека, который похитил Клариссу, когда она была ребенком, и обманом заставил ее выйти за него замуж? – спросил Эйдриан, быстро идя по коридору к холлу. Его голос звучал так же тяжело, как тяжело теперь было у него на сердце.

– Да. Это был капитан Филдинг, – ответил Реджиналд. Он

вслед за Эйдрианом вышел из дома и направился к конюшням.

– И, согласно сплетне, это капитан Филдинг и его сестра встретили ее в гостинице, а потом возили с места на место, пока наконец не привезли в Гретна-Грин.

– Это могло быть совпадение, – предостерег Реджиналд. – Я сказал, что горничная похожа на Молли Филдинг. Известно, что Молли погибла при пожаре. Вот почему она исчезла со сцены.

– Хедли говорил, что сестра капитана Филдинга погибла при пожаре. Молли Филдинг должна быть этой сестрой, – настаивал Эйдриан. Он пошел вдоль ряда денников, ища свою лошадь.

– Хорошо, – уступил Реджиналд. Его кузен остановился у второго стойла и открыл его, чтобы вывести жеребца. – Но ты только что сказал, что она погибла при пожаре. Как может горничная Клариссы, Джоан, быть Молли?

– Я не знаю, но все сходится. – Эйдриан наконец нашел своего коня. Он вывел его, поставив рядом с жеребцом Реджиналда, и начал седлать. – Она была и в Лондоне, и здесь. У нее есть доступ в комнату Клариссы, и она легко могла оставить тот кусок пирога. И это она вызвала Клариссу с бала, чтобы получить письмо якобы от меня.

– Но ты сам тогда сказал, что Кларисса не могла прочитать письмо. Зачем посылать его ей?

– Не знаю, – признался Эйдриан. – Возможно, именно по-

этому. Она знает, что Кларисса не может читать без очков, и никто не подумал бы, что она могла послать письмо-ловушку Клариссе, зная, что она не сможет его прочитать. Что было очень умно. Именно по этой причине я не подозревал ее, – заметил он. – Кроме того, если за всем этим стоит Джоан и она организовала доставку письма, она могла также назначить время, когда его должны доставить, чтобы быть поблизости, когда мальчишка принесет письмо. И... о, какой полезной она все это время выглядела... – сухо добавил он.

– Почему Кларисса не узнала ее? – сдвинув брови, спросил Реджиналд.

– Она не видит без очков, – напомнил Эйдриан. – И я не думаю, что Джоан с ней очень долго. Кларисса говорила что-то о своей горничной, которая осталась в поместье. Та женщина до нее служила ее матери и была слишком стара, чтобы ездить в Лондон и обратно. Она ушла на покой, когда Кларисса уехала в столицу. – Он покачал головой. – Кларисса, возможно, никогда и не видела Молли в очках. Она...

– Что? – спросил Реджиналд, когда он внезапно умолк.

– Перед свадьбой Лидия послала за очками для Клариссы. Очевидно, они прибыли накануне, и Джоан поспешно понесла их наверх, но Кларисса говорила, что случайно выбила их у нее из руки одеялом. Теперь мне интересно, на самом ли деле Кларисса выбила их, или Джоан просто сказала, что так было, а сама бросила их так, чтобы они обязательно разбились.

– М-м... Это кажется возможным, – пробормотал Редж. Он нахмурился. – Но зачем Джоан... э... Молли, если это Молли... зачем ей вообще желать Клариссе смерти?

– Филдинг умер в тюрьме, – напомнил ему Эйдриан, когда они выводили уже оседланных лошадей из конюшни. – Возможно, она винит Клариссу в его смерти. В конце концов, его посадили в тюрьму за то, что он сделал с Клариссой.

– Проклятие! – пробормотал Реджиналд, когда они садились в седло. – Я снова и снова повторяю это: в наши дни так трудно найти хорошую прислугу. Мало того что они тайком обкрадывают тебя, так нужно еще беспокоиться и о том, как бы они не лишили тебя жизни.

Эйдриан фыркнул в ответ, направляясь в сторону дома, и пришпорил коня, посылая животное в галоп. Он был рад, что кузен простил его достаточно, чтобы поехать вместе с ним; сейчас он был так зол, что мог бы убить горничную голыми руками. Конечно, если она тронула хоть волосок на голове Клариссы, пока его не было дома, он именно так и поступит. Даже Реджиналд не сможет остановить его.

Глава 20

– Не стой на пороге, Джоан. Входи, – сказала Кларисса, поднимая глаза от книги, которую пыталась читать. Она никак не могла сосредоточиться, ее одолевали тревожные мысли, и большинство из них было о женщине, идущей сейчас к ней через библиотеку.

Джоан и Кили были единственными, кроме Эйдриана, Лидии и Реджиналда, кто был в городе и находился сейчас в поместье Моубри или поблизости. Кларисса не верила, что Лидия или Реджиналд могли подстроить те несчастные случаи, и она точно знала, что это был не Эйдриан. Так что оставались Джоан и Кили.

Джоан была самым вероятным подозреваемым. Кили был уже старик. Кларисса просто не могла представить, как он проникает в ее лондонский дом под покровом ночи, чтобы устроить пожар в коридоре перед дверью ее спальни. Или как он перелезает через заднюю калитку, чтобы проскользнуть по дорожкам в саду и ударить ее по голове.

С другой стороны, Джоан не было необходимости куда-то пробираться. Она всегда была рядом и всегда знала, где находится Кларисса и с кем она. Джоан действительно была единственной вероятной подозреваемой.

Главная сложность для Клариссы заключалась в том, что она не могла найти никакой причины так поступать. Кроме

того, девушка ей нравилась, со вздохом призналась она.

Закрыв книгу и отложив ее в сторону, Кларисса внимательно посмотрела на Джоан, когда горничная остановилась перед ее столом. Ее глаза тут же сузились. Она никогда не видела служанку под таким углом, по крайней мере в очках. Только сейчас она заметила маленькую выпуклую родинку под ее подбородком. Кларисса уже видела такую родинку и точно на таком же месте. Десять лет назад.

Она смотрела на нее, потом перевела взгляд на лицо Джоан, внимательно изучая ее, прежде чем сказать:

– Что такое, Молли?

– Я просто хотела узнать, не хотите ли вы чашечку какао или чая, пока читаете, – спросила горничная.

Клариссы замерла. Джоан даже не заметила перемену имени. Этот факт и родинка были достаточными для Клариссы доказательствами.

– Нет, если он будет отравлен, как тот пирог... Молли, – снова сказала она.

Горничная вздрогнула, ее лицо стало непроницаемым, а глаза – настороженными, как у загнанной в угол кошки.

– Вы знаете.

– Я знаю, кто ты, – призналась Кларисса. – Но не понимаю, почему ты пыталась убить меня.

Руки Молли Филдинг сжались в кулаки.

– Мой брат.

– Джереми, – пробормотала Кларисса, вспомнив того че-

ловека. Он выглядел совершенно потрясающе в военной форме. По крайней мере она так думала тогда, в юности. Эй-дриану он и в подметки не годился.

– И моя мать, – добавила Молли.

– Я никогда даже не видела вашу мать, – удивленно сказала Кларисса.

Молли с горечью продолжила:

– Когда Джереми приговорили и посадили в тюрьму, мы остались без всякой поддержки. Мне пришлось пойти на сцену, чтобы заработать на кусок хлеба. До этого я жила спокойной, беззаботной жизнью. Я даже не подозревала, как жестока может быть реальность.

– Мне жаль, что тебе пришлось пойти на это, чтобы поддержать себя и мать... – начала Кларисса, но Молли еще не закончила.

– Но на самом деле все было тщетно, – сказала она. – Я делала это ради мамы, но она умерла от горя после скандала и осуждения Джереми. А потом он умер... – Она подняла на Клариссу злые глаза, и в ее голосе зазвучал гнев. – Ты погубила их обоих.

– Я...

– И я пообещала себе, что однажды заставлю тебя заплатить.

Кларисса вздохнула, с жалостью глядя на Молли.

– И ты ждала все это время, чтобы отомстить.

– Честно говоря, я не ожидала, что мне представится шанс

сделать это, – призналась Молли, взяв со стола нож для бумаги и рассеянно вертя его в руках. – Но потом, в начале сезона, ты, Лидия и ее друзья появились на пьесе, в которой я играла.

Кларисса удивленно заморгала. Она произнесла:

– Пьеса? Я всего один раз в жизни была в театре. Это была одна из шекспировских пьес, когда мы только приехали на сезон. – Она нахмурилась, не в силах вспомнить названия. Она тогда все равно ничего не могла видеть без очков и задремала, слушая. Отчаявшись вспомнить название, она спросила: – Ты была в той пьесе? Как актриса?

Молли кивнула:

– Моя героиня умерла в первом акте. Пока я лежала на сцене, я заметила вас в одной из лож. Во время антракта я проскользнула в фойе, чтобы посмотреть поближе и убедиться, что это ты. Я подслушала, как Лидия говорила, что тебе нужна горничная, что твоя прежняя была слишком стара, чтобы сопровождать в город. Я стояла прямо за тобой, и ты вдруг повернулась и огляделась по сторонам. Ты смотрела прямо на меня, и на твоём лице не отразилось ни малейшего узнавания. И тогда до меня вдруг дошло, что ты без очков.

– Лидия уже забрала их, – тихо сказала Кларисса.

Молли кивнула:

– Я не уверена, что даже тогда решилась бы на это, если бы мне не помогла судьба. В тот вечер я вернулась домой измученная и злая и проснулась посреди ночи от запаха ды-

ма. Наш дом был в огне. Мне удалось выбраться через окно, но у меня не было времени, чтобы взять какую-нибудь одежду. Мне пришлось украсть ее. При пожаре я потеряла все. Только когда взошло солнце, я увидела, что украла. Это была одежда горничной. – Она коротко хохотнула. – Это казалось почти милостью providения. Я не общалась ни с кем, кого знала в прошлой жизни. Я решила, пусть они думают, что я погибла в огне, и решила попробовать наняться к тебе горничной.

– Ты не боялась быть узнанной? – удивленно спросила Кларисса. – Если не мною, то кем-то другим? Ведь, несомненно, твое лицо как актрисы должно быть известно.

– Не очень. Никто не обращает внимания на слуг, – ответила Молли, равнодушно пожимая плечами. – Я больше беспокоилась, смогу ли получить это место. Я ничего не знала о том, как быть горничной. Но, думаю, моя игра на сцене со служила мне хорошую службу. К вечеру того дня я уже была твоей служанкой.

– И потом начались несчастные случаи, – сказала Кларисса. – Я так понимаю, благодарить за падение с лестницы мне нужно тебя?

– Предмет, о который ты споткнулась, был мой башмак. Я снова быстро надела его и поспешила вниз узнать, в порядке ли ты после падения.

– А перед каретой?

Молли покачала головой:

– Это был просто несчастный случай. Я не имею к нему никакого отношения.

– Отравленный пирог?

– Думаю, я положила мало яда.

– Когда меня ударили по голове и бросили в фонтан?

Губы Молли напряглись от гнева и воспоминаний.

– Я наняла отца того мальчишки, который принес письмо.

Он должен был только ударить тебя по голове и бросить без сознания. Предполагалось, что я сама прикончу тебя, но он слишком разошелся и пытался сделать это сам. Он старался произвести на меня впечатление, – сухо сказала она.

Кларисса обдумала это, потом спросила:

– Пожар?

Молли кивнула:

– Я заперла твою дверь и устроила поджог в коридоре, потом незаметно вернулась в постель, чтобы меня разбудили, когда пожар обнаружится.

Кларисса вздохнула и покачала головой:

– Мне жаль, что твоя мать умерла, Молли. Я тоже потеряла мать и знаю, как это может быть тяжело. Но ты обвиняешь не того человека. Скандал и все остальное – это дела твоего брата. А он умер в тюрьме. Его смерть не имеет ко мне никакого отношения, – тихо заметила она.

– Никакого отношения к тебе? – не веря своим ушам, повторила Молли, потом наставила на нее нож для бумаги и сказала: – Он умер в тюрьме... куда ты отправила его. Он во-

обще не должен был попасть в тюрьму. Он был хороший человек, добрый и милый, и...

– Извини, Молли, – удивленно перебила ее Кларисса, – но ты, похоже, забыла, что твой брат похитил меня и обманом вынудил выйти за него замуж, чтобы получить мое наследство. Я вряд ли могу назвать его хорошим, добрым и милым человеком.

– Он любил тебя.

– Он любил мое наследство и придумал план, как получить его, – нетерпеливо поправила Кларисса. – И этот план не удался, как часто бывает со всеми плохими планами. Его поймали и заставили заплатить.

– Не надо было бы ничего платить, если бы он осуществил брак.

Кларисса не могла спорить с этим. Если бы капитан Филдинг принудил ее, брак уже нельзя было бы расторгнуть. Она бы сейчас прозябала в браке с человеком, которого интересовало только ее наследство.

– Благодаря своей доброте он позволил тебе отдохнуть в ту ночь – и эта доброта погубила его, – ожесточенно сказала Молли, в ее глазах появились слезы.

– Доброта, черта с два! – раздраженно бросила Кларисса, в подробностях вспомнив ту ночь и все ее унижения. Она не рассказала Эйдриану всего о своей первой брачной ночи; она никому этого не рассказывала. На самом деле капитан Филдинг не спрашивал, не слишком ли сильно она устала,

когда заговорил на эту тему; он заявил, что она устала, и потом оставил ее одну. Теперь она была за это благодарна, но тогда быть вот так отвергнутой ей казалось унижительно.

– Твой брат не осуществил брак потому, что не пожелал утруждать себя, – мрачно сообщила Молли Кларисса. – Он не считал меня привлекательной. Мои груди были недостаточно большими, а служанка в таверне больше соответствовала его вкусам.

– Ты лжешь! – задохнулась Молли. – Это его доброта не позволила ему осуществить брак с тобой. Он сам мне так сказал. Его доброта погубила его. Совсем чуть-чуть этой доброты в ответ могло бы спасти его. Но ты ничего не дала взамен.

– Я не могла сделать ничего, после того как люди моего отца нашли нас, – возразила Кларисса. А потом честность заставила ее добавить: – Но даже если бы я могла сделать что-то в его интересах, я не знаю, что это могло бы быть. Для меня он был чужим человеком, а после того как нас нашли, я знала, что все это была ложь, чтобы заполучить мое наследство.

– Чужим человеком? – не веря своим ушам, воскликнула Молли. – Он любил тебя. Он говорил мне, что влюбился в тебя сразу же, как увидел.

– Тогда он лгал и тебе тоже, – твердо сказала Кларисса. – Возможно, чтобы сделать свой план более приемлемым для тебя и заручиться твоей поддержкой.

– Нет. – Молли покачала головой.

Кларисса раздраженно прищелкнула языком.

– Мы даже никогда не встречались. Как он мог заявлять, что любит меня?

– Он рассказывал мне обо всем этом, когда был в тюрьме. Он сказал, что наткнулся на тебя в театре, и...

– О, чепуха! – фыркнула Кларисса. – В том возрасте меня никуда не отпускали одну. Мы не встречались. Ты же наверняка помнишь, что когда я только приехала в гостиницу, он представился мне. Зачем бы ему представляться, если мы уже были знакомы?

Она увидела растерянность на лице Молли, когда та была вынуждена вспомнить их первую встречу. Думая, что она на правильном пути, Кларисса добавила:

– А что до его любви ко мне, так это тоже неправда. Я слышала это из его собственных уст. В ночь после нашей свадьбы мне приснился кошмар, и я пошла искать его. Когда я открыла дверь между нашими комнатами, я услышала, как он объяснял служанке – Бет, кажется, так ее звали, – что она очаровательная девушка с соблазнительной пышной грудью, в то время как его жена, увы, плоская, как доска, и некрасивая, как сапог. Когда девушка спросила, зачем же он женился на мне, он очень любезно объяснил, что, хотя внешность моя подкачала, зато у меня тяжелый кошелек. Потом он продолжил рассыпать ей комплименты, говоря, что это она причина, по которой он не стал вступать со мной в брак.

ные отношения, что он займется этим в следующую ночь на корабле, если достаточно оправится после ночи с ней, но что все время, пока он будет выполнять свой супружеский долг, он будет представлять, что делает это с ней. Потом твой брат продолжил угождать ей, а я закрыла дверь. Похоже, его жадность ограничивалась не только деньгами. Если бы он смог контролировать себя, он бы осуществил наш брак и таким образом спас себя. – Кларисса устало пожала плечами. – И все же я вечно благодарна, что в том возрасте была плоской доской. И я была еще более благодарна, когда появились люди моего отца.

– Ложь. Все ложь! – взвыла Молли, поднимая нож для бумаги.

– Неужели? Подумай. Ты же была там. Всю дорогу от Лондонадо Гретна-Грин я была покладистая и тихая... до последнего утра. Ты не помнишь, какой раздраженной и несговорчивой я стала тогда? Как я требовала вернуться домой? Твой брат сказал, что я просто переутомилась, но когда я продолжила настаивать, он дал мне пощечину. Ты этого не помнишь?

Неуверенность на лице Молли усилилась, и нож для бумаги немного опустился. Воспоминания о том, что говорила Кларисса, явно всплывали в ее голове.

– Да, – пробормотала она, хмурясь. – Почти все время тобой было легко управлять, до самого...

– До самого последнего утра, утра после первой брачной

ночи, в которую ничего не случилось.

Нож для бумаги опустился еще чуть ниже, на лице Молли была написана растерянность. Но когда Кларисса встала, Молли снова угрожающе вскинула нож, в ее глазах вспыхнул гнев.

– Нет. Ты пытаешься одурачить меня. Он не мог солгать мне.

Кларисса вздохнула.

– Почему? Разве раньше мужчины никогда не лгали, чтобы заставить тебя сделать то, что им нужно?

– Только не Джереми.

– Он никогда не лгал тебе? Никогда? – спросила она. – Даже чтобы выпутаться из неприятностей? – Когда в лице горничной снова появилось сомнение, Кларисса попробовала другую тактику. – Когда он сказал, что увидел меня и влюбился?

– Он говорил, что видел тебя в театре, – осторожно ответила Молли, как будто ожидая ловушки.

Кларисса улыбнулась:

– Видишь? Это невозможно. Я никогда не была в театре до этого сезона – никогда до того вечера, когда ты увидела меня. Я сказала тебе это не более десяти минут назад, когда ты говорила, что это был первый раз, когда ты увидела меня снова.

Молли еще сильнее нахмурилась, и ее голос был не очень убежденным, когда она сказала:

– Ты, возможно, лгала даже тогда.

– Зачем мне лгать? Я не знала тогда, что он говорил, что видел меня там. – Молли все еще сомневалась, и Кларисса нетерпеливо подвинулась. – Почему ты не хочешь посмотреть правде в глаза? Твой брат не был хорошим, добрым человеком, каким ты его считала.

– Нет был! Мой Джереми никогда бы не сделал того, в чем ты его обвиняешь. Он должен был любить тебя.

Кларисса почувствовала, как ее охватывает жалость, когда увидела страдание и страх на лице Молли Филдинг. Она сказала мягко:

– Возможно, Джереми, которого ты знала, и не мог бы. Но твой брат прошел через войну, многие годы видел вещи, которые ты не можешь и представить. Говорят, война меняет людей. Возможно, тот Джереми, что вернулся, был уже совсем другим человеком.

С губ Молли сорвался вскрик, она рухнула в кресло перед письменным столом, рука, сжимающая нож для бумаги, безвольно упала.

– Что я наделала? – безнадежно простонала она.

– Ничего непоправимого, – заверила ее Кларисса, делая медленный осторожный шаг вокруг стола. Она резко остановилась, когда Молли вдруг горько захохотала и снова вскинула нож, на этот раз прижимая его к своему запястью.

– Пожалуйста, не подходите ближе, миледи. Я... – Качая головой, она посмотрела на лезвие в своей руке и снова пе-

ревела взгляд на Клариссу, беспомощный, безнадежный.

– Не надо делать ничего поспешного, Джоан. Молли, – поправила Кларисса. – Все будет хорошо.

– Вам легко говорить. Это не вам грозит тюрьма.

– Ты не попадешь в тюрьму, – заверила ее Кларисса.

– Как такое может быть? Я пыталась убить вас. – Молли горестно покачала головой. – Я достаточно насмотрелась на тюрьму, когда посещала Джереми. Лучше я умру.

– Я не отправлю тебя в тюрьму.

– Но я пыталась убить вас, – повторила Молли. Кларисса вздохнула:

– Ну, ты плохо старалась. Я все еще жива.

Молли шмыгнула носом и с надеждой приподняла голову, как будто Кларисса обещала ей спасение.

– Ну, – продолжала Кларисса, – это же правда, разве не так? Я почти все время была слепа, как летучая мышь, и беспомощна. Если бы ты действительно хотела осуществить свое намерение, я уверена, ты бы это сделала. Вместо этого ты постоянно портила всю работу. А в качестве моей горничной ты прекрасно знала свое дело. Нет, я не думаю, что ты действительно искренне хотела убить меня.

– Да, – со вздохом призналась Молли. – Я хотела причинить вам боль. Я хотела, чтобы вы страдали, но, похоже, не могла... – Замолчав, она покачала головой. – Боюсь, хотите вы меня посадить или нет, мало значит. Если у вас хватило ума вычислить все это, ваш муж тоже все поймет – это только

дело времени. Он-то уж позаботится, чтобы отправить меня в тюрьму.

Кларисса нахмурилась, понимая, что Молли права: Эйдриан захочет, чтобы она была как следует наказана. Ее мозг лихорадочно заработал, ища выход, и вдруг она просияла и выпалила:

– Америка.

Молли непонимающе смотрела на нее.

– Америка?

– Ты могла бы поехать туда. Я оплачу тебе билет. Ты можешь все начать заново. С чистого листа, без страха, что прошлое вернется, чтобы преследовать тебя.

– Я не могу позволить...

– Я оплачу твой билет, – твердо повторила Кларисса, наклоняясь над столом и доставая листок бумаги, чтобы быстро выписать вексель. – Я также дам тебе достаточно денег, чтобы ты могла начать какой-нибудь небольшой бизнес – например, пансион.

– Зачем? – в замешательстве спросила Молли. – Зачем вы...

– Потому что мы обе пострадали от рук твоего брата, Молли. Он обманул нас обеих, и мы обе страдали от этого все последние десять лет. Ты даже больше, чем я. Кроме того, Молли, я помню, как добра ты была ко мне в той поездке, как утешала меня и говорила, что все будет хорошо.

Кларисса написала свое имя на векселе и выпрямилась,

чтобы отдать его.

– Вот. Возьми. Я прикажу кучеру отвезти тебя в Лондон. Ты можешь забрать свои вещи, отнесешь этот вексель в банк, чтобы получить деньги, а потом сядешь на корабль в Америку. – Увидев, что Молли колеблется, надеясь и в то же время боясь надеяться, Кларисса добавила: – Там ты сможешь организовать пансион и начать жизнь уважаемой женщины. Если дело пойдет хорошо, ты сможешь когда-нибудь вернуть мне деньги.

Это, похоже, все решило, и Молли неохотно взяла вексель.

Улыбаясь, Кларисса забрала у нее нож для бумаги прежде, чем Молли успела передумать, положила его на стол, потом взяла ее под руку и повела к двери, с ужасом сознавая, что Эйдриан может вернуться в любую минуту.

– У тебя есть здесь что-то ценное? – спросила она.

– Нет, я мало что привезла сюда. Почти все мои вещи остались в Лондоне.

– Тогда ты должна забрать их перед отъездом, – пробормотала Кларисса, открывая дверь библиотеки и выводя Молли в холл. – Все будет хорошо. Я слышала, Америка теперь процветает. Или ты можешь поехать во Францию. У тебя большой выбор. Даже не говори мне, что ты выберешь. Все будет хорошо.

Заметив Киббла, идущего по коридору, Кларисса позвала его, чтобы передать приказ кучеру приготовить и подать ка-

рету; потом она повела Молли к парадной двери и вывела на ступеньки.

– Тебе вовсе не нужно покидать Англию, если ты этого не хочешь. Обещаю, тебя не будут преследовать за то, что случилось здесь.

Молли повернулась к ней, кривая улыбка играла на ее губах.

– Вот именно поэтому я так и не смогла навредить вам. – Когда Кларисса вопросительно подняла бровь, она объяснила: – Вы добрая. Я много раз видела, как женщины обходятся со своими слугами. Вы не такая, как они. Вы всегда были добры ко мне, обращались со мной так, будто мое мнение что-то значит – как будто мы равны. – Она криво улыбнулась. – Я почти жалею, что мой брат не осуществил ваш брак. Мы тогда были бы сестрами.

Кларисса улыбнулась:

– Да, были бы. Вообще-то пару дней мы ими действительно были. – Она обняла девушку и обернулась к карете, появившейся со стороны конюшен. – Если тебе понадобится помощь, обращайся ко мне, – пробормотала она ей на ухо, выпрямилась и повела ее вниз по лестнице. Кучер спрыгнул с козел, чтобы открыть дверцу.

– Спасибо, – прошептала Молли. Со слезами на глазах она сжала руку Клариссы и села в карету.

– Отвези ее туда, куда она захочет, – приказала Кларисса. Кучер закрыл дверь. Повернувшись, Кларисса стала снова

подниматься по лестнице, когда кучер наклонился к окошку, чтобы услышать место назначения. К тому времени, когда она дошла до двери, он уже получил инструкции, сел на место и, хлопнув вожжами, пустил лошадей вперед.

– Вы слишком мягкосердечны.

Кларисса резко обернулась на этот глубокий низкий голос и обнаружила, что ее муж стоит за ее спиной на ступеньках. Лорд Гревилл загораживал дверной проем позади него.

– Давно вы здесь?

– Да, – ответил он. Потом он повторил: – Вы слишком мягкосердечны, женушка.

Проигнорировав его слова, она повернулась, чтобы посмотреть, как карета катится по дорожке, и спросила:

– Вы двое по-прежнему друзья?

– Конечно, – ответил Эйдриан.

Он помолчал, пронзительно глядя на Реджиналда, который произнес одновременно с ним:

– Я еще не решил.

Кларисса слегка улыбнулась обоим мужчинам; потом прошла мимо мужа, чтобы взять Реджиналда под руку и вернуться вместе с ним в дом.

– Ну же, милорд, вы должны простить моему мужу эти ложные обвинения. Теперь вы должны понимать, каким он становится недалеким, когда дело касается тех, кого он любит. Боже мой, да вы только посмотрите, он ведь даже не заметил, что на мне очки!

Кларисса почувствовала, как ее муж позади нее споткнулся, и остановилась, протягивая ему руку. Эйдриан выглядел очень бледным, его вдруг ставший больным взгляд не отрывался от проволочной оправы ее очков.

– Вы можете видеть меня?

– Я всегда могла видеть вас, милорд. Просто теперь я вижу вас лучше, – мягко сообщила она ему.

Он побледнел, и Реджиналд нетерпеливо переступил рядом с ней.

– Это ты действительно был слеп, разве не так? – саркастически спросил он. – Ты не понимал, что она просто близорука? Вблизи она может видеть довольно хорошо.

– Полагаю, мой муж думал, что я никогда не видела его, – тихо пробормотала Кларисса. Все трое некоторое время молчали; потом Кларисса вздохнула и посмотрела на Реджиналда: – Возможно, милорд, вы пройдете внутрь и нальете себе чего-нибудь выпить в гостиной?

Кузен Эйдриана широко улыбнулся:

– У меня есть идея получше. Думаю, я вернусь к Уиндемам и оставлю вас разбираться с ним. – Сказав это, он грациозно поцеловал ее руку и, спустившись по ступенькам, по которым они только что поднялись, поспешил к конюшне.

– Вы действительно видели меня до этого? – спросил Эйдриан, когда они остались одни.

– Да, милорд.

– Когда вы в первый раз увидели меня? – медленно спро-

сил он.

– В тот вечер, когда мы познакомились – вы наклонились, чтобы заговорить. Вы были достаточно близко, чтобы я могла разглядеть ваше лицо и прекрасные большие карие глаза.

Эйдриан отвернулся, автоматически пряча шрам, так, чтобы она смотрела на неповрежденную сторону его лица. Пройдя разделявшее их расстояние, Кларисса нежно взяла его за подбородок и снова повернула его лицо к себе; потом она поцеловала шрам, который он так сильно ненавидел.

Эйдриан вздрогнул, на его лице отразился страх.

– Так вы вышли за меня из жалости?

– Из жалости? – Кларисса едва не расхохоталась. – Фи, сэр! Вы оскорбляете самого себя! Вы красивый мужчина.

– Я чудовище. Всем известно, что от одного взгляда на мое лицо женщины падают в обморок.

Кларисса пожала плечами:

– Возможно, сразу после ранения ваш вид оставлял желать лучшего, пока шрам был еще красный, грубый и свежий, – но это было десять лет назад. Он зажил, смягчился. Ваш шрам – это просто часть вас, линия с одной стороны лица. Думаю, в вашей голове он гораздо больше, чем он есть в реальности.

– Нет. Я видел, как женщины сжимаются от ужаса.

– Вы видели таких в этом сезоне, милорд? – Эйдриан медлил с ответом, и она победно кивнула: – Я думаю, нет. Полагаю, некоторые дамы даже пытались завязать с вами роман,

пока мы были в Лондоне, – лукаво добавила она, вспоминая непристойное предложение леди Джонсон.

Эйдриан фыркнул от отвращения.

– Только желавшие попробовать, как это с уродом.

– О, я так не думаю. – Кларисса криво улыбнулась, входя в дом и направляясь в кабинет. – Но умоляю, продолжайте думать что хотите. Если дело в этом, мне никогда не придется бояться вашей неверности.

Эйдриан снова фыркнул, входя вслед за ней в кабинет.

– Вам в любом случае не нужно этого бояться. Меня не интересуют другие женщины. Я давным-давно перебесился.

– Хм-м... – Кларисса подошла к столу и осторожно села на край. – И вы думаете, что я вышла за вас, чтобы испытать, каково это – спать с уродом?

Эйдриан нахмурился:

– Вы все еще хотите меня, даже теперь, когда видите?

– Я уже говорила вам, муж мой: я видела вас в первый же день, когда мы познакомились, и еще много раз после этого. Я всегда хотела вас.

– Видеть меня урывками и видеть меня целиком и ясно, и к тому же в подробностях, когда я прикасаюсь к вам, – это совершенно разные вещи.

Кларисса задумалась над этим, потом серьезно кивнула:

– Конечно, вы правы, милорд. Это очень разные вещи. Полагаю, это означает, что теперь вы больше не хотите меня, если я снова буду носить очки.

Эйдриан заморгал.

– Это нечестное сравнение. Вы можете снять очки.

– Нет, если я хочу видеть, – заметила Кларисса. Она соскользнула со стола и начала расстегивать пуговицы своего платья. – Может быть, нам следует проверить это.

– Что вы делаете? – в смятении спросил Эйдриан, бросаясь закрывать дверь, когда она стала снимать платье.

– Ну что ж, мне кажется, милорд, что мы в несколько затруднительном положении. У меня не было очков, когда мы поженились, поэтому вы могли бы действительно считать меня в них уродливой. А я без очков не могла видеть вас «в подробностях», когда вы прикасались ко мне. Таким образом, мы оба не знаем, могли бы мы считать друг друга одинаково отталкивающими. Мне кажется, если так обстоят дела, мы должны выяснить, есть ли у нашего брака шанс.

Эйдриан, широко раскрыв глаза, смотрел, как его жена стянула платье с плеч и позволила ему упасть к ее ногам. Остальные предметы туалета быстро последовали за ними, и она осталась стоять перед ним нагая, как в тот день, когда она родилась... если не считать очков.

С трудом сглотнув, он смотрел на ее тело, его взгляд блуждал по ее груди, по плоскому животу к островку волос между ее ног. Подняв глаза, он увидел, что она взяла в ладони свои полные груди и недовольно смотрит на него.

– Все, как я и боялась, – расстроено произнесла она, и Эйдриан почувствовал, как у него от этих слов останавлива-

ется сердце. Она объяснила: – От одной только мысли о наслаждении, которое вы дарите мне своим телом, мои груди отяжелели и болят, соски набухли, как будто для поцелуя.

Эйдриан снова сглотнул, его глаза пожирали ее полные тугие груди, их твердые соски цвета темной корицы. Потом она отпустила одну грудь и провела рукой по животу к гнездышку кудрей между ее ног. Его глаза недоверчиво расширились, когда ее пальцы нырнули и исчезли внутри.

– О Господи!

Услышав этот вздох, Эйдриан снова резко поднял взгляд, и она объяснила:

– Я, кажется, уже влажная от ласки ваших глаз. Это совершенно невозможно. Как могу я беспокоиться о вашем шраме, когда все ваше тело, само ваше присутствие так действует на меня?

Отпустив свою грудь, она протянула другую руку к нему.

– Идите сюда, – прошептала она, и Эйдриан едва не запутался в собственных ногах, чтобы подчиниться.

Он поспешил вперед, взял ее за руку, потом неуверенно замер, когда она, прищурившись, посмотрела на него.

– Нет, похоже, это не поможет, милорд. Пока я очень ясно вижу ваш шрам, я, похоже, не могу игнорировать остальное ваше тело, чтобы представить, какой эффект может производить на меня один только шрам. – Ее взгляд встретился с его, и она выгнула бровь. – Вы не хотите присоединиться к этому эксперименту, муж, и посмотреть, вызывают ли в вас

неприязнь мои очки? – Эйдриан молча кивнул, и она улыбнулась. – Тогда почему раздета только я?

Эйдриан сорвал с себя сюртук, в порыве страсти швырнул его через комнату и стал нетерпеливо развязывать галстук, а Кларисса занялась пуговицами его рубашки. Ей удалось растегнуть только пару, когда он ослабил галстук настолько, чтобы сорвать его через голову; тогда он решил проблему, разорвав рубашку. Пуговицы разлетелись в разные стороны. Эйдриан даже не потрудился снять рубашку, а вместо этого занялся бриджами, растегнув их и спустив до середины бедер.

Его восставший член выскочил на свободу, и Кларисса тут же схватила его одной рукой и нежно сжала. Она посмотрела на него снизу вверх и улыбнулась:

– Кажется, мои очки не сдерживают вашу страсть, милорд. Для меня это огромное облегчение.

Эйдриан застонал, тронутый ее словами не меньше, чем прикосновением. Тогда он обхватил ее рукой за талию и поднял на стол, накрыв ее рот своим. Кларисса все еще держала его пенис, и он попытался смахнуть ее руку, чтобы придвинуться ближе, но ее рука инстинктивно сжалась. Эйдриан немедленно замер и застонал, и он почувствовал ее улыбку. Она расслабила пальцы настолько, чтобы скользить по его члену, лаская его. Поцелуй Эйдриана сразу же стал более страстным, более отчаянным, его руки скорее сжимали, чем ласкали. Он попытался положить ее спиной на стол, но

остановился, когда она вскрикнула от боли.

– Простите. Что?.. – Вопрос замер на его губах, когда она соскользнула со стола и повернулась, чтобы осмотреть его заставленную разными предметами поверхность. Он забыл очистить стол, понял Эйдриан, и почувствовал себя идиотом.

Кларисса наклонилась, чтобы начать собирать бумаги, и Эйдриан обнаружил, что его взгляд скользит по изгибу ее спины вниз к пьянящим округлостям. Не в силах удержаться, он протянул руку, чтобы повторить пальцами путь, проложенный глазами.

Она замерла, потом медленно выпрямилась. Она начала поворачиваться к нему, но Эйдриан не позволил ей. Схватив ее за плечо свободной рукой, он удержал Клариссу на месте и обхватил ее другой рукой, чтобы ласкать. Он пробежал по нежной коже ее бедра вниз, легким движением поднялся вверх к легкой округлости живота и еще выше, чтобы накрыть ладонью одну грудь.

Кларисса вздохнула, когда его ладонь сомкнулась на ее груди, подвинулась назад, прижимаясь к его естеству, выгибаясь навстречу его ласкам, и Эйдриан обхватил другой рукой ее вторую грудь. Он притянул ее еще ближе к себе и стал сжимать, ласкать и играть ее сосками, пока ее дыхание не стало прерывистым и она не застонала. Ее ягодицы прижимались к нему все более настойчиво. Эйдриан почувствовал, что ее голова трется о его грудь, и открыл глаза, которые да-

же не помнил, когда закрыл, чтобы обнаружить, что она запрокинула голову, ее губы искали его. Эйдриан подчинился ее требованию, опустив голову, чтобы поцеловать ее, в это время блуждая рукой между ее ног.

Кларисса вскрикнула в его губы, ее бедра настойчиво требовали новых ласк, когда он нашел ее влажный жаркий центр. Тогда она начала страстно сосать его язык. Он хотел быть внутри ее, окруженным ею, вернуться домой. И поэтому без дальнейшей суеты он оборвал их поцелуй, наклонил ее вперед и вошел в ее горячую влажную плоть.

Эйдриан видел, как Кларисса вцепилась руками в стол, потом он закрыл глаза, когда она приняла его в себя и подвинулась назад со стоном, говорящим одновременно и о наслаждении, и о желании. Он схватил ее за бедро одной рукой, другой продолжая ласкать ее и двигаясь вперед и назад.

Кларисса позволила ему сделать так три или четыре движения; потом она вдруг выпрямилась и отстранилась.

– Что? – Эйдриан заморгал, открывая глаза, и увидел, что она сбросила со стола все предметы, расчищая место, и теперь стояла к нему лицом.

– Я хочу видеть вас, когда вы занимаетесь со мной любовью, – задыхаясь, прошептала она. Протянув руку и обхватив его затылок, она притянула его голову вниз для поцелуя.

Эйдриан поцеловал ее в ответ, но его все еще беспокоила мысль, что она будет видеть его лицо. Он знал, что она говорила, будто бы это не волнует ее, но...

Кларисса вдруг отступила и поднялась на край стола, потом протянула руку и схватила его за член, чтобы притянуть к себе.

– Займись со мной любовью, Эйдриан! Занимайся со мной любовью, чтобы я видела тебя. Я хочу видеть, как мужчина, которого я люблю, занимается со мной любовью.

Эйдриан замер, мысли вихрем кружились в его голове.

– Вы любите меня?

Кларисса замерла: потом выражение ее лица смягчилось, когда она увидела в его лице надежду и удивление.

– Конечно, люблю. Как я могу не любить?

– Но...

– Никаких «но», муж, – прервала она его. – Я люблю вас. Я люблю ваше лицо, вашу улыбку, ваши глаза, даже ваш шрам. Я люблю вас всего.

Эйдриан встал между ее ног, поймал за бедра и вошел в нее.

– О... – Глаза Клариссы на мгновение закрылись. Секунду спустя она заставила их открыться и улыбнулась ему. – Я люблю вас, Эйдриан. Я буду говорить это до тех пор, пока вам не надоест это слышать.

Эйдриан остановился, его глаза не отрывались от ее лица, и он увидел, что в ее глазах за очками не было жалости, и лжи он тоже не увидел, только чистое, подлинное наслаждение, радость и любовь. Она посмотрела на него снизу вверх, потом приподнялась, чтобы нежно поцеловать его шрам.

– Это часть вас, Эйдриан. А я люблю вас всего.

Эйдриан почувствовал, что его рот расплывается в широкой сияющей улыбке, и он страстно поцеловал ее в губы. Но это был быстрый поцелуй, а потом он отстранился и сказал:

– Мне никогда не надоест слышать это от вас. И я тоже люблю вас, Кларисса. Я люблю вас всю – ваше тело, ваше сердце, вашу душу, вашу улыбку, ваш разум и даже ваши слепые глаза. Вы мое сердце. Вы заставляете меня улыбаться и смеяться. Вы делаете жизнь такой, что мне хочется жить. В очках или без них, одетую или нет, я люблю вас всю. И всегда буду любить. – Он наклонился, чтобы нежно поцеловать ее в лоб, и добавил: – Но, Богом клянусь, в данный момент я больше люблю вас обнаженной.

Кларисса рассмеялась:

– Я так рада! А теперь, пожалуйста, займитесь со мной любовью, и пусть утолится эта жажда.

Эйдриан, усмехнувшись, крепче сжал ее бедра и снова вошел в нее так глубоко, как только мог. Ее тело радостно приняло его, сжимаясь горячо и сильно вокруг его члена, когда он вышел и снова вошел. Каждый толчок был подтверждением. Она видела его в очках, и все равно хотела его, даже любила его. Она была его парой, его сердцем, его женой. Эйдриан не знал, чем заслужил ее, как они двое, словно слепые, наткнулись на эту любовь, но он поклялся сделать все, что в его силах, чтобы она была счастлива.

Навсегда.